

МИФЫ
БЕЗ ТРИФА

ОЛЕГ ПЛАТОНОВ

МИФЫ
И ПРАВДА
О ПОГРОМАХ

Платонов Олег Анатольевич

(р. 11.01.1950), русский ученый и писатель. Труды по экономике (“Русский труд”, “Качество трудовой жизни”, “Тысяча лет русского предпринимательства”, “Экономика русской цивилизации”, “Воспоминание о народном хозяйстве”) и истории России (“Убийство царской семьи”, “Григорий Распутин”, “Николай II”, “Русская цивилизация”).

Главный труд — серия историко-архивных исследований “Терновый венец России”: “Тайная история масонства”, “Заговор цареубийц”, “Николай II в секретной переписке”, “История русского народа в XX веке” (2 тома), “Тайна беззакония”, “Загадка сионских протоколов” — вышел по благословению митр. Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

MEMBER

ОЛЕГ ПЛАТОНОВ

**МИФЫ
И ПРАВДА
О ПОГРОМАХ**

Москва
«ЯУЗА»
2005

ББК 63.36
П 37

Оформление серии художника *П. Волкова*

Платонов О.
П 37 Мифы и правда о погромах. — М.: Яуза,
Пресском, 2005. — 352 с.

ISBN 5-98083-047-2

Сто лет назад враги России получили достойный отпор.

Теперь они называют это «погромами».

Но то было началом Русского Сопротивления.

Читайте новую книгу Олега Платонова, разоблачающую иудейский миф о «погромах» и неопровержимо доказывающую, что в большинстве случаев евреи были не «невинными жертвами», а зачинщиками и главными виновниками этих событий, которые заслуживают названия Отечественной войны за освобождение от иудейского ига.

ББК 63.36

ISBN 5-98083-047-2

© О. А. Платонов, 2005

© ООО «Издательство «Яуза», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обвинения русских в погромах евреев — один из главных мифов сионистской пропаганды, преследующих цель отвлечь внимание от самого чудовищного злодеяния во всемирной истории, которое когда-либо было совершено против целого народа. Кучка еврейских большевиков, сумевшая сплотить вокруг себя массу соплеменников из бывшей черты оседлости, а также легионы люмпен-пролетарского сброда разных национальностей убили русского Царя, всех его ближних, уничтожили за 1917 — 1935 годы более 10 млн. русских людей и прежде всего подавляющую часть русской элиты, превратив остальных в рабов. К середине 30-х годов в стране было закрыто большинство церквей, совершен погром русских святынь и культурных ценностей. Весь мир вздрогнул от нечеловеческой жестокости и варварства, проявленного еврейскими большевиками и их подручными, задумавшими построить царство «избранного народа» на основах «Шулхан-Аруха». В стране установилась власть апокалиптического зверя, ибо большинство ее носителей говорили на языке Талмуда и мыслили его безжалостными категориями.

Но даже те случаи, которые сионистская пропаганда приводит в подтверждение «зверств русского народа», несопоставимы с действительными погро-

мами, которые сионисты осуществили в России еще до большевистской революции.

За 1905 — 1907 годы от рук сионистских провокаторов и «отрядов самообороны» погибли тысячи русских патриотов, пострадали и некоторые простые евреи, ставшие заложниками преступной деятельности сионистов. Гибель нескольких евреев, втянутых сионистами в борьбу против русской власти и русского народа, представлялась антирусской печатью как еврейский погром, факты же убийств сионистами тысяч русских патриотов намеренно замалчивались. Еврейской печатью был создан миф о массовых еврейских погромах. Миф этот распространяется сионистами до сих пор.

Вплоть до конца XIX века в России, как и в других странах мира, конфликты христианского населения с евреями были довольно регулярны, однако носили не национальный, а религиозный характер. Русские крестьяне, бывало, наказывали зарвавшихся иудеев — талмудистов за поругание христианских святынь, безудержную эксплуатацию и алчность. Русских людей возмущало, что некоторые евреи требуют для себя особых прав, хотя уже находятся в привилегированном положении. Как справедливо отмечал великий русский мыслитель, славянофил И. С. Аксаков: «Одно из самых привилегированных племен в России — это, несомненно, евреи в наших западнорусских губерниях»¹. Евреи, по мнению Аксакова, обладали практически теми же правами, что и иные группы населения. Но в дополнение к ним евреи имели кагальное самоуправление, которое фактически было

¹ Аксаков И. С. Соч. Т. 3. М., 1886. С. 708.

государством в государстве. Эти особые права превращали православных людей в западнорусских губерниях в объект эксплуатации кагалов. Поэтому, считал Аксаков, либеральным интеллигентам следовало бы бороться не за «равноправие евреев», а за улучшение положения русских. «Можно предположить, что никогда никто из этих ревнивых заступников за еврейство и не заглядывал в наши южные и западные губернии, потому что даже поверхностное знакомство с краем не может не вызвать добросовестного человека на серьезное размышление о способах избавления от тирании еврейского могущественного кагала, о создании сносных не для евреев, а для русских социальных и экономических условий существования»¹.

«Неправое стяжание, — отмечал Аксаков, — вот что вызывает гнев русского народа на евреев, а не племенная и религиозная вражда»². Русский крестьянин в западнорусских землях видит в еврее жестокого эксплуататора. «Шинкарь, корчмарь, арендатор, подрядчик — везде, всюду крестьянин встретит еврея: ни купить, ни продать, ни нанять, ни наняться, ни достать денег, ничего не может сделать без посредства жидов, — жидов, знающих свою власть и силу, поддерживаемых кагалом (ибо все евреи тесно стоят друг за друга и подчиняются между собой строгой дисциплине) и потому дерзких и нахальных»³. Аксаков приводит следующие цифры по губерниям России: Витебская — 77% кабатчиков — евреи, Чернигов-

¹ Аксаков И. С. Соч. Т. 3. М., 1886. С. 708.

² Там же. С. 781.

³ Там же. С. 738 — 739.

ская — 78, Минская — 95, Виленская — 98, Гродненская — 98%¹.

В середине XIX века русские наказывали евреев не больше, чем других алчных эксплуататоров, которые существуют среди всех народов. Поэтому проблемы погромов практически не существовало.

Совсем другой характер конфликты русских и евреев приобрели в конце XIX в. в связи с развитием сионистского движения. Попытки еврейских экстремистов, сионистов организовать переезд евреев в Палестину провалились. Евреи не хотели покидать обжитые места ради переселения на мифическую «землю обетованную». Требовался внешний толчок, провокация, которые могли бы напугать евреев и заставить их двигаться в Палестину.

Такой провокацией и стали организованные сионистами конфликты евреев с русским населением.

¹ Аксаков И. С. Соч. Т. 3. М., 1886. С. 767.

ГЛАВА 1

Еврейство. — Подавляющая часть евреев жила в России. — Враждебность к русской цивилизации. — Буржуазный дух. — Еврейское засилье. — Еврейский капитал

Среди других народов России самые сложные отношения у русских людей возникли с евреями. Этот народ не принадлежал к числу коренных народов России, а достался ей после раздела Польши, создавшей в свое время из него особый класс для эксплуатации коренного русского населения Малороссии и Белороссии путем развития питейных заведений и аренды дворянских поместий. Коренное население западных регионов России не могло забыть этого, даже когда условия несколько изменились и далеко не все евреи уже принимали участие в эксплуатации местных крестьян.

В начале XX века на территории России проживали 6 млн. евреев — преобладающая часть всего мирового еврейства. В общей численности населения России евреи составляли почти 4%, что было во много раз больше, чем в других странах, кроме Австро-Венгрии и Румынии.

Доля евреев в общей численности населения некоторых стран в начале XX века¹ (в процентах):

Россия	3,9
США	0,3
Великобритания	0,1
Франция	0,1
Германия	1,1
Италия	0,1
Швеция	0,1
Дания	0,2
Швейцария	0,3
Нидерланды	2,1
Австро-Венгрия	4,3
Румыния	7,4

Большая часть российских евреев проживала в так называемой черте оседлости, выезжать из которой им не разрешалось по закону.

В привислинских губерниях удельный вес евреев достигал 13,5 % населения, в других губерниях Западной России — более 10 %. Закон о черте оседлости соблюдался не очень строго. В результате значительная часть евреев расселилась в центральных губерниях. Перед Первой мировой войной полоса расселения евреев передвинулась за Днепр. Большое число евреев расселилось даже в Сибири, где в некоторых городах они стали преобладать. Например, в городе Каинске, в котором родился убийца Николая II Янкель Юровский, было 7 синагог и только два православных храма².

¹ Большая энциклопедия (под ред. С.Н.Южакова). Т. 9. СПб., 1902. С. 102.

² ГАРФ, ф. 1467, д. 847, л. 81.

Национально крепко сплоченному еврейству, жившему тогда преимущественно в западнорусских землях и постепенно проникавшему в главные города России, были абсолютно чужды ценности Русской цивилизации. Более того, в силу исторических особенностей национального развития многие евреи предпочитали ценности западной цивилизации, чего они, впрочем, никогда не скрывали. Мироощущение и мировосприятие Русского народа было совершенно иным, чем мировоззрение евреев, это отмечал еще в XI веке митрополит Иларион.

Черта оседлости, установленная русскими Царями для евреев, конечно, обозлила их, но по своей сути она носила не дискриминационный, а национально-охранительный характер.

Русское правительство не ставило своей целью ущемлять права евреев, а защищало права абсолютного большинства простого русского крестьянства, воспитанного на иных нравственных началах и поэтому беззащитного перед буржуазным духом, который, по справедливому замечанию К. Маркса, несла в себе значительная часть еврейства. Правительство как бы разводило границы разных цивилизаций, стремясь избежать их противостояния. Однако большинством евреев это воспринималось как акция, направленная против них, усиливая в их сознании антирусские настроения. Эти настроения усиливались живущей в душе многих евреев хилиастической утопией (хилиазм — «золотой век», тысячелетнее царство святых на земле), смешанной с представлением о конце света. Еще русский мыслитель С. Булгаков отмечал, что путаница их эсхатологических и хилиастических планов придает апокалиптике евреев (ожи-

данию конца света) «специфический характер, благодаря которому она сыграла такую роковую роль в истории иудейского народа, притупляя в нем чувство действительности, исторического реализма, ослепляя утопиями, развивая в нем религиозный авантюризм, стремление к вымогательству чуда».

Еврейство стало одной из самых активных сил по разрушению ценностей Русской цивилизации. С понятием *русский Царь* оно не связывало никаких чувств, кроме ненависти, хотя последний русский Царь Николай II не смешивал разные группы евреев, различая еврейский капитал и еврейскую бедноту. Однажды он даже сказал одесскому градоначальнику Арсеньеву: «Богатого еврейства не распускайте, бедному жить давайте». Евреи составляли около половины так называемых революционеров и подавляющую часть руководителей разных подрывных антирусских организаций.

Среди других представителей «антирусских сил», противоположных национальным интересам России, именно евреи были меньше всего «закомплексованы» и больше всего свободны в выборе. Если для русских интеллигентов, лишенных национального сознания, существовали генетические границы добра и зла, то для многих евреев таких границ по отношению к России и ее народу практически не было. Россия для них была то же самое, что для испанцев империя инков или для англичан Африка, — отсталая страна, населенная темным народом, которую необходимо было цивилизовать в западном духе.

Патриотического чувства к стране, в которой им было суждено жить, подавляющее число евреев не испытывало. В русско-японскую войну скрылись или

бежали за границу не менее 20 тыс. солдат и запасных из евреев¹. Еще больше еврейских дезертиров из русской армии было в Первую мировую войну.

Коммунистическая утопия, сторонниками претворения которой были многие евреи, ближе и яснее всего воспринималась еврейским национальным сознанием, склонным к таким утопиям «ожидания чуда». Не сомневаюсь, что большая часть евреев совершенно искренне вкладывала в претворение этой утопии все национальные склонности и способности, а когда убедилась в ее неосуществимости, стала объяснять это отсталостью Русского народа.

К началу XX века еврейское засилье в различных отраслях жизни, особенно в экономике и культуре, становится свершившимся фактом.

Если еще в 70-е годы в высших учебных заведениях евреев не было совсем, то уже в самом начале XX века доля их становится значительно выше их удельного веса в населении страны. Причем среди учащихся они играли активную роль. *«Они, — пишет современник, — коноводы, они умеют все делать, всюду пролезть и ловко увильнуть. У них есть и нечто похожее на направление... злое, желчное отрицание всего русского, всего христианского»*².

О засилии еврейства в области культуры свидетельствуют многие современники, даже стоявшие на противоположных общественных позициях. *«Главарями национальной культуры, — писал в 1909 году Андрей Белый, активно сотрудничавший с либеральными и социалистическими кругами, — оказывают-*

¹ «Киевлянин», 16.12.1905.

² Шарапов С.Ф. Указ. соч. С. 36, 38.

ся чуждые этой культуре люди...»¹ «Евреи, — отмечал он, — народ иной, чуждый задачам русской культуры; в их стремлении к равному с нами пониманию скрытых возможностей Русского народа мы безусловно против них». Русское общество должно понять, что еврейская «штемпелеванная культура» — не культура вовсе. Русский писатель А. Белый обеспокоен тем, что «чистые струи родного языка засоряются своего рода безличным эсперанто из международных словечек, и далее: всему оригинальному, идущему вне русла эсперанто... объявляется бойкот. Вместо Гоголя объявляется Шолом Аш, провозглашается смерть быту, учреждается международный жаргон... рать критиков и предпринимателей в значительной степени пополняется однородным элементом, верней, одной нацией, в устах интернационалистов все чаще слышится привкус замаскированной проповеди... юдаизма». Вы посмотрите, говорит поэт, списки сотрудников газет и журналов России. Вы увидите почти сплошь имена евреев. Общая масса еврейских критиков совершенно чужда русскому искусству, пишет на жаргоне эсперанто и терроризирует всякую попытку углубить и обогатить русский язык. То же и с издательствами: все крупные литературно-коммерческие предприятия России или принадлежат евреям, или ими дирижируются; вырастает экономическая зависимость писателя от издателя. Морально покупается за писателем писатель, за критиком критик. Власть еврейского «штемпеля» нависает над творчеством: национальное творчество трусливо прячется по углам; фальсификация шествует

¹ Цит. по: Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 452 — 453.

ет победоносно. И эта зависимость писателя от еврейской или юдаизированной критики строго замалчивается: еврей-издатель, с одной стороны, грозит голодом писателю; с другой стороны — еврейский критик грозит опозорить того, кто поднимет голос в защиту права русской литературы быть русской и только русской¹.

Во всех редакциях Западной и Южной России, пишет редактор русской патриотической газеты «Киевлянин» Д.И. Пихно, *«не только репортеры, но и сплошь и рядом весь состав сотрудников состоял из разных еврейчиков»*. Их считали юркими, не всегда опрятными в нравственном отношении. Когда они делали маленькие пакости и переругивались между собой, русское общество не обращало на них внимания или просто посмеивалось. А между тем эти маленькие, юркие люди *«в рамках цензурных условностей часто высказывали самые разрушительные идеи и все более открыто совращали молодежь в еврейско-коммунистическую веру Маркса и превозносили его, как величайшего гения и непогрешимого пророка»*².

Даже масон А.И. Гучков, рожденный от матери еврейки, в беседе с Царем говорил о еврейском засилье в духовной области. *«В области печати евреи... все-сильны; художественная театральная критика — в руках евреев»*³.

В газетах и журналах конца XIX — начала XX века приводятся данные о глубоком проникновении ев-

¹ «Весы», 1909.

² «Киевлянин», 17.11.1905.

³ «Вопросы истории», 1991, № 9 — 10. С.193.

рейского капитала в русскую промышленность. Так, во главе крупных петербургских металлургических предприятий стояла немногочисленная, но тесно между собой сплоченная группа иностранных и русских евреев, которая управляла этой отраслью в качестве председателей и членов правления и советов, директоров-распорядителей¹.

Ярким примером являлась также экспансия капитала знаменитой династии российских ротшильдов — Поляковых. Восемь потомков основателя династии Соломона Лазаревича Полякова: Лазарь и Яков Соломоновичи, Михаил и Исаак Лазаревичи, Даниил Самуилович и Лазарь, Самуил и Борис Яковлевичи имели шесть банков коммерческого кредита в 31,5 млн. руб., три банка земельного кредита с капиталом в 13,5 млн. руб., одно страховое общество с капиталом в 1 млн. руб., одно железнодорожное общество с капиталом в 5,5 млн. руб., одно пароходное общество с капиталом в 5 млн. руб. и четыре промышленных общества с капиталом в 4,5 млн. руб., всего двадцать обществ с общим капиталом в 60,7 млн. руб.² Через свои банки и общества Поляковы контролировали капиталы в 150 — 200 млн. руб. в торговле, строительстве, промышленности.

Еврейские капиталы в России чаще всего имели не производительный, а спекулятивный, жульнический характер. Сын уже упомянутого нами основателя династии российских ротшильдов Лазарь Соломонович Поляков своей деятельностью являет пример такого спекулятивного, жульнического капитала. Еще

¹ Шаранов С.Ф. Указ. соч. С.11.

² Там же.

при Александре II им был основан в Москве банкирский дом, который к концу XIX века стал организационным и финансовым сердцем трех коммерческих банков (Московского Международного, Южно-Русского промышленного и Орловского коммерческого), двух земельных банков (Московского и Ярославско-Костромского), страховых и транспортных компаний, промышленных и прочих обществ.

В 1900 году Поляков обратился к Государственному банку с просьбой о предоставлении ему кредита в 4 — 6 млн. руб. под акции трех банков.

Тогдашний министр финансов Витте, большой покровитель еврейского капитала, перед тем как предоставить кредит, поручил провести ревизию дел поляковской финансовой империи. Оказалось, что эта империя была построена на песке, имела чисто жульнический характер. При собственном капитале в 5 млн. руб. банкирский дом владел ценными бумагами на сумму свыше 43 млн. руб. и выдал ссуд — разумеется, своим людям — более чем на 6 млн. руб. Эти средства Лазарь Соломонович получил, отдавая в залог ценные бумаги созданных им, по сути дела, фиктивных предприятий и займов. Поляковская «империя» не только не имела уже собственных капиталов, но и должна была уплатить 10-миллионный долг. Казалось, крах неминуем. Но С.Ю. Витте использовал все свои возможности и вытянул Полякова из пропасти. При московской конторе Госбанка было создано особое совещание по поляковским делам, на которое возложили задачу постепенной их ликвидации. Три поляковских банка были за счет казны спасены от банкротства и позднее слились в Соединенный банк, продолжавший свою деятельность в том же духе.

К началу XX века еврейские предприниматели упорочились практически во всех крупных и средних городах России. Особой сферой еврейской экономической экспансии стали Урал и Сибирь¹.

С конца 80-х годов в руки еврейского барона Гинцбурга переходят богатейшие на Урале Миасские прииски с колоссальными запасами драгоценного металла. Гинцбург добился для себя больших льгот от правительства. Причем все руководство и служащие приисков были заменены евреями. Тот же Гинцбург приобрел и уральские Березовские рудники, управляющий которых также заменяется евреем.

Нередко захват экономических позиций в России осуществляется через подставных лиц. Так, уже упомянутый нами представитель династии Поляковых через подставных лиц получил на Урале целый лесной район — Николо-Заозерскую дачу, равную по величине западноевропейскому герцогству, ранее принадлежавшую знаменитому роду Всеволожских. Эта дача находилась на севере Урала и представляла огромную площадь, заросшую тайгой, по берегам реки Ивзель, около которой находятся золотые прииски.

В конце XIX века сильно на шумела история с попыткой еврейского капитала скупить ревдинские заводы, но тогда эта попытка не удалась.

Экспансия еврейского капитала в Сибирь началась с криминальной волной сосланных сюда евреев-фальшивомонетчиков. Эти преступники хорошо обосновались здесь и после окончания срока занялись коммерцией. Начиналось все с содержания шинков и кабаков с «выдачей под залог ссуд» местно-

¹ Русский труд, 15 мая 1899. С. 6.

му населению. Очевидцы рассказывают, что дело пошло так ходко, что, начиная с границ Тобольской губернии и кончая чуть ли не Ледовитым океаном, всюду и везде, густою сетью, возникли эти прибыльные учреждения, причем местные жители стали настоящими данниками владельца кабака и его ссудной кассы. Вслед за мелкими предприятиями возросли и крупные, и высокие трубы винных заводов задымались во многих местах Восточной и Западной Сибири¹.

Получая огромные доходы от продажи водки русскому населению, еврейские предприниматели были самыми яростными противниками народного движения за трезвость. Так, в 1911 году барон Гинцбург, встревоженный ростом антиалкогольного движения, в своем кругу заявил: *«От поставок водки для казенных винных лавок, от промышленного винокурения я получаю больше золота, чем от всех моих золотых приисков. Поэтому казенную продажу питей надо любой ценой сохранить и оправдать в глазах пресловутого общественного мнения»*².

Разбогатеv на питейном деле, еврейские предприниматели начинают проявлять большой интерес к золотопромышленности. Как свидетельствуют очевидцы, повели они себя здесь очень «остроумно». Приезжая на золотые прииски, они скупают золото за спирт, представлявший в сибирских приисках гораздо большую ценность, чем золото. Подобная манипуляция проделывалась так. «Арендуется или заявляется евреем клочок земли вблизи приисков, где под видом

¹ Русский труд, 15 мая 1899. С.7 — 8.

² Известия, 21.12.1994.

«настоящего» золотопромышленника и восседает «хозяин» прииска, имеющий для отвода глаз убогую машинку и десятка полтора рабочего сброда. Понятно, что все знают намерения и цели «хозяина», но ввиду сделанного им формального (а это-то и главное) «отвода» глаз, — никто его не тревожит, и он, продавая «по секрету» водку рабочим своих соседей, скупает у них краденое золото, ссыпает его в свою банку, записывает в казенную шнуровую книгу, как якобы намытое на его «собственном прииске», и набивает свой карман до желаемой полноты. Разбогатеv и приняв надменный и горделивый вид, еврей начинает уже действовать не из-за кулис, а выступает как общественный деятель и громко ратует за «свою Россию» и за всякого рода протекционизм...»¹ На питейных и подобных «золотопромышленных» делах возникает целый клан еврейских «предпринимателей» в Сибири — Домбровские, Хотимские, Хаймовичи, Лейбовичи, Ижаковичи, Цибульберги. К концу XIX века в их руки переходят знаменитые прииски «Ленского товарищества» (на которых они устроили ад для рабочих), на Амуре — «Ниманское золотое дело», забайкальские прииски.

Крупный еврейский капитал в России всегда был связан с международным еврейским капиталом на началах взаимной поддержки. Внутренний еврейский капитал всячески содействует проникновению на русский рынок международного еврейского капитала. Весьма показательнo было проникновение в русскую нефтяную промышленность капиталов Ротшильда. Этот еврейский мультимиллионер, нисколь-

¹ Русский труд, 15 мая 1899. С. 7 — 8.

ко не думая о России, решил построить нефтепровод, через который сырая нефть перекачивалась бы на суда, уходящие за границу. Как писали газеты в то время, *«закупая земли у прогоревших промышленников, опутывая контрактами разорившихся заводчиков, он (Ротшильд — О.П.) постепенно, шаг за шагом идет к тому, что как добывающая, так и обрабатывающая промышленность сосредоточилась в его руках»*. Однако русское правительство в то время сумело остановить экспансию Ротшильда.

ГЛАВА 2

Усиление иудейского наступления на Россию. — Крупные еврейские капиталы. — Засилье евреев в банковской и биржевой деятельности. — Скупка русских земель. — Русские мыслители о евреях. — «Жид идет!»

Еврейский капитал активно вторгался и в Россию. По оценкам И. Лютостанского, общий объем собственности, принадлежавшей евреям, достиг в нашей стране в конце XIX века 500 млн. руб. Еще в 1849 году банкирские обороты одного Бердичева равнялись 12 млн. руб. и состояли главным образом в ростовщических ссудах помещикам Юго-Западного края.

Современники отмечали засилье евреев в российских банках и на биржах. «В числе директоров и членов правления восьми петербургских банков, — сообщал один из них, — только в одном нет евреев, а именно в Волжско-Камском коммерческом. Что же касается семи остальных банков, то в каждом из них в числе членов правления и директоров находится весьма обширный еврейский контингент. Скоро нужно ожидать, что все банки перейдут под еврейскую власть.

Евреи втираются и в благотворительные духовные ведомства — в Красный Крест и пр. Многие из крупных банков с полным правом могут быть названы чисто еврейскими. Вот, для иллюстрации, состав одного из петербургских банков, «С.-Петербургско-Международного»: Ротштейн, Кох, Филиппев, Риттауз, Шеткевич, Спицер. Банк очевидно чисто еврейский и именуется «международным», вероятно, потому только, что главный его директор, Ротштейн, — австрийский еврей»¹.

Биржа, по словам И. Лютостанского, «из строго торгового, коммерческого учреждения превратилась в игорный дом, где торговые обороты теряются среди биржевой игры разными бумагами и где вместо царившего некогда духа торговли свирепствует теперь дух ажиотажа и спекуляции»².

Быстро росло число евреев среди российских купцов. В 1870 году при общей численности петербургского купечества 773 человека евреев было 47, то есть 6,1%; в 1896-м при общей численности столичного купечества в 421 человек евреев — 78, то есть уже 18%, в три раза более против 1870 года. В то время когда общий состав биржевого купечества уменьшился почти вдвое — на 46%, число евреев-купцов возросло более чем вдвое — на 66%.

Особый интерес для еврейского капитала представляли западнорусские земли (включая населенную русскими территорию Галиции). Эти земли капиталисты-иудеи считали чуть ли не своей исторической вотчиной.

¹ *Лютостанский И.* Указ. соч. Т. 5. С. 71 — 72.

² Там же.

В конце XIX века еврейские капиталисты стремительно скупают западнорусские земли. В их владение переходят миллионы десятин пашни и леса, которыми ранее владели известные русские дворянские фамилии. Только в Смоленском крае евреи скупили 350 тыс. десятин русской земли, ранее принадлежавшей таким дворянским родам, как Бутковские, Воеводские, Челищевы, Баумгартены, Скрыдловы, Энгельгардты, Рачинские, Кушелевы, Нащокины, Угриновичи, Озеровы, Станиславские, Сипягины, Лесли, Нелидовы, Кольчицкие, Ганецкие, Горяиновы, Гедеоновы, Мещерские.

По уездам Смоленской губернии русские владения, скупленные евреями, распределялись так:¹

Всего больше в Бельском — 128 346 десятин, в Поречском — 63 803 десятины, в Рославльском — 27 622 десятины, в Ельнинском — 13 622 десятины, в Дорогобужском — 9476 десятин, в Смоленском — 3407 десятин, в Гжатском — 2720 десятин, в Духовщинском — 1390 десятин, в Вяземском — 1055 десятин, в Юхновском — 427 десятин и в Краснинском — 111 десятин.

Все эти огромные земли были скуплены 32 евреями, создавшими себе колоссальные поместья: Берлины, Азархи, Зеликсоны, Зафрен, Рискер, Зеликины, Хавкины, Либенсон, Шалыт, Бессмертный, Гальперин, лекарь Певзнер, Эпштейн, Левшиц, Гинсбург, Град, Давид Кадинский, Лагориес, Рошаль, Черняк, Магидсон, Лурье, Гуревич, Фрадкин, Левин, Шварц, Ратнер, Ривош, Герцберг, действительный статский советник Лазарь Соломонович Поляков, кандидат прав Московского университета Евсей Лейбов Членов.

¹ Лютостанский И. Указ. соч. Т. 5. С. 201 — 205.

Восемь представителей еврейских купцов Берлиных купили 57 тыс. десятин земли. Так, торопецкий 1-й гильдии купец Шая Берков Берлин имел 17 имений. Из них 8, простиравшихся до 5250 десятин, в одном округе Залман Берлин купил 19 234 десятины. Торопецкий 1-й гильдии купец Бейнус Салманов Берлин приобрел 9 имений общей площадью 11 932 десятины. Торопецкий 1-й гильдии купец Лейба Залманов Берлин завладел 6 имениями в 10 309 десятин. Наконец, купеческий сын Берка Залманов Берлин захватил имение в 1891 десятину. Азархи скупили в Бельском и Поречском уездах 23 имения, в которых земли было 27 367 десятин. Рискер в тех же уездах захватил 18 имений, а в них земли — 21 147 десятин. Зафрен в Бельском уезде приобрел два огромных имения с землей в 19 050 десятин. Зеликсоны в тех же двух уездах владели 18 имениями с землей в 15 293 десятины. Наконец, Хавкины в тех же уездах скупили 13 поместий, в них земли — 11 409 десятин.

Таким образом, 5 еврейских фамилий владели 74 имениями, в общей сложности составлявшими площадь в 94 266 десятин. Если прибавить сюда владения Берлинов, то получится, что свыше 150 тыс. десятин русской земли оказались в руках 6 еврейских фамилий. И это только по одной губернии.

В 80-х годах иудейские лидеры призывают евреев к заселению русских территорий Галиции, тогда входившей в Австро-Венгерскую империю. В 1889 году даже было опубликовано обращение, в котором евреи призывались вытеснять христиан из всех сфер общественной жизни, чтобы стать «хозяевами страны»¹.

¹ Новое время, 1889, № 4845.

В числе лиц, финансировавших этот антирусский проект, были крупнейшие еврейские богачи Гирш, Ротшильд, Блейхредер, Мендельсон и некоторые другие.

В 1889 году парижский банкир Гирш изъявил желание пожертвовать 50 млн. франков русскому правительству и 12 млн. гульденов австрийскому на устройство рабочих домов и земледельческих ферм в губерниях Киевской и Волынской и Галиции для обучения евреев ремеслам и земледелию, но русское и австрийское правительства отказались принять пожертвования Гирша, так как исполнение условий пожертвований во много раз усилило бы эксплуатацию евреями местного христианского населения¹.

Тем не менее к 90-м годам в Галиции сконцентрировалось 800 тыс. евреев. До 70-х годов евреи жили преимущественно в городах и местечках, составляя в них более трети общего числа жителей. Некоторые города и местечки были сплошь еврейскими. С 70-х годов евреи стали поселяться в русских деревнях, приобретая помещичьи усадьбы и крестьянские участки. К 1889 году они купили 513 больших барских имений с 400 тыс. акров земли, а с 1874 по 1889 год захватили в свое владение 41 тыс. земельных участков русских крестьян. Завладев таким количеством земли, евреи сами земледелием не занимались, а эксплуатировали обезземеленных ими крестьян, положение которых, по свидетельству современников, стало хуже прежних крепостных².

Лучшие умы русского народа с тревогой наблюдали за усилением иудейского влияния в обществен-

¹ Новое время, 1888, № 4281; 1889, № 4780, 4826.

² Новое время, 1889, № 4827; 1890, № 5314.

но-политической жизни страны. Гениальный русский ученый Д. И. Менделеев в книге «К познанию России» (1907), проанализировав статистику расселения евреев в Российской империи, приходит к неутешительным выводам. «Таблицы, — писал русский ученый, — показывают большое скопление евреев в Литовско-Белорусском крае, где они составляют около 14%. Численно и относительно почти столько же евреев в Польском крае, а затем около 8,5% в Малороссийском крае и около 7% в Южно-Русском крае. Во всех остальных краях России евреев меньше, а всего евреев в России 5,06 млн., т. е. они составляют менее 4% общего числа всех жителей России.

Известно, что ни в одной стране нет такого абсолютного количества и такого процента евреев. Лишенные своего отечества, они расселились во всем мире, преимущественно же по берегам Средиземного моря и в Европе, хотя и азиатские страны не лишены евреев. Уживаются они у нас, как известно, благодаря своей юркости и склонности к торговле. Всем известно, что нигде народ не любит евреев, хотя народец этот обладает многими способностями и свою «пользу» странам приносит, конечно, не своими кагальными или масонскими приемами и политиканством, а своим торговым посредничеством и ростовщичеством».

Дискуссия русских людей с иудеями приобрела в это время острый характер. Генерал М. И. Драгомиров писал в 1905 году: *«Я первый высоко ставлю волю вашу (то есть евреев. — О. П.) и ум, но этики вашей поставить не могу даже и невысоко: она, скажу прямо, человеконенавистническая. И не за преследование вас вы ненавидите другие народы, как в том*

стараетесь лживо всех убедить, а, наоборот, вас преследуют за ненавистничество к другим, которое есть по вашему закону не только не грех, а заслуга перед Иеговой. Одним словом, здесь, как и в других случаях, вы подтасовываете, выставляя причину за следствие и наоборот. И разъяснять это необходимо не для того, чтобы возбудить к вам ненависть, которой по вашей же милости накопилось и так довольно, но просто из принципа самозащиты. Уж если судьба свела нас с вами, то без взаимных сношений обойтись нельзя, но быть настороже всегда необходимо».

«Вам удастся закупить интеллигенцию, — продолжал Драгомиров в другом месте той же статьи, — закупить правительство, кого льстивыми речами, кого нытьем о вашем якобы страшном угнетении... кого чем, и в конце концов, разумеется, надуть; но инстинкта масс вы не надуете. Долго они терпят от вашей эксплуатации, но терпение наконец лопается, а затем... затем вы знаете, что происходит»¹.

Как и уже цитированные мной европейские мыслители, выдающиеся деятели русской культуры дают такие же нелюбезные оценки иудейству.

«Вечная мысль о залоге, точно червь, обвивает душу жида» (Н. В. Гоголь).

«Мне иногда в голову приходила фантазия: ну что, если бы не евреев было три миллиона, а евреев восемьдесят миллионов... Во что бы обратились русские, как бы евреи третировали их... Дали бы сравняться с собою в правах? Позволили бы молиться свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того — не содрали бы кожу совсем... Не выбили бы их дотла,

¹ Русское дело, 1905. 20 августа.

до окончательного истребления, как делали с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю» (Ф. М. Достоевский).

«Нравственные интересы края и народа существуют для них (евреев) только по отношению к себе. Столкнулся ли иудей с человеком нравственным, которого нельзя никак искусить на худое, — он пользуется, насколько может, тем отношением, в какое с ним поставлен; он даже может побудить его на какое-нибудь доброе дело, но имеет в виду только то, что ему перепадет из этого доброго дела. Но если перед ним субъект безнравственный, он также станет потворствовать его дурным побуждениям, чтобы воспользоваться ими.

Жившие в южных и западных губерниях знают, как часто иудеи развивают у поселян склонность к пьянству, охотно дают ему в долг водки, чтоб потом запутать, разорить, чтобы все достояние пьяницы перешло в их шинки; как побуждают поселян на воровство и принимают краденые вещи; как услуживают разврату и соблазняют женщин; как умеют извинить всевозможные страсти, чтоб довести человека до положения, выгодного для себя, хотя бы окончательно разрушительного для него» (Н. И. Костомаров).

«В качестве ростовщиков, арендаторов имений, откупщиков разных сборов евреи немало способствовали обеднению и угнетению русского крестьянства» (Д. И. Иловайский).

«Приходит крестьянин к жида, просит рубль серебром в долг на год и дает в заклад полушубок. Жид берет полушубок и говорит, что процентов на рубль в год будет тоже рубль. Мужик соглашается и взял рубль.

Но только что он хотел уйти, как жид говорит ему: «Послушай, тебе ведь все равно, когда платить проценты, теперь или через год». Мужик соглашается с этим и говорит: «Все равно». — «Так отдай теперь и уж не беспокойся целый год». Мужик и с этим согласился и отдал рубль, чтобы уж совсем не беспокоиться о процентах. Отдав рубль, он приходит домой и без денег, и без полушубка, и в долгу» (Г. И. Успенский).

В 80-х годах распространялось письмо известного русского писателя В. В. Крестовского, адресованное редактору «Русского вестника» Н. А. Любимову. В нем содержалось то, что в это время волновало многих мыслящих людей России. Привожу это письмо полностью:

«Мысль моя, коли хотите, может быть выражена двумя словами: «Жид идет!» Понятно ли?.. И действительно, куда ни киньте взгляд, повсюду вы видите, как все и вся постепенно наполняется наплывом жидовства. И это не у нас только — это и в Европе, и даже в Америке, которая наконец тоже начинает кряхтеть от жидовства. Это явление общее для всего «цивилизованного» мира индоевропейской расы, обусловливаемое одряблением ее; одрябление же есть следствие того, что раса вообще разменяла себя на мелочи; так, например, идея христианской религии заменилась более дешевой, но зато более удобной идеей «цивилизации», вместо христианской любви мы выставили гуманность и т. д. Везде и подо все мы подложили более удобные принципы, льстящие нашей распущенности. Мы одряблели, распустились, обращаемся в какую-то размазню, а жид стоит крепко; и крепок он, во-первых, силой своей веры и, во-вторых, физиологической силой кро-

ви. Но жид сам по себе не обновит человечества, в нем нет для этого созидательных элементов; он дал уже человечеству все, что мог дать, и ныне среди Христианского мира играет только роль разлагающего вещества; он экономически может покорить себе мир, но не обратит его в себя, не заставит быть его жидовским, ибо в жидовстве для этого нет ни малейшего нравственного фонда; и жидовство, уловляющее в свои сети Христианский мир, будет со временем в свою очередь раздавлено теми элементами, которым суждено внести в жизнь человечества обновляющие начала. Откуда придут эти элементы — быть может, из Китая, из Маньчжурии, с вершин Гиндукуша, — это, конечно, пока еще Бог весть. По исторической логике, казалось бы, так должно быть, ибо мир нашей цивилизации, видимо, начинает разлагаться, как разлагался мир Западной Римской империи. Чем больше внешнего блеска, тем сильнее внутренняя гниль. Никакое перевоспитание не заставит распущенное общество вернуться к строгим началам христианским: для такого перерождения нет в нем ни внутренних сил, ни характера; ему удобнее жить среди всего того, что льстит его инстинктам меркантилизма, комфорта, эгоизма; идеал потерян — и потому это общество есть законная добыча жидовства. Оно на наших глазах покоряет мир. Биржа, парламент, пресса, адвокатура — все это переполнено в Европе представителями жидовства, все это в жидовских руках. У нас начинается то же самое; и мы поплатимся за это горше Европы. Там, в Европе, жид является в образе политического деятеля, банкира, журналиста, заводчика, коммерсанта; у нас же он по преимуществу ростовщик и кабатчик, т. е. сила, действующая непосредственно на производительный класс крестьянства, ремесленников и т. п. Нам жид опаснее потому, что он начинает опутывать и глу-

шить собой производительные силы нашего народа. Возьмите вы даже самые наши уголовные процессы последнего времени из наиболее выдающихся. Мать Митрофания, например, простирает свою деятельность даже до высших сфер, а кто во всей ее деятельности служит невидимой пружиной? Жид Трахтенберг. Гулак-Артемовская успешно проводит свои дела, а кто держит в своих руках невидимые нити ее деятельности? Братья Хаймовичи. Жиды, наконец, появляются в значительном числе среди наших нигилистов. Явление знаменательное, но вполне понятное: жид — космополит по преимуществу, и для него нет тех больных вопросов, вроде национальной и государственной чести, достоинства, патриотизма и пр., которые существуют для русского, немца, англичанина, француза. Жид — везде жид и везде норовит в мутной воде ловить рыбу, будет ли эта мутная вода называться биржей, прессой, продовольствием армии, парламентом или революцией. Остановить торжественное шествие жида невозможно; для этого, повторяю, в обществе «европейской цивилизации» нет надлежащих сил; ствол, обратившийся в труху, не создаст свежих отпрысков; он — «жертва, обреченная жидовству», потому что сам всем складом своей новейшей жизни допустил развиться этому паразиту на своем теле. Жид идет на легальном основании, и потому не остается ничего, как только признать факт его шествия: жид идет!

Вот, как мне кажется, все, что остается одряблевшему христианскому миру, утратившему не только веру, но и само чутье о ее необходимости для разумного и нравственного продолжения своей жизни»¹.

¹ Цит. по: Русская трибуна. Вестник Совета национального освобождения. 1 июня. 1923.

ГЛАВА 3

Вытеснение и искоренение христианства иудаизмом. — Проклятия Христу. — Святотатства. — Запрещение изучения Закона Божия и установки распятия в государственных школах. — Расправы с крещеными евреями. — Ритуальные убийства. — Преследования христиан

Наращивая финансовое могущество, еврейство никогда не оставляло своей главной задачи — вытеснения и искоренения Христианства, уничтожения форм общественной и государственной жизни, связанных с Новым Заветом. Как совершенно точно отмечал цитированный мной выше В. В. Крестовский, иудаизм разлагал Христианскую цивилизацию, перерождая ее в угодном ему направлении, заменяя формами, чуждыми Христианскому миру.

Христианство по-прежнему оставалось главной преградой на пути иудеев к мировому господству. Иудеи по-прежнему воспитывают своих детей в духе ненависти к Спасителю.

Как отмечает Еврейская энциклопедия конца XIX века, «в еврейских легендах, в Талмуде, в проповедях

в синагогах и в «Жизни Иисуса Христа» имеется тенденция, берущая начало в Средних веках, умалять личность Иисуса, приписывать ему незаконное рождение, колдовство и позорную смерть. Иудеи называют его *«этот, не имеющий имени»*, *«лжец»*, *«самозванец»*, *«незаконнорожденный»*. Обвинение в незаконном рождении делается, чтобы подвести его под главу Второзакония (23, 2): *«Сын блудницы не может войти в общество Господне»*. В еврейских семьях запрещается упоминать имя Иисуса Христа¹. В еврейских школах информация о Христе ограничивается жалким памфлетом «Жизнь Иисуса Христа», где повторяются все насмешки и издевательства, которыми осыпали Спасителя во время крестных страданий. Ненависть к Христу прививается евреям с младенчества. В одной из книг братьев Торо рассказывается о еврейском мальчике в Польше, которого обучили, проходя мимо придорожного распятия, плевать и говорить: *«Будь ты проклят, создатель другой веры»*, причем мальчик делал это совершенно автоматически².

Несмотря на то что еврейские синоды начиная с XVII века постановляли исключать из Талмуда места, связанные с оскорблениями Христианства, заменяя их условными знаками для устного объяснения, талмудические тексты были по-прежнему полны богохульных оскорблений и рассказов, позорящих Христа, Богородицу и святых.

Вся антихристианская литература XVIII — XIX веков основывалась на этом источнике. Как признавал-

¹ Рид Дуглас. Спор о Сионе. М., 1993 с. 45.

² Там же. С. 28.

ся известный еврейский историк Б. Лазар: *«В страшном противохристианском движении следовало бы проследить, каково было участие я не скажу еврея, но еврейского духа. Не надо забывать, что в XVIII столетии ученые-исследователи, как Вагеншейль, Бертолоцци, Вольф и другие, извлекали из забвения старые еврейские полемические сочинения с нападка́ми на Святую Троицу, на воплощение, на все догматы и таинства, изложенные со свойственной евреям резкостью и остротой, коим в высокой степени обладают несравненные логики, создавшие Талмуд».*

А самый известный еврейский историк конца XIX — начала XX века Грец называет Христа *«новым отродьем с маской смерти, нанесшим еврейскому народу новые и тяжкие раны»*. В сочинении испанского еврея Моисея Леона, переизданном в 1880 году, Иисуса Христа называют самыми презрительными и унижительными словами. В конце XIX века иудейские организации издают на еврейском языке так называемые нецензурные места Талмуда, которые прежде выпускались; в них Христа называют *«безумцем», «колдуном», «безбожником», «идолопоклонником»*. Как его, так и Богоматерь предают и советуют предавать на смехам и ненависти¹.

Подчеркивая «исключительность» и «избранность» еврейского народа, венский раввин Л. Кан в докладе в аудитории Ортодоксальной еврейской школы в Пресбурге заявлял: *«Ассимиляция евреев невозможна; они никогда не примут нравов и обычаев других народов. Еврей при всех условиях остается евреем. Вся-*

¹ Чамберлэн Г. Указ. соч. С. 13.

кая ассимиляция его — лишь чисто внешнего характера»¹.

Лионский раввин Фабий в своей проповеди на Новый, 1842 год сказал: *«Иудейская вера имеет то преимущество пред христианской и всеми другими, что не заключает в себе ничего таинственного, но все в ней — чистый разум; в Христианской же религии господствует положение: «Разум молчит, а безумие царит».*

Иудейские лидеры и масонские ложи настаивают на исключении Христианского вероучения из школ и учебных заведений. В 80-х годах во Франции по настоянию раввинов из программы государственных учебных заведений было изъято преподавание Закона Божия, а затем запрещено устанавливать в классах Распятие, так как «вид Распятия оскорбляет религиозные чувства учеников других вероисповеданий (то есть иудеев)». Как отмечали французские газеты того времени, «система эта, принятая в угоду евреям, окажет самое пагубное влияние на воспитание детей в христианском духе». Последствия этого антихристианского шага не замедлили сказаться. На заседавшем в 1891 году в течение нескольких дней в Париже католическом съезде кардинал архиепископ Ришар сказал дрожащим от волнения голосом, что антирелигиозное направление, господствующее ныне во французских учебных заведениях, принесло уже плоды: более трети воспитанников этих заведений не были на конфирмации, вследствие чего, по словам архиепископа, их нельзя считать за христиан².

¹ Цит. по: Чамберлэн Г. Указ. соч. С. 242.

² Московский листок, 1891. № 125.

Любые попытки иудеев признать истинного Мессию — Иисуса Христа и перейти в Христианство преследовались еврейскими общинами самым жестоким образом. Вот несколько примеров.

В 1882 году в Варшаву прибыл еврей М., учитель, с целью перейти в Христианство. Несмотря на получение нескольких писем, в которых угрожали его убить, если он это сделает, М. принял Христианство и через несколько дней после того посетил своих родственников на Гусиной улице. Когда М. возвращался домой, то на него напали несколько евреев, которые мгновенно накинули ему на голову мешок, повалили на землю и начали жестоко бить. При приближении полиции они разбежались, и никто из них не был задержан, а М., избитый до полусмерти, отправлен в больницу на излечение. Также в Варшаве в 1890 году еврейка Фуферман, 18-летняя девушка, крестилась, желая выйти замуж за католика. От родителей она бежала и поселилась у матери своего жениха. Когда она однажды со своей подругой-христианкой отправилась в костел, то ее схватили три еврея, посадили на извозчика, также еврея, и увезли. Прохожие погнались за похитителями на извозчиках, но не могли их догнать. Несмотря на поиски, местопребывания Фуферман не открыли, почему предполагали, что она уже отправлена в Америку, как это случалось ранее с ее сверстницами-еврейками, принявшими Христианство¹.

В 1883 году в одном селении Херсонской губернии принявшая Православие еврейка Елена Згорданова отправилась навестить свою крестную мать. Когда она проходила мимо дома еврейки Итальянской,

¹ Сын отечества, 1890. № 218.

последняя зазвала ее к себе в квартиру. Как только Згорданова вошла в сени, Итальянская втолкнула ее в темную комнату, куда немедленно явились несколько евреев, накинулись на Згорданову, зажали ей рот, сняли с нее всю одежду, сорвали с груди крест, говоря при этом: «Тебя уж больше крестить не будут», и дали ей что-то понюхать из бутылки, отчего Згорданова тотчас же лишилась чувств. Очнувшись она вполне только тогда, когда ее с завязанными глазами везли в степь на подводе четыре еврея. Она сорвала с глаз повязку и стала звать о помощи. На ее счастье, в это время не-вдалеке проезжали крестьяне. Воспользовавшись минутным смущением евреев, она выскочила из повозки и успела спастись от своих преследователей. Рассмотрев это дело, Елизаветградский окружной суд приговорил евреев к восьмимесячному тюремному заключению, а Одесская судебная палата утвердила этот приговор¹.

Более возмутительное дело рассматривалось в 1886 году в Киевском окружном суде. Еврейку Шевченкову, проживавшую после крещения у своего крестного отца, евреи тайно схватили и отвезли в одно село, где бросили в погреб. Там продержали Шевченкову несколько дней, истязая ее, и перевезли в другое место, в котором содержали под караулом и замком. Наконец, при перевозке Шевченковой окольными дорогами она, воспользовавшись тем, что извозчик задремал, бежала в ближайшее село и заявила там о случившемся с ней сельскому старосте. Цель истязаний евреями Шевченковой состояла в том, чтобы заставить ее вернуться в иудейство. Из 11 евреев и евре-

¹ Новое время, 1885. № 3310.

ек, привлеченных за это к суду, кроме одной обвиняемой, все осуждены на каторгу: семеро мужчин на 8 лет и 3 женщины на 5 лет и 4 месяца каждая¹.

XIX век не изменил характера тайных иудейских сект, использовавших в своих обрядах ритуальные убийства христиан с применением их крови. Есть несколько примеров, доказанных по суду, преступлений ритуального характера.

В 1899 году вся христианская Европа содрогнулась от страшного преступления, совершенного иудейскими изуверами в Чехии. 8 месяцев продолжалось так называемое полненское дело об умерщвлении иудеями христианской девушки Агнессы Грузы².

Обвинительный акт гласил, что преступление было совершено в среду, 29 марта 1899 года, между 5.45 и 6.15 часами, у опушки Брезинского леса, лежащего между городом Полны и деревней Малый Веснич. Найден был труп только в субботу утром, ранее 9 часов. Из обвинительного акта следовало, что Агнесса Груза подверглась нападению на узкой тропинке вдоль Брезинского леса по откосу над проезжей дорогой, образующей в этом месте более глубокую ложину. Труп был найден охотничьими собаками в густой молодой поросли, на расстоянии около 6 м от упомянутой тропинки, место было совершенно сухо. Труп был туда перенесен с другого места.

Мученица, умерщвленная Анна или Агнесса Груза, 19-летняя девушка, дочь вдовы Марии Грузы, живущей в деревне Малый Веснич (в расстоянии трех четвертей часа ходьбы от Полны), была в ученицах у пол-

¹ Там же. 1886. № 3584.

² *Лютостанский И.* Указ. соч. Т. 1. С. 321 — 331.

ненской портнихи Бландины Пхаль. На работу она отправлялась ежедневно в 7 часов утра, возвращалась в четверть седьмого вечером. Пхаль жила в Полне, в конце еврейской улицы. 17 марта Анна Груза не пришла домой (время перед еврейской пасхой). Мать подумала, что у Пхаль, наверное, много работы, и потому не беспокоилась. На следующий день девушка опять не пришла. Мать и на этот раз осталась спокойной, полагая, что ее задержало дело. Только в пятницу, 19 марта, она узнала, что дочь ее ушла 17 марта в обычное время. Была извещена полиция, которая занялась розыском пропавшей девушки, и в воскресенье, 20 марта, был найден в Брезинском лесу труп Анны Грузы, прикрытый несколькими молодыми соснами. У трупа оказалась кровь на голове и были вырваны целые клоки волос, а на горле — смертельный разрез, но крови не оказалось. Верхние части одежды были отчасти сорваны. Труп окоченел, и в нем не было крови.

Судебное медицинское вскрытие обнаружило, что посягательства на целомудренность девушки не было. Не было сделано даже попытки в этом отношении. С другой стороны, при девушке не было никаких ценных вещей или денег. Таким образом, убийство не могло быть с целью грабежа или под влиянием похоти. Предположить, что убийство совершено из мести, не было повода. Состояние трупа свидетельствовало, что девушка была захвачена с помощью петли, а затем была зарезана. Вероятно, на нее напали несколько человек, так как девушка была крепкого телосложения. Уже на следующий день, после того как труп был найден (в первый день Пасхи христианской), распространился слух, что убийца — еврей

Гильснер. Хотя произведенный у него обыск не дал никаких результатов и сам Гильснер сначала отрицал приписываемое ему обвинение, но его все-таки арестовали.

Еврей Гильснер жил в еврейском городе Полны у своей матери, на ее же счет, хотя она поддерживала свое существование милостыней. Как выяснило следствие, преступник часто появлялся без явной цели в городе и его окрестностях, а следовательно, и в Брезинском лесу и, по всей вероятности, знал, что Анна Груза ежедневно совершает один и тот же маршрут. Как видно из показаний нескольких свидетелей, убитая жаловалась им, что ее часто преследует какой-то маленький отвратительный еврей. Результат дознания подтвердил эти отдаленные подозрения. Гильснер отрицал доказанные подробности побочных обстоятельств: так, его прежняя возлюбленная показала, что он однажды пригрозил ей смертью. Другие свидетели сообщили, что видели его во время убийства в Брезинском лесу, а он утверждал, что был в это время в синагоге, чего доказать не мог. У него нашли серый костюм, то есть такой, в котором некоторые свидетели видели его в лесу, а на панталонах оказались пятна — следы человеческой крови. На основании этих подозрений против Гильснера было возбуждено судебное следствие по обвинению в убийстве девушки с участием кагального общества для религиозных целей, так как это было во время еврейской Пасхи.

На суд в числе свидетелей был вызван гласный города Полны Седловк, который на вопрос председателя показал: «Это странная история, все единогласно

заговорили, что Гильснер это сделал. Молва распространилась с быстротой молнии».

Очень много вредило подсудимому упорное отрицание того, что у него был серый костюм, между тем как при позднейшем обыске у него были найдены серые панталоны с кровавыми пятнами на коленях. Судебный следователь спрашивал у него о сером костюме, и показалось странным, что он умолчал о серых панталонах, а после стал говорить, что «совсем забыл» о них.

Был допрошен опекун убитой, скотопромышленник Новак.

Председатель. Убитая была крепкой девушкой. Думаете ли вы, что один мужчина мог справиться с ней?

Свидетель (*взглянув искоса на подсудимого*). Этаким человек вряд ли что мог с нею поделать.

Жена сельского старосты Памела видела 17 марта, как какой-то человек выбежал из леса. Человек этот был взволнован и испуган.

Председатель (*указывая на Гильснера*). Взгляните-ка на этого человека.

Свидетельница (*боясь уличить*). Так он не выглядел, у него были черные глаза и полное лицо.

Председатель. У Гильснера также черные глаза.

Свидетельница. Но не такие.

Председатель. Был ли он такого же роста, как Гильснер?

Свидетельница. Да.

Председатель. Был ли он так же строен, как Гильснер?

Свидетельница. Да.

Председатель. Значит, во всем походит на Гильснера?

Свидетельница. Да.

Сапожник Скарета видел 17 марта Гильснера с каким-то человеком близ леса.

Председатель. Точно ли вы узнали Гильснера?

Свидетель. Да.

Эксперт доктор Прокеш показал, что убийцы не хотели сначала умертвлять свою жертву (намек на то, что они имели в виду выцедить у жертвы кровь еще при жизни). Среди показаний многих свидетелей заслуживали особого внимания показания Баха, представителя интересов Марии Грузы, матери зарезанной: «Если взвесить все это здраво и без всяких задних мыслей и предположений, то нужно прийти к заключению, что Анна Груза — христианская мученица. До сих пор мы знали различные мотивы убийства, но настоящему мотиву не всякий еще верил. Анна Груза была убита только потому, что должна быть убита христианская невинная еще девушка».

После разных изворотов сам Гильснер добровольно сознался в умерщвлении девицы Анны Грузы. Затем суд присяжных признал Гильснера виновным, приняв во внимание следующие обстоятельства: 1) Гильснер пользовался дурной репутацией и славой как бродяга, не хотевший работать и околачивавшийся без дела; 2) Гильснер не мог представить сначала, то есть доказать, что в момент преступления находился в другом месте; 3) у Гильснера оказался серый костюм, и он сам признался, что пятна на костюме — следы крови.

После длинных прокурорских речей в пользу обвинения последовали речи защитников обеих сторон; затем заключительная речь председателя с увещанием присяжных заседателей, как важно должно быть обсуждение в таком уголовном вопросе. Присяжные удалились в совещательную комнату и по прошествии нескольких часов вынесли вердикт с приговором Леопольда (Лейбы) Гильснера к смертной казни.

Телеграмма. Вена, 2 ноября.

«По делу Гильснера сообщают подробности о вчерашнем приговоре. Выслушав смертный приговор, Гильснер презрительно расхохотался. Нахальство еврея подействовало вызывающе на публику, присутствовавшую в суде; если бы Гильснера не удалили немедленно, то он мог подвергнуться растерзанию. Защитники тотчас же представили суду прошение о кассации; они ушли из суда под охраной жандармов. Толпа кричала им вслед: «Стыдно!», «Жидовские наемники!»

«Все газеты посвятили передовые статьи приговору суда. Еврейские органы были уверены в том, что приговор будет вторично кассирован. Газета «Deutsches Volksblatt» назначила награду в 1000 гульденов за указание сообщников Гильснера».

Представители еврейского общества на общем собрании 20 сентября 1899 года единодушно постановили представить министру-президенту, министрам юстиции и народного просвещения следующий протест:

«Мы протестуем самым торжественным и решительным образом против внесенного антисемитами в полненский процесс обвинения, что иудаизм или какая-либо иудейская секта допускает употребление человеческой крови.

Мы питаем полную уверенность, что австрийское правительство защитит все права, принадлежащие нам, как признанному государством исповеданию, против этой позорнейшей клеветы. Наша уверенность в мерах правительства не может нам препятствовать выразить также наше глубокое возмущение при оскорблении, нанесенном нашей истари чтимой религии. Мы молчали до тех пор, пока пытались клеветами и инсинуациями вредить материальным интересам наших единоверцев. Но теперь самым наглым образом налагают руку на нашу святыню, нашу религию; теперь мы, подобно своим предкам, всем своим достоянием и кровью будем защищать честь и чистоту нашей религии и охраним ее от позорной клеветы относительно употребления крови»¹.

После апелляции венских иудеев назначено было вторичное разбирательство по делу Гильснера. При втором разбирательстве дела свидетель Пешак подтвердил первое свое показание, что видел Гильснера за несколько минут до убийства на месте преступления. Точно так же и другие свидетели свое первое показание подтвердили; кроме того, явились еще новые свидетели в пользу обвинения с важными доказательствами об уликах другого убийства — девицы Климо-

¹ Восход, 1899. № 39.

вой. Во время перерыва заседания защитник Гильснера завел шепотом разговор с подсудимым.

В процессе повторного дознания было установлено, что Гильснер ранее совершил еще одно убийство — христианской девицы Климовой.

Чешский журналист Гушек обратил внимание суда на это обстоятельство, закричав: «Когда меня судили за политическое преступление, мне разрешали говорить с защитником только при свидетелях; с какой стати теперь оказывать предпочтение еврею-убийце?» Адвокат Гильснера потребовал удаления Гушека из зала суда, но председатель сделал выговор журналисту и запретил защитнику шушукаться с подсудимым.

Бакса, защитник убитой Грузы, доказывал, что убийство — ритуальное, ссылаясь на недостачу значительного количества крови, неизвестно куда исчезнувшей: ни сам труп, ни платье покойной не были окровавлены; кровавые пятна оказались только на брюках Гильснера, спрятанных в синагоге; наконец, заслуживает внимания характерный порез на шее убитой, тождественный с ритуальным порезом еврейских резников. Бакса собирался привести доказательства, что среди евреев существует секта, которой нужна кровь невинных христианских девушек, но председатель перебил его, предупреждая, что лишит его слова. Бакса закончил свою речь словами: «Весь мир ждет отсюда света, но суд лишил меня слова, как только я стал излагать историю процессов о ритуальном убийстве».

Телеграмма. Вена, 1 ноября.

«По делу Гильснера присяжные на вопрос, виновен ли подсудимый в убийении Грузы, единогласно признали его невиновным; на вопрос же о сообщничестве Гильснера в убийстве обеих девушек тоже единогласно ответили: «Виновен».

Суд приговорил Гильснера к смертной казни через повешение. Присяжные, установив лишь сообщничество Гильснера, тем самым признали ритуальный характер убийств. Приговор был произнесен в три часа. Суд был оцеплен жандармами. Толпа, собравшаяся у суда, встретила приговор долго несмолкаемыми криками: «Да здравствует справедливость и неподкупность!»

Защитники Гильснера добились новой кассации, которая рассматривалась в австрийском кассационном суде и кончилась утверждением смертного приговора, вынесенного пизекским судом.

Гильснера на заседании не было. Говорили только защитник осужденного Ауредничек, прокурор и докладчик. Свидетели и эксперты также не были вызваны. Сначала была прочитана кассационная жалоба, которая главным образом была направлена против показаний свидетеля Пешака, утверждавшего, что он точно видел Гильснера на месте преступления, хотя последний находился на большом расстоянии от него. Затем в жалобе указывалось на то, что пизекский суд отказался произвести осмотр местности, где было совершено преступление. Затем были прочитаны документы и протоколы, имевшие отношение к жалобе. Чтение продолжалось два часа. После

речи защитника говорил прокурор, доказывавший, что жалоба должна быть оставлена без последствий.

Несмотря на изуверский характер преступлений, Гильснер был помилован. По велению австрийского императора смертная казнь Гильснеру была заменена пожизненным тюремным заключением, а спустя короткое время преступника выпустили на свободу, и он уехал в США. Как сообщали венские газеты того времени, такой исход дела был определен закулисной сделкой австрийского правительства с еврейскими финансистами. При этом условии они «обещали реализовать заем на постройку железных дорог»¹.

В Вильно в ночь на 2 марта 1900 года на углу Кожовенного переулкa и Татарской улицы, в доме реформатской коллегии, на квартире парикмахера Блондеса, было произведено покушение на жизнь христианской девушки, которая за несколько дней до того и за два дня до еврейских праздников была нанята парикмахером Блондесом в качестве «одной прислуги». Вечером накануне Блондес почему-то стал уговаривать девушку лечь раньше спать, ссылаясь при этом, что она должна на другой день встать раньше, чтобы исполнить какую-то домашнюю работу. Девушка, ничего не подозревая, улеглась и скоро заснула. Около двух часов ночи она проснулась от страшной боли и шума, который происходил около ее кровати: какие-то евреи окружали ее, а сам хозяин, парикмахер Блондес, делал порезы острой бритвой на руках ее около кистей, на горле и затылочной части шеи. Девушке как-то удалось вырваться от них и броситься к окну, взывая о помощи. К счастью, ее тотчас же услы-

¹ *Лютостанский И.* Указ. соч. С. 331.

шали и бросились к ней на помощь на квартиру Блондеса. Всех евреев арестовали, а несчастную пострадавшую поместили в приемный покой Савича, находившийся поблизости от места происшествия. От большой потери крови и страшного испуга пострадавшая долго находилась в бессознательном состоянии. Целых два дня улица перед квартирой Блондеса была переполнена народом.

Газета «Северо-Западное слово» публикует следующие подробности этого случая. *«В 2 часа ночи из квартиры Блондеса с криком вырвалась служившая у Блондеса крестьянка Виленского уезда Викентия Грудзинская и, шатаясь, вся окровавленная, поплелась к дому Германовича, где служит дворником ее двоюродный брат Адам Грудзинский. Дворник Францишек Михалевич из дома Богуцкого, увидев раненую девушку, догнал ее, довел до ворот дома и сдал на руки Грудзинскому и его жене. В дворницкой ослабевшая, перепуганная девушка, прислонившись к окну, повторяла: «Зарезали, зарезали!» Тут только ее родственники заметили две рассеченные раны: одну — на левой стороне шеи, другую — на левой же руке, из которых обильно лилась кровь. Дворники Михалевич и Грудзинский немедленно отправились, захватив предварительно с собой городского, к «цыгульнику» Блондесу, которого нашли в постели с пятнами крови на белье и на руках. Между тем, как показывают дворники, в комнату явилось несколько человек евреев, а с улицы ворвались собравшиеся у входных дверей извозчики-староверы. Произошла свалка; городскому и дворникам с трудом удалось усадить Блондеса на извозчика и отвезти в участок, куда привезена была потерпевшая. Блондес был арестован, а Викентия Грудзинская отправлена в гости-*

таль Савича. Потерпевшая — молодая, здоровая деревенская девушка, 21 года, блондинка с голубыми глазами. Раны ее на шее и руке перевязаны и защищены доктором Туром. Девушку окружают вызванные из деревни родственники».

Что Грудзинской удалось вырваться из рук иудейских изуверов, можно приписать чудесному Провидению Божию. Видно, что они дали ей в небольшом количестве хлороформа для усыпления, но девушка крепкого телосложения от боли проснулась и внезапно закричала. В это же время у проезжавшего извозчика лошади взбесились и дышлом ударили в ставню окна так сильно, что стекла посыпались. Преступники, испугавшись, разбежались, думая, что напала полиция. Девушке удалось, собрав силы, уйти к брату, дворнику соседнего дома.

15 декабря в Вильно началось слушание дела Д. А. Блондеса. О деле этом много говорилось, но любопытствовавших возле суда, по сообщению «Виленского вестника», не было, даже замечалось какое-то особенное «безлюдье». Приведу некоторые выдержки из отчета по этому процессу:

«Одни полицейские стояли у суда, переминаясь с ноги на ногу или прохаживаясь, согревая ноги. К 10 часам утра в суде собрались лица судебного ведомства, присяжные поверенные, присяжные заседатели, которые в пальто проходят прямо в отведенную для них комнату.

Ввиду того что дело будет слушаться при закрытых дверях, пред входом в зал суда сделана загородка и впускались чрез узкий ход только лица, имеющие по закону право входа. Несколько судебных приставов зорко следили за входящими в зал, который имеет вполне

официальный вид. За местами для судей помещаются: прокурор судебной палаты, действительный статский советник Постовский, председатель суда, д. с. с. Котляревский, прокурор суда А. А. Дейша, много членов судебной палаты и окружного суда, лица из военно-окружного суда, почетные мировые судьи, в числе которых — вице-губернатор Двора Его Величества камергер И. С. Леонтьев. Места присяжных поверенных у балюстрады, отделяющей зал для публики, все заняты. Скамейки для публики заняты разными лицами судебного ведомства, а также присяжными заседателями. Из представителей печати были допущены в зал до начала разбирательства дела сотрудник «Нового времени» Н. А. Энгельгарт и представитель «Виленского вестника».

Когда суд занял свое место, был введен под стражей Д. А. Блондес, еврей небольшого роста, невзрачный на вид, с короткими волосами, маленькой бородой на остром, выдающемся слегка вперед подбородке; черты лица довольно резкие; лицо не производит приятного впечатления. Подсудимый вошел довольно бойко и, пожав руки защитников гг. Миронова и Грузенберга, занял место на скамье подсудимых.

Затем было приступлено к проверке свидетелей; неявившиеся представили законные свидетельства о неявке. Неявка свидетелей признана не важной для существа дела, и потому суд нашел возможным приступить к разбору дела. По избрании состава присяжных были допущены, согласно закону, к слушанию разбора дела по выбору защитника обвиняемого мать и сестра обвиняемого и дворянин Остерко. Г. Врублевский от имени потерпевшей просил допустить мать потерпевшей и двух из свидетелей. Затем начался разбор дела при закрытых дверях по обвинению Блондеса в покушении на убийство».

«Виленский вестник» сообщал, что продолжительное и утомительное разбирательство дела по обвинению Блондеса наконец закончилось 21 декабря вечером. Присяжные совещались два с половиной часа. Блондес признан виновным в нанесении Грудзинской легких ран с обдуманым заранее намерением и по предварительному соглашению с другим лицом, но без намерения лишить жизни. Блондес приговорен к лишению всех особых прав и преимуществ и к тюремному заключению на один год и четыре месяца¹.

¹ *Лютостанский И.* Указ. соч. С. 332 — 334.

ГЛАВА 4

Ритуальное убийство Андрея Ющинского. — Дело Бейлиса. — Моральный и физический террор еврейских кругов в отношении суда и свидетелей по делу. — Уничтожение улик и очевидцев. — «Доказанность убийства со всеми признаками ритуальности». — Преследования православных. — Попытки убить И. Лютостанского. — «Еврейское нашествие»

Весной 1911 года весь мир был потрясен новым ритуальным преступлением. Очередной жертвой стал православный русский мальчик Андрей Ющинский тринадцати лет. Его мертвое тело со множеством ран было найдено в пещере на окраине города Киева. Экспертиза установила, что причиной смерти несчастного ребенка *«послужило острое малокровие от полученных повреждений с присоединением явлений асфиксии вследствие воспрепятствования доступа к воздухоносным путям»*. *«В теле его оста-*

лось не более трети всего количества крови»¹. Эта экспертиза была также подтверждена известным русским врачом профессором Киевского университета П. А. Сикорским, который, «исходя из соображений исторического и антропологического характера, считает убийство Ющинского по его основным и последовательным признакам — медленному обескровливанию, мучительству и затем умерщвлению жертвы — типичным в ряду подобных убийств, время от времени повторяющихся как в России, так и в других государствах. Обескровливания убиваемых, по мнению профессора Сикорского, вытекают из других оснований, которые, быть может, имеют для убийц значение религиозного акта»².

Хотя факт ритуального убийства был установлен с полной достоверностью, М. Бейлис был оправдан за «недостаточностью улик», после того как в течение двухгодичного следствия были подкуплены и запуганы несколько следователей, отравлены трое детей, видевших, как Бейлис тащил Андрея Ющинского на кирпичный завод еврея Зайцева, где произошло убийство.

Как отмечали современники, «в течение пяти месяцев полными хозяевами следствия были противники ритуальной версии и буквально делали от имени следственной камеры все что хотели: арестовывали одних, запугивали других, подкупали третьих, мистифицировали и печать, и судебную власть целым

¹ Обвинительный акт о мещанине Менахиле-Менделе-Тевьеве-Бейлисе. Вильно, 1911 (полный текст обвинительного акта приводится в Приложениях).

² Там же.

рядом ложных, а иногда даже и заведомо ложных сообщений. Однако же, несмотря на все усилия найти убийц среди родственников убитого или среди местных воров, несмотря на террор, угрозы и самые энергичные средства уличения — до гримировки заподозренных и фабрикация фальшивых вещественных доказательств включительно, — ничего не обнаружили. Тогда — и только тогда — был привлечен к следствию Бейлис, причем тотчас во всей европейской печати поднялся общий негодующий крик против нового направления следствия. Через несколько дней после привлечения Бейлиса умерли после угощения пирожным, принесенным сыщиком Красовским в отсутствие арестованной матери, дети Чеберяковой, единственные свидетели, показывающие, что видели, как Бейлис тащит Ющинского на завод. Поkamест следствие дошло до Бейлиса, произошел целый ряд существенных перемен в местности, где совершено преступление: построен новый забор, сгорело без видимых причин здание, в котором могло быть совершено убийство, — вообще уничтожены все следы последнего. В руках суда осталась одна главная улика — фотографические снимки с исколотого трупа, ранения которого не могли быть объяснены никакими обычными мотивами, кроме ритуальных, да приставшие к одежде убитого кусочки пропитанной кровью глины, показывающей, что убийство произошло не в квартире Чеберяков, где глины быть не могло, и не в пещере, куда труп был принесен уже окоченелым, а в таком глинистом месте, как кирпичный завод еврейской больницы. Если прибавить к этому установленное экспертизой раздевание Ющинского в момент нанесения ему

ран в туловище с одеванием трупа после смерти и письмо Бейлиса к жене с рекомендацией Казаченко как нужного человека с просьбой дать ему денег и указать ему, кто из свидетелей показывает против обвиняемого, то этим ограничатся все прямые улики обвинения. Их, несомненно, оказалось очень мало для того, чтобы осторожный суд совести мог обвинить Бейлиса, но их было все-таки вполне достаточно для того, чтобы не прекратить дело в периоде предварительного следствия»¹.

Несмотря на то что ритуальное преступление было совершено кучкой фанатиков-изуверов и вина за него никак не могла ложиться на всех иудеев, как, например, вина хлыстов-изуверов не могла очернить русский народ, весь иудейский мир России и зарубежья встал на сторону М. Бейлиса, огульно отрицая обвинения в его адрес, объявляя их «происками» анти-семитов, «кровавым средневековым наветом» на «невиновных», «гонимых евреев».

Еврейская и либерально-масонская печать всей своей силой обрушивается на суд и общественное мнение, намеренно искажает факты, фальсифицирует материалы следствия.

Как писал прокурор по этому делу Виппер, «ведь русская пресса только кажущаяся русская, в действительности же почти все органы печати в руках евреев. Я ничего не хочу говорить против еврейства, но когда читаешь еврейские газеты, еврейские мысли, еврейскую защиту, то действительно выступить против евреев — значит вызвать упрек, что

¹ Гофштеттер И. Убийство Ющинского и русская общественная совесть. СПб., 1914. С. 6.

вы или черносотенец, или мракобес, или реакционер, не верящий в прогресс, и т. д. Евреи до такой степени уверены, что захватили в свои руки главный рычаг общественности — прессу, что думают, что никто уже не посмеет возбудить против них такое обвинение не только в России, но даже и в других странах. И до некоторой степени они правы: в их руках главным образом капитал, и хотя юридически они неправы, но фактически они владеют нашим миром, и в этом отношении пророчество Библии почти на наших глазах сбывается: тяжело их положение, но в то же время мы чувствуем себя под их игом. На это я обращаю ваше внимание потому, что, как я уже сказал, никто не думал, что правительство поставит когда-нибудь это дело на суде, всем казалось, не рискли это со стороны правительства, многомиллионный русский народ думает об этом риске. Да разве мы можем закрывать глаза на то преступление, которое совершилось в Киеве, хотя бы это и грозило нам неприятностями, мы должны раскрыть; но, с точки зрения евреев, мы не имеем права на это, иначе мы — черносотенцы, мракобесы, реакционеры и желаем крови. Ведь это звучит почти обвинением. Ведь, в сущности, нас станут даже обвинять, что мы поставили процесс, что мы возбуждаем народ против евреев. Отнюдь нет. Меня даже удивляет следующее. Если бы евреи желали защитить Бейлиса, если бы они спокойно отнеслись к этому процессу, то сказали бы: пусть правосудие решит это дело, улик было немного, кроме соображений Красовского, которые я привел, и суд присяжных, которому они верят, увидя, что улик мало, мог оправдать, но евреи сами, сознавая, что Бейлис действительно виновен, вместо того

чтобы сказать: пусть правосудие делает свое дело, — старались запутать это дело, помешать правосудию. И поэтому, когда Бейлис был привлечен, они были изумлены: что такое сделали с Бейлисом, как смели судить ритуального преступника в ту эпоху, когда существует Государственная Дума, когда начнутся разговоры и когда могут привлечь к ответственности целый ряд правительственных лиц. Но правительство посмело, и Бейлис был привлечен»¹.

Несмотря на моральный и физический террор еврейских и либерально-масонских кругов, суд довел дело до конца. Однако уничтоженные во время предварительного следствия улики и гибель свидетелей лишили суд юридического основания вынесения обвинительного приговора. М. Бейлис был оправдан за «недостаточностью улик». Тем не менее на суде была признана «доказанность убийства со всеми признаками ритуальности»². Весьма показательно, что, когда еврейские большевики захватили власть, киевские чекисты (они в то время были сплошь евреи) изъяли множество томов этого дела из архивов киевского суда и тут же уничтожили. Одновременно были расстреляны все лица, причастные к этому делу³.

Моральный и физический террор иудейско-масонских кругов против русских людей, осмеливавшихся раскрывать преступления, в которых были замешаны евреи, резко усилился в конце XIX — начале XX века. Иудейско-масонские круги организуют преследование и травлю честных русских патриотов, не

¹ Брант Е. Ритуальное убийство у евреев. Белград, 1929. С. 185 — 187.

² Тихомиров Л. Дело Бейлиса и дело об убийстве Юшинского // Московские ведомости. 11 ноября 1913.

³ АСТМ. Фонд Н. Ф. Степанова.

гнушаясь даже такими методами, как засылка наемных убийц.

Жертвой подобных преследований стал известный русский ученый, исследователь Талмуда и еврейского быта И. Лютостанский. После второго издания книги Лютостанского «Об употреблении евреями христианской крови для религиозных целей» автор столкнулся с чудовищной травлей и преследованием со стороны иудейских организаций.

Как он сам писал: *«Я увидел себя на пути неизбежной гибели — возмутилось все жидовство с намерением умертвить меня. Пять раз было покушение на мою жизнь; я принужден был странствовать из города в город, как Вечный жид. Везде заводили против меня кляузные уголовные дела, выставляя ложных свидетелей из евреев, и суд обвинял меня, отчего я принужден был оставить коронную службу учителя в Пултуской прогимназии и бежать. В г. Варшаве евреи напали с ножами, чтобы покончить со мной; я лежал в крови, был изуродован; к моему счастью, я был спасен на улице христианами. Еврей-виновник скрылся; два соучастника-еврея были осуждены на три месяца в тюрьму»¹.*

Гражданин Великой России в своей стране вынужден был уходить от наемных убийц, оплаченных тайными иудейскими организациями, чуть ли не каждый день ночуя в новом месте. В этих ужасных условиях Лютостанский не прекратил своей научной работы о подрывной деятельности иудеев против христиан.

Чтобы закончить свой ценнейший труд, он сделал

¹ Лютостанский И. Указ. соч. Т. 1. С. 318.

вид, что отказывается от своей предыдущей работы об употреблении евреями христианской крови.

Как он впоследствии сам объяснял, «доведенный до крайности от жидовских преследований, ради страха иудейска, с целью обеспечения своей жизни я написал брошюрку, якобы евреи не употребляют христианскую кровь для религиозных целей. Напечатанная брошюрка разослана была для 300 казенных раввинов. О выпуске брошюры не было ни одной публикации, а также не было ни одного экземпляра в продаже. После чего унялось немного открытое преследование жидовства против меня, улеглись разъяренные страсти иудеев. Подобного рода лавировкой, как заяц на ловле, удалось мне продлить жизнь свою, пока кончил предназначенное мною дело — второе издание «Талмуд и евреи» в 6 томах и третье издание, дополненное, «Об употреблении евреями-талмудистами христианской крови». Так как приближается к концу мое земное жизненное пилигримство, то смерть уже не так страшна, тем более одинокому отшельнику. Сам Спаситель умерщвлен жидами, все Святые ученики Его и тысячи подвижников Христианства понесли мученическую смерть от варварских рук жидовских. Между тем все-таки смерть страшна в глазах человека; для человека нет на свете дорожке жизни. Апостол Петр как много любил Учителя своего — И. Христа, однако ж ради страха иудейска в один день трижды отрекся от своего Учителя. Галилей ради страха смерти пред судьями отрекся от своей дорогой идеи, что Земля вертится. Но, коль скоро судьи удалились

и опасность миновала, Галилей, ударив ногой в землю, сказал: «А все-таки Земля вертится и вертится».

Если такие святые люди и знаменитые гении ради страха прибегали к таким изворотам, то что же может быть предосудительного в крайности воспользоваться их примером. Действовал тоже и я с целью довершения моей идеи»¹.

Лютостанскому удалось закончить свою работу. Она стала одним из выдающихся научных трудов в этой области, обобщив все современные итоги изучения преступной деятельности иудейских организаций.

О длительной тяжбе Лютостанского с иудейскими организациями говорит, в частности, следующий документ:

ПРИГОВОР

1897 года ноября 24-го дня. По Указу Его Императорского Величества, Варшавская Судебная Палата, в заседании I-го Уголовного Департамента, в котором присутствовали:

Председательствующий И. К. Пистолькорс.

Члены: И. Р. Ленц,

А. И. Смирнов.

В присутствии Тов. Прокурора Судебной Палаты К. И. Кесселя. При и. о. Секретаря К. Ф. Дьячане.

Слушали: апелляционное дело об Ипполите Лютостанском, обвиняемом в оскорблении частного лица.

Рассмотрев дело в пределах отзыва, согласно 889-й

¹ Лютостанский И. Указ. соч. Т. I. С. 319.

ст. Уст. Уг. Судопр., и допросив указанных апеллятором новых свидетелей, Палата находит, что судебным следствием в обеих инстанциях вполне выяснились враждебные отношения к Лютостанскому местных евреев города Пултуска, возникшие вследствие издания им, Лютостанским, нескольких сочинений антисемитического направления и достигшие таких размеров, что евреи прямо грозили выжить Лютостанского из Пултуска, а при встрече с ним на улице преследовали его разными неприличными выходками. При таких обстоятельствах Палата не может отнестись с надлежащим доверием к показаниям евреев-свидетелей: Сруля Гольдберга, Арона Орловского и Менделя Шафрана, допрошенных по ссылке частного обвинителя Цайбуля Виногрона, на коих основано обвинение Лютостанского. Посему, признавая апелляционный отзыв заслуживающим уважения, Палата определяет: подсудимого Лютостанского признать по суду оправданным и судебные по делу издержки принять за счет казны, а обжалованный приговор суда отменить.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

За Помощ. Секретаря А. Дуплицкий.

Преследования русских людей иудеями, моральный и физический террор против них, засилье еврейских дельцов и журналистов вызывали среди православных чувство негодования и тревоги. Лучшие русские умы предупреждают соотечественников об опасности, которая грозит России в результате «наступления иудейского племени».

Та опасность, о которой в XIX веке предупреждал

русское общество писатель В. В. Крестовский в статье «Жид идет!», в XX веке еще более остро показана в статье М. О. Меньшикова «Еврейское нашествие»¹. Привожу ее с некоторыми сокращениями.

«В Государственной Думе затевается хуже, чем государственная измена, — затевается национальное предательство — разрешение целому иностранному народу сделать нашествие на Россию, занять не военным, а коммерческим и юридическим насилием нашу территорию, наши богатства, наши промыслы и торговлю, наши свободные профессии и, наконец, всякую власть в обществе. Под скромным именем «еврейского равноправия» отстаивающие его русские идиоты в самом деле обрекают Россию на все ужасы завоевания, хотя бы и бескровного. Подчеркиваю слово «ужасы»: вы, невежды в еврейском вопросе, вы, политические идиоты, посмотрите же воочию, что делается уже в захваченных евреями христианских странах. Посмотрите, в каком состоянии находится народ тех славянских стран, которые опаршивлены еврейским населением, хотя бы стран давно конституционных. Поглядите, как изнывает русское племя — такое же, как и мы, — в австрийской Галиции. Поглядите, в каком унижении и нищете русское племя той части России, которая когда-то была захвачена Польшей и отдана на съедение паразитному народу. Ведь то же самое, а не что иное вы готовите и для Великой России, единственной страны в Христианстве, еще не вполне доступной для жидовства...

Вы подготавливаете нашествие... десяти миллионов азиатского, крайне опасного, крайне преступного на-

¹ Новое время, № 12555.

рода, составлявшего в течение четырех тысяч лет гноющую язву на теле всякой страны, где этот паразит сиделся!..

Евреи одолевают русских, но одолевают не энергией и талантами, а фальсификацией этих качеств.

В социальной борьбе происходит то же самое, что на рынке. Попробуйте выдать чистый высокопробный товар в местности, захваченной евреями: на другой же день в еврейских лавочках явится с виду совершенно ваш же товар, только на треть дешевле, и вы будете разорены. Публика не в силах разобраться в фальсификации — она не догадывается, что пьет поддельное вино, сфабрикованное из дешевых ягод и спирта; публика может хворать и даже умирать отравленной, но все-таки она идет на приманку — идет к жидам, а христианин купец со своим высокопробным (и поэтому дорогостоящим) товаром гибнет. Во все свободные профессии, во все области интеллигентного труда евреи вносят ту же сокрушительную силу подлога, подделки, обмана, симуляции и фальсификации, причем все они — в кагальном заговоре против христиан, все составляют тайную могущественную конспирацию, поддерживая все низкие ухищрения друг друга системой стачки. Это сущая клевета, будто русские уступают евреям потому, что евреи будто бы даровитее и трудоспособнее русских. Это наглейшая клевета, опровергаемая на каждом шагу. Ни в одной области евреи не дают первостепенных талантов; как народ азиатский и желтокожий, евреи органически не способны подняться до гениальности, но они вытесняют все средние таланты не слишком трудной подделкой под них. Не одна русская буржуазия уступает еврейской — то же самое мы видим всюду на Западе, где только евреи водворяются в значитель-

ном числе. Не одной России угрожает еврейский феодализм. Во французской палате об этом феодализме недавно провозгласил Жорес, которого нельзя упрекнуть в националистическом шовинизме. Во Франции не восемь миллионов жидов, как у нас, а всего пока около 100 тысяч, но эта великая страна агонизирует, чувствуя, что насквозь проедена еврейством и что приходится или совсем изгнать их, как в прошлые века, или погибнуть в социальной чухотке. Характерная история с евреем Бернштейном в Париже на этих днях показывает, до чего унижена благородная страна в своем гостеприимстве и в какой острой степени начинает чувствовать свою ошибку...

Подобно чуме и холере, которые суть не что иное, как нашествие низших организмов в царство высших, в жизни народов отмечено страшное бедствие внешних вторжений. Зайдите в храмы, прислушайтесь, о чем ежедневно молит двухтысячелетняя Церковь: об избавлении от глада, труса, потопа, огня, меча, нашествия иноплеменных и междоусобной брани. Последние поколения позабыли многое трагическое в своей истории, но устами Церкви говорит многовековой опыт. Если опасно бурное нашествие соседей, вроде потопа, то еще опаснее мирные нашествия — невидимые, как зараза. С бурными вторжениями народ борется всем инстинктом самосохранения. Напор вызывает отпор, и чаще всего война оканчивается — счастливая или несчастная — уходом врага.

В худшем случае побежденный платит контрибуцию и остается хозяином у себя дома. Не то внедрения мирные, вроде еврейского: тут инстинкт самосохранения очень долго дремлет, обманутый тишиною. Невидимый враг не внушает страха, пока не овладевает все-

ми центральными позициями. В этом случае враг, подобно чухотке или малярии, гнездится в глубочайших тканях народного тела и воспаляет кровь больного. Мирное нашествие остается — вот в чем ужас пораженного им народа.

Из всех племен старого материка мы, славяне, кажется, самые несчастные в отношении нашествий. Мы поселились как бы в проходной комнате между Европой и Азией, как раз на пути великих переселений. Почти вся наша история есть сплошная драма людей, живущих на большой дороге: то с одной стороны ждешь грабителей, то с другой. Еще до татарского ига мы пережили на исторической памяти ряд нашествий с севера, с юга, с запада и востока: остготы, варяги, печенеги, хазары, половцы, литва, тевтоны — кто только не трепал нашей завязывавшейся и множество раз раздираемой государственной культуры! Затем татары, крымцы, поляки, шведы — нашим предкам приходилось отбиваться на все четыре стороны света. Не прошло ведь еще ста лет со времени колоссального вторжения Наполеона с силами двадцати народов! По закону истории, «что было, то и будет»: нам и в будущем со всех сторон угрожают нашествия — и со стороны восходящего солнца, и со стороны заходящего. Тем, казалось бы, необходимее держать в памяти вечный завет единства нашего и внутренней цельности. Но именно для того, чтобы расстроить железное строение расы, чтобы сокрушить внутреннее сопротивление, русские идиоты и предатели устраивают предварительно мирное нашествие иноплеменных, проникновение к нам в огромном числе чужих, неперевариваемых, неусвояемых элементов, которые превратили бы наше великое племя из чистого в нечистос, прибавили бы в металл

песку и сделали бы его хрупким. Россия велика, завоевать ее трудно, однако она уже бывала завоевана — и целиком, и частями. Не забудем, что Западная Россия всего полтораста лет, как вышла из польского плена, а Червонная Русь еще до сих пор под австрийским ярмом. Не забудем, что все славянские державы, кроме России, погибли от внешних нашествий, которым предшествовали во многих случаях внутренние. Не забудем, что единственная великая (кроме России) славянская держава — Польша погибла от внешних нашествий, подготовленных еврейским мирным вторжением. Урок ужасающего значения, до сих пор плохо нами усвоенный. Бездарные польские короли сами назвали в Польшу паразитное племя, сами вклинили между христианскими подданными этот антихристианский, глубоко враждебный христианской совести народ. Мудрено ли, что в течение нескольких поколений польские жидаы развратили рыцарскую знать, вытеснили собою сердцевину нации — третье сословие и налегли, точно могильной плитой, на простонародье. Развращенная, ослабленная Польша была охвачена тем воспалением, которое всюду вносят с собою паразиты. Куда бы евреи ни проникали, они со времен фараонов и персидских царей всюду возбуждают внутренний раздор, раздражение сословий, стремление к бунту и распадению. То же случилось с Польшей, то же идет и в России, на глазах наших. Евреи раскололи польскую нацию на несколько непримиримых лагерей и подготовили тысячелетнее славянское царство к упадку. Нет ни малейшего сомнения, что тот же губительный процесс идет и с еврейским нашествием на Россию.

«Жидаы погубят Россию!» — горестно пророчествовал Достоевский, но Бог наказал нас, русских, глухотой

и каким-то странным ослеплением. Не слышим подкрадывающейся гибели и не видим ее!

Исподтишка, таинственно, из-под полы колено Гессена и Винавера просунуло в Гос. Думу проект о снятии черты еврейской оседлости. Рассчитывают застать и законодательство наше, и общество врасплох. И что вы думаете? Весьма возможно, что предательский закон проведут и собственными руками подпишут смертный приговор России! Все это возможно потому, что элементарными ошибками полна наша история. Не одна Москва сгорела от грошовой свечки — вся великая страна, подобно слону, поскользнувшись над пропастью, в состоянии погибнуть от минутной оплошности, если сложатся для этого роковые условия. Говорят: а почему же в других странах снята черта оседлости? Почему на Западе евреям дано равноправие? На что я отвечу: там потому это сделано, что евреев сравнительно очень мало. Будь у нас 60 тысяч евреев, как в Англии, или 100 тысяч, как во Франции, может быть, и у нас не было бы еврейского вопроса, хотя уже 100 тысяч евреев достаточно, чтобы внести в такую архикультурную страну, как Франция, самое плачевное разложение. Там, где евреев сравнительно много, как в Австрии и Германии, все мыслящее общество уже сознает гибельную ошибку допущенного равноправия, и там начнется упорная борьба с еврейским нашествием. Антисемитизм — явление новое в либеральной Европе, но обещает могучий рост. Мы собираемся дать евреям равноправие как раз в то время, как на Западе ставится вопрос об отнятии этого равноправия. Вот почему — сказать кстати — евреи так лихорадочно хлопочут о том, чтобы им была открыта Великороссия: они чувствуют, что недалек момент, когда их погонят из всех культурных стран, как это не раз бывало в их истории,

и они готовят себе убежище в тех странах, которые ими еще не вполне отравлены. Не только в Европе, но даже в Америке в течение всего нескольких десятилетий евреи сумели приобрести отвращение к себе, а местами и ненависть...

Пора проснуться народу русскому: он накануне великого несчастья, может быть, самого страшного в своей истории! Не какая-нибудь шайка авантюристов — на Россию двигается целое многомиллионное племя, самое авантюристское, какое известно в истории, самое преступное, самое тлетворное из всех! Даже нескольких десятков тысяч евреев, пропущенных по ту сторону черты оседлости, было достаточно, чтобы смутить дух народный, подорвать великую веру, опоганить совесть, ту историческую совесть, какой Россия строилась. Теперь хотят снять ограждающую плотину совсем и залить когда-то Святую Русь наводнением враждебных, ненавидящих чужеземцев!»

ГЛАВА 5

Секта жидовствующих. — Ее антирусская, антихристианская направленность. — Молитвы об избавлении от «русского ига» и водворении в «землю обетованную». — Указ Синода о борьбе с жидовствующими еретиками

Секта жидовствующих, возникшая на Руси еще в XV веке, в течение многих столетий существовала в глубоком подполье, поддерживаемая тайными иудейскими эмиссарами.

В XVIII веке это еретическое, антихристианское движение проявилось в виде секты субботников, большая часть которых располагалась в западнорусских землях, получая постоянную антихристианскую подпитку от местных иудейских общин.

С разрешения Екатерины II большое количество жидовствующих переселились из Турции и Польши, став в XIX веке важным элементом антиправославных, антирусских выступлений.

Антиправославная направленность жидовствующих субботников проявлялась в их открытой враждебности к России, Русской Церкви и Православной

монархии. Будучи чаще всего русскими по национальности, эти сектанты полностью утратили самобытные черты русского человека. Субботниками иудаизм достигал того, к чему всегда стремился, — полного искоренения Православия и национальности. В постановлении православного миссионерского съезда 1897 года говорилось: *«Жидовствующие считают себя не подданными Русского Царя, а пленниками России и ежедневно молятся о скорейшем избавлении их от русского ига и водворении в земле обетованной... Жидовствующие коренным образом отторглись от своих православных собратий, совершенно утрачивая исконные черты русской народности и самобытности, перевоспитываясь до полного сходства с евреями, от которых они усвоили не только внешние формы жизни, но и внутренние вредные в общественном отношении качества семитической расы»*¹.

Секта проводила свои встречи в глубокой тайне, *«стараясь во избежание преследований держаться как можно более замкнуто, не порывать открыто с Православием и не вести пропаганды, которая обратила бы на них внимание власти... На официальных допросах сектанты убежденно показывали, что «их вера ведется издревле» и что родоначальниками ее был Схария и его последователи»*.

География распространения жидовствующих, кроме западнорусских губерний, охватывала несколько центральных — Воронежскую, Орловскую, Саратовскую и Тульскую. В Центральной России, судя по

¹ Цит. по: Селянинов А. Указ. соч. С. 97.

географии ереси, она развивалась в тех местах, где чаще всего появлялись еврейские купцы.

Жидовствующие полностью отрицали православные догматы и праздники, считали Новый Завет ниже Ветхого Завета.

Суть их еретического учения была такова:

- ожидать мессию не как Бога, но как великого пророка;

- ожидание мессии имеет чувственный характер;

- мессия, когда придет, уничтожит врагов Израиля (то есть и русских православных людей);

- в пророчестве: «Се дева во чреве зачнет...» — под именем девы разумеют вообще Израиль: «Слыша дщи Сиона»;

- вера в существование десяти колен за Евфратом, с которыми соединятся субботники при кончине мира;

- ожидание совершенного чувственного покоя по истечении седьмой тысячи лет от сотворения мира;

- Иисус Христос — простой человек, но умный;

- учение Апостолов не одинаково с учением Иисуса Христа, а ниже его.

Обрядово-ритуальная сторона ереси жидовствующих сводилась к следующему:

- они признавали субботу, вследствие чего получили от православных имя субботников;

- праздновали дни ветхозаветных пророков;

- как иудеи, совершали обрезание. Обрезание детей мужского пола совершалось в 8-й день по рождении. Взрослые, переходя в секту жидовствующих из Православия, обрезались, а также меняли свои имена на еврейские. Совершал обрезание, по-видимому, один определенный сектант. Так, в село Гвозда Пав-

ловского уезда приезжал для совершения обрезания из села Озерки Бобровского уезда крестьянин Ефим Бочаренков, «слывущий за раввина и исполняющий все обряды иудейской религии»;

— «пасху» праздновали по еврейскому календарю. Так, в 1875 году жидовствующие праздновали «пасху» 8 апреля вместе с евреями, тогда как у православных это был вторник Страстной недели. Перед этим праздником жидовствующие целую неделю постились, вкушая только опресноки;

— не потребляли в пищу свиного мяса и сала и не держали у себя свиней.

По субботам, в «пасху» и другие праздничные дни жидовствующие совершали моления. Православные праздники они демонстративно не признавали.

Секта жидовствующих действовала в глубокой тайне. Однако в начале царствования Александра I она как бы вышла из подполья и стала вести активную пропаганду своей ереси. Такая открытая активность еретиков была связана с разгулом масонства в этот период, когда поощрялись все антиправославные движения.

В 1814 году преосвященный Досифей, бывший епископ Орловский, донес Святейшему Синоду, что *«жительствоющие в городе Ельце два брата, купцы Борис и Иван Яковлевы с семействами своими да зять их Иосиф Иванов, отступивши от Христианской веры, исповедуют иудейскую: обрезаются, субботаствуют, гнушаясь всеми Христианскими Таинствами и обрядами, и хулят Святые иконы. В такое отступление от веры вовлекли они и живущего у них в работниках крестьянина Ивана Жигулина, который также, удалясь от христианского закона, принял обрезание. Он, преосвященный, сообщил о том*

орловскому гражданскому губернатору для изыскания при депутате с духовной стороны и поступления с виновными по законам. По важности этого случая Святейший Синод предоставил бывшему тогда синодальному обер-прокурору отнести к г. управляющему министерством полиции для принятия надлежащих мер к пресечению пагубного сего заблуждения».

О секте жидовствующих в Тульской губернии преосвященный Авраам, бывший епископ Тульский, в 1819 году доносил Святейшему Синоду, что «в Каширской округе, в пяти селениях, открылись держащиеся жидовства, разных помещиков крестьяне и каширские купцы Михайлов и Краснов с их семействами — всего около 150 человек. Из произведенного по этому предмету Тульской консисторией при депутате с светской стороны следствия открылось: содержание веры их состоит в том, что они ожидают единого спасения в Моисеевом законе, не ходят в православную церковь, не изображают на себе крестного знамения, не принимают церковных таинств и Пасху совершают по еврейскому закону 15 марта; что веру сию содержат они по объявлению старших в семействах их издревле, но до 1811 года скрывали себя во избежание нарекания от христиан, а с того года явно себя открыли в сем исповедании своем и что единственный путеводитель и наставник их есть села Люблина крестьянин Иван Оскин, а по нем сельца Верхнего Режкина крестьянин Николай Демидов и купец Краснов, из коих Оскин восхитил должность иудейского раввина, погребает тела умерших даже неизвестной смертью на заведенном им самовольно кладбище, совершает браки и отправля-

ет другие обряды, а в отсутствие его занимаются сим дети его».

В Саратовской губернии жидовствующие скрывались под обличем молокан. Из донесения в Святейший Синод пензенского епископа следовало, что *«живущие в Балашевском уезде, в селе Инясее, молокане исполняют в субботние дни, по обычаю евреев, мнимое богослужение с бесчинным криком поющих, и как строение, в коем бывают их сборища, состоит от алтаря тамошней церкви в 39 саженьях, то сим криком своим они мешают церковному богослужению и расстраивают предстоящих».*

Секта жидовствующих была связана с иудейскими общинами и синагогами, от которых ее руководители получали книги и наставления в иудейской вере и календаре, обучались технике обрезания.

Развитие секты жидовствующих, несмотря на ее малочисленность, представляло угрозу духовной жизни русского народа. Борьбе с ней при Александре I препятствовали масоны, захватившие тогда многие посты в государственном управлении в центре и на местах. Однако, по мере того как Александр I постепенно освобождался от своего масонского окружения, а в 1822 году запретил все тайные общества, секта жидовствующих свертывает свою активность и вновь уходит в подполье.

Вопрос о ереси жидовствующих рассматривался на заседаниях Комитета министров Российской империи, а затем обсуждался в Святейшем Синоде, который 29 июля 1825 года издал особый Указ — «О мерах к отвращению распространения жидовской секты под названием субботников».

Текст этого Указа заслуживает особого внимания:

«Святейший Правительствующий Синод слушали: во-первых, два предложения Синодального г. Обер-Прокурора. Первое с приложениями следующего содержания. По соображению мер, изложенных в определении Святейшего Синода от 4 августа 1819 г. против секты иудействующих, возникшей в Воронежской губернии, бывший Министр Духовных Дел и Народного Просвещения присовокупил к некоторым из оных свои мнения, препроводил составленную о всем том полную записку для дальнейшего движения к г. управляющему Министерством Внутренних Дел, который, собрав по сему же предмету дополнительные из бумаг Министерства Внутренних Дел сведения, вошел о том с представлением в Комитет Гг. Министров. Ныне, по воспоследовании разрешения Комитета и Высочайшего Его Императорского Величества соизволения о вышеписанных мерах, Г. Управляющий Министерством Внутренних Дел препроводил к нему, Г. Обер-Прокурору, список с Высочайше подтвержденного положения об оных, для зависящих со стороны Святейшего Синода распоряжений. Из сих предложений в списке с положением Комитета Гг. Министров значится, что по случаю внесенных от Министерства Внутренних Дел разных представлений в Комитет Гг. Министров о размножающейся в разных губерниях секте иудействующих под именем субботников Комитет рассуждал, что, встречая неоднократно по делам примеры подобного уклонения от веры Христианской в закон еврейский и находя, что столь явное отступление от закона отечественного не должно быть вовсе терпимо Правительством, обязанным охранять господствующую веру и соблюдать членов ее от обольщений, пагубных как для них самих, так и для общества, считается необходимым постановить преграду злу сему и принять против оногo

надежные меры; и вследствие того журнал 6 апреля 1820 года положил представить Его Императорскому Величеству, не благоугодно ли будет по возможности сего предмета поручить кому-либо в особенности заняться оным, с тем чтобы по соображении настоящих обстоятельств с государственными постановлениями изысканы были средства и составлены правила к отвращению и искоренению зла сего. Государь Император, утвердив положение Комитета, Высочайше повелеть соизволил, чтобы относительно сего вредного раскола и средств, кои употреблены быть могут к преграждению дальнейшего распространения оного, собраны были нужные сведения и представлены на Высочайшее усмотрение. Между тем по вступившим от субботников Воронежской губернии жалобам на притеснения местных начальств Его Императорское Величество Высочайше повелеть изволил Г. Министру Духовных Дел и Народного Просвещения произвести надлежащие с духовной стороны по сему предмету исследования. По надлежащем соображении всех до сего обстоятельств относящихся справок и наставлений с заключениями, сообщенными князем Голицыным, и предложениями духовного начальства граф Кочубей 23 февраля 1823 года представил в Комитет Министров подробную записку с изъяснением следующего мнения:

...Относительно к обязанности гражданского начальства. 1) Предписать губернским начальствам без всякого участия духовной власти и в виде обыкновенного полицейского распоряжения взять в тех селениях, где секта сия находится, начальников оной и их помощников и отослать немедленно для определения в военную службу годных к оной, а неспособных к военной службе — на поселение в Сибирь. Таким же обра-

зом поступать впоследствии с теми, которые окажутся начальниками и распространителями секты. 2) Начальствам сибирских губерний предписать, чтобы люди сии размещены были в отдаленные места и сколь можно отдельно и чтоб земская полиция строгое имела наблюдение, дабы они никого не вовлекали в свое заблуждение. 3) За обращенных таким образом в военную службу или на поселение крестьян, помещикам принадлежащих, выдавать помещикам рекрутские квитанции. 4) Если бы при отправлении людей сих на поселение в сибирские губернии жены и дети их не пожелали следовать с ними, то к тому их не принуждать и оставлять их на прежнем жительстве. 5) Меры, в первом пункте изъясненной, не распространять на субботников Кавказской губернии, в Александровском уезде находящихся, понеже существование их распоряжениями самого Правительства некоторым образом утверждено; но вся строгость правил сих приложится к ним: а) если откроется покушение к вовлечению других в заблуждение сей секты и б) если будут изъясняемы наружные оказательства секты или соблазна, от нее происходящего. В сих случаях поступать с начальниками субботников, в Александровском уезде жительствующих, на точном основании вышеприведенных правил. 6) Начальниками секты почитать тех, кто совершает какие-либо обряды, или занимает первое место в богослужении, или дает наставление в правилах иудейских. 7) Из уездов, в коих находится секта субботников или иудейская, и соседственных им уездов выслать всех евреев без исключения, где бы они ни находились, и впредь ни под каким предлогом пребывания там им не дозволять. С являющимися же вопреки запрещению сему поступать как с беспаспортными, подвергая лиц, кои дадут им пристанище, взысканиям, по параграфам

35 и 39 Положения 1804 года определенным. 8) Постановить в обязанность местных начальств затруднять, сколько возможно, сообщение правоверных с иудействующими и для того не выдавать паспортов никому из принадлежащих к секте сей для отлучки в другие места. 9) Запретить всякое наружное оказательство секты иудейской и всякое действие, явным соблазнам повод дать могущее, возложя строгое за сим наблюдение на ведомство гражданское, без участия духовной власти. 10) Под наружным оказательством секты разумеются: собрания из разных домов в один для молитвы, обрезание, венчание, погребение и прочие обряды, не имеющие сходства с христианскими; под соблазнами разумеются: всякое действие при христианине, противное его вере, и в особенности хула и насмешки над правилами Церкви и над теми, кто следует оным. 11) Постановить непременно правилом, чтобы отступники сии не были избираемы ни к каким общественным должностям на основании утвержденных о раскольниках правил. 12) Поставить в обязанность губернским начальствам иметь верные сведения о числе иудейскому заблуждению предавшихся крестьян, о прибыли их или об уменьшении числа оных посредством возвращения к Православной Церкви; но сведения сии собирать со всею возможною скромностью и без явных распоряжений, дабы не дать повода к каким-либо неудобствам, как-то: или оглашению большого числа сих русских евреев, доселе, вероятно, скрывающихся, или распространения толку, как сие уже случилось при розысканиях о числе раскольников. 13) Как ничто не может иметь большого влияния над простым народом, как презрение или посмеяние над заблуждениями, в кои совращать его ищут, и что именно средство сие употребляют как раскольники разных сект, так и субботники в отно-

шении православной веры, то в сношениях местных начальств именовать субботников жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть жидаы, ибо настоящее их наименование субботников, или придерживающихся Моисееву закону, не дает народу точного о секте сей понятия и не производит в нем того к ней отвращения, какое может производимо быть убеждением, что обращать стараются их в жидовство»¹.

Полвека после этого Указа о секте жидовствующий почти ничего не было слышно. Однако во время либеральных реформ Александра II жидовствующие снова выходят из подполья. Происходит это опять в Воронежской губернии. Очевидцы рассказывают, что жидовствующие нанимают иудейских наставников (меламедов) для обучения еврейскому языку по Библии. Православный исследователь, встречавшийся с этими еретиками, рассказывал: *«Само название секты в устах последователей ее показывает, что она имеет, в сущности, жидовский характер. Сектанты (сектанты. — О. П.) называют себя последователями Моисеева закона или библейского Моисеева исповедания, а веру свою — жидовскою, чаще же всего — Моисеевою. Такое название они дают себе потому, что «держатся закона лучезарного пророка Божия Моисея». Поэтому они отвергают все новозаветное учение, именно: отвергают Божество Иисуса Христа, Его Пречистую Матерь и всех Святых угодников Нового Завета; не почитают святых икон, которые они по отречении от Православия повиносили из своих домов и пораздавали соседям; не носят на шее крестов и вообще не знаменуют себя крест-*

¹ Цит. по: Лютостанский И. Указ. соч. Т. 1. С. 283 — 285.

ным знаменем. «Лучше мы согласимся отрубить себе руки, — говорят они, — нежели осеним себя крестным знаменем». В праздники, установленные Православною Церковью, работают; не соблюдают постов Православной Церкви, даже преимущественно в это время и как бы с предумышленным намерением употребляют мясную пищу, довольствуясь в другое время сухоядением»¹.

Таким образом, жидовствующие конца XIX века ничем не отличались от жидовствующих его начала. Распространение иудействующих еретиков в Центральной России осуществлялось пропорционально наплыву туда евреев, усилившись с 70-х годов.

¹ Воронежские епархиальные ведомости, 1877. № 9.

ГЛАВА Б

Еврейские погромы начала XX века как сионистская провокация. — «Отряды самообороны» для убийств русских людей. — Еврейские беспорядки в Кишиневе, Гомеле и Пинске. — Погромы в других странах

Возникновение проблемы так называемых еврейских погромов напрямую связано с появлением на политической арене антихристианского движения — сионизма, ставшего прямым продолжением антихристианской деятельности Всемирного еврейского союза. Попытка сионистов организовать евреев для переселения в Палестину, несмотря на финансовую поддержку Ротшильдов и других еврейских богачей, провалилась. Евреи, за редким исключением, не хотели покидать насиженные места в обмен на мифическую «землю обетованную». Владыкам же иудейского мира требовалось оживить этот миф, чтобы заставить работать талмудические представления о еврейской «исключительности» и «избранном народе», который должен повелевать миром. Собственно еврейский народ иудейских владык мало волновал. Оживление

идей еврейской «исключительности» и «избранничества» было нужно им, чтобы использовать евреев как своего рода армию (или пушечное мясо) для достижения своих целей. Оживляя у евреев расистские представления Талмуда, иудейские владыки в который раз создавали из них неформальную организацию для подрывной деятельности против всего остального человечества, и прежде всего против Христианства.

Сионистская печать того времени полна оскорблений в адрес христиан, православных русских людей.

Сионистская газета «Рассвет» прямо заявляет, что иудеи презирают христиан. Когда еврей унижается перед христианином, он делает это не потому, что считает христианина выше себя, а потому, что презирает его. *«Еврей прошлых поколений, — с полной откровенностью заявлено в газете «Рассвет», — унижался перед турицом, внутренне считая его настолько ниже себя, что заискивание перед ним не может унизить настоящего человека. Он всегда считал турица человеком низшей породы, с капризами которого он считался так же, как с норовом капризного коня, а себя он считал членом избранного народа. Гордость, честь, общественные принципы и т. п. имеют свои пределы в лице того общества, той группы, которую человек признает равной себе. Оскорбление холопа не бесчестило рыцаря, и он с ним на дуэли не дрался; стыдливая римская матрона раздевалась в присутствии невольника. События последних годов не способствовали увеличению в сердце еврея чувства уважения к русскому обществу. Они нам показали, насколько мы (евреи. — О. П.) нравственно и культурно выше тех, которые рас-*

поражаются нашей судьбою. Они нам показали, что, несмотря на литературу, университеты и прочие атрибуты европейской культуры, русское общество глубоко некультурно, лишено воли и общественного инстинкта. Еврейский юноша вырабатывает в себе помимо своей воли определенное отношение к тому обществу, с которым приходится сталкиваться. Он даже не испытывает ненависти к своим притеснителям. Он привыкает смотреть на них как на одушевленные предметы, в отношениях с которыми вовсе не применимы правила, выработанные человеческим общежитием. Для того чтобы судить о принципности и нравственной устойчивости англичанина, нужно его видеть в Лондоне или Манчестере, а не судить о нем по его отношению к туземцу Индии или египетскому феллаху. Тот молодой человек, который подкупает русского чиновника и способствует порче государственной машины, потому что он на своей шкуре научился не уважать русских законов, у себя дома весьма дисциплинирован и подчиняется правилам того общества, к которому он принадлежит».

Относясь к православным русским людям как к неграм или американским индейцам, иудеи считали себя вправе поступать с ними как с дикарями, «людьми второго сорта». Конечно, такой изуверский и по-настоящему дикий, первобытный образ мыслей иудеев не мог снискать к ним любви ни в России, ни в других государствах мира.

Чтобы подвигнуть евреев на переселение в Палестину, требовался внешний фактор, провокация, которая бы сдвинула их с места.

Таким внешним фактором стали еврейские погромы, специально спровоцированные сионистски-

ми организациями для того, чтобы запугать евреев и заставить их переселиться в Палестину.

Совсем иной характер конфликты русских людей с иудеями приобрели в начале XX века. Вместо стихийных столкновений на экономической и религиозной почве в ряде крупных городов России (Кишиневе, Гомеле, Ченстохове) возникают конфликты чисто политические, хорошо организованные еврейской стороной. Сионистские организаторы подталкивают евреев на *«крайне враждебные и вызывающие отношения к христианам»*. Например, в Гомеле сионисты и связанные с ними бундовцы организовали «отряды самообороны» якобы против погромов, а на самом деле для убийств русских людей. Вооруженные револьверами еврейские громилы, насчитывавшие около 200 человек¹, занимались провокациями против христиан, что показали события в Гомеле осенью 1903 года. Как отмечал свидетель этих событий, русский общественный деятель П. Крушеван, *«ожесточение евреев (управляемых сионистами. — О. П.) против русских до того велико, что еврейская масса, не отдавая себе отчета, не задумываясь над всем, чем рискует, дает волю чувству стихийной ненависти, накопившейся веками»*².

Еврейские беспорядки, отмечал Крушеван, являлись *«не обычным нарушением государственного порядка, а прямо-таки войной против русского народа. Последнее особенно ярко подтверждается и тем, что среди иудеев началось всеобщее вооружение...»*

¹ Pogroms: anti-jewish violence in modern Russian history. Cambridge University Press, 1992. P. 208.

² Знамя, 10 сентября 1903.

О том, что такое положение представляет опасность в государственном отношении, что оно ни в каком случае терпимо быть не может, распространяться нечего, особенно если принять во внимание, что Ченстохов, Кишинев или Гомель не исключение, что есть сотни и таких же, и более крупных городов в черте еврейской оседлости, где обезумевшие евреи или пытались вызвать, или собираются вызвать государственный беспорядок...

И потому раз имеются все данные, подтверждающие, что эти столкновения не случайны, что, кроме того, евреи систематически вооружаются, что движение их является организованным восстанием и против правительства, и против России, к ним, пока они именуются русскими подданными, надо относиться не только как к политическим преступникам, но и как к изменникам, применяя закон по военному времени»¹.

Приведу несколько газетных сообщений за сентябрь 1903 года:

«Последние три года еврейские агитаторы излюбили Бессарабию, и в особенности Кишинев, и своими подпольными прокламациями усиленно подготовляли трудящийся мирный, отчасти ленивый народ к неповиновению властям, к забастовкам — одним словом, к дебошу и убийству. Еврейские вожаки рассчитывали, что на Пасху должно было произойти то, чего они желали. Когда же дело дошло до осуществления, евреи увидели, что простой народ понял, куда они его ведут. На первый день Пасхи православную женщину с ребенком на руках еврей столкнул с качели, женщина и ребе-

¹ Знамя, 10 сентября 1903.

нок упали и закричали. И вот люди, подготовленные евреями, тогда же немного проучили нахала еврея. Мальчишки начали бить стекла в еврейских домах, а «интеллигентные», именующие себя «социал-демократами» жидки стали бить стекла в домах христианских, надеясь вызвать общий разгром и общую смуту. Заметив, однако, что христиане не идут за ними и не разбивают стекла в домах христианских и даже стали из-за этого драться с евреями, последние трусили и попрятались в свои дома, а в окнах выставили откуда-то добытые иконы. Тем бы дело и кончилось, если бы евреи за ночь не надумали «проучить изменников» и «наказать» их. На второй день Пасхи с раннего утра все евреи высыпали на улицы и площади города, предварительно вооружившись револьверами, кольями, ломami, ножами и серной кислотой, и стали массами нападать на небольшие группы христиан, шедших к ранней обедне.

Это и было началом, послужившим толчком для трагедии. Евреи стреляли в русских, евреи били кольями по чему попало, наносили раны ножами и обливали лица серной кислотой — и все это проделывали над мирными и невооруженными обывателями Кишинева. Около Георгиевской церкви они до полусмерти побили старика Берегова, на Винной площади поймали подростка, и если бы не городской и сторож, укрывший его в сторожку, то мальчугана убили бы. Там же евреи пробили рамы и двери в магазинах Плешанова, Гриценко и других христианских лавках и домах. Так продолжалось буйство евреев по всему городу. Если бы не полиция и войска, вовремя поспевшие, то евреи убили бы сотни христиан и тысячи искалечили бы. Но все же результат еврейских нападений не обошелся без человеческих жертв. Были убиты 2 христианина и свыше ста ранены. К 2 часам дня в земской больнице было 2 трупа

и 59 тяжело раненных христиан и ни одного еврея, а 2 трупа христиан доставлены прямо на кладбище, один с распоротым животом и выброшенными внутренностями. Многие менее тяжело раненные христиане поразбежались по своим домам и рассказали о зверствах евреев. Молва как молния облетела город. Народ заволновался, и только тогда началась расправа с евреями за убитых и искалеченных христиан. В каких-нибудь 2 — 3 часа озлобленные люди убили 38 евреев и разгромили по всему городу сотни лавочек и жилищ. Били и ломали все, что попадалось под руку. Громилы шли партиями в 5 — 6 человек во всех частях города, так что полиции и войскам не было ни возможности, ни времени прекратить беспорядки, тем более что все произошло стихийно, неожиданно. Сдержатъ людей, рассыпавшихся группами по всему городу, было невозможно. Слава Богу, что войска не стреляли, да и стрелять было не в кого. Громилы работали по всему городу небольшими группами, но зато вся та улица, где происходил «погром», буквально была запружена людьми, стоявшими сплошной стеной, не двигаясь с места. Евреи разбежались: многие бежали и уезжали за город. К вечеру все стихло; полиция и войска за это время успели наполнить все участки, тюрьму и казарму одними христианами. Ни один еврей не был арестован даже за убийство. Из христиан никто не сопротивлялся, все послушно шли в тюрьму и в участки; на их лицах отражались покорность и недоумение» («Знамя»).

«По полученным дополнительно сведениям, во время прекращения беспорядков в городе Гомеле 1-го сего сентября местные жители евреи, вооруженные ножами, кинжалами, кистенями и револьверами, оказывали сопротивление не допускавшим их до свалки с христианами войскам, причем стреляли в нижних чинов из

домов и из-за заборов. Фельдфебель 6-й роты Абхазского пехотного полка ранен ножом в шею евреем в то время, когда хотел задержать стрелявшую в него в упор еврейку, успевшую скрыться. Всего во время свалки, а равно при подавлении беспорядков войсками убито 4 христианина и 4 еврея, ранено 7 христиан и 8 евреев, из коих один умер. По настоящее время число приведенных в известность разгромленных домов и лавок достигает 200. Арестовано 68 лиц, принимавших участие в буйстве. Случаев грабежа имущества не было. Спокойствие в городе охраняется войсками. По отзывам войсковых начальников и лиц судебного ведомства, действия полиции при подавлении беспорядков представлялись безупречными и только благодаря распорядительности полицеймейстера беспорядки ограничились сравнительно незначительным районом и не распространились на весь город. Причина беспорядков, по общему убеждению благонамеренной части населения, — крайне враждебное и вызывающее отношение к христианам со стороны местных евреев» (*Правительственный вестник*).

«29 августа по случаю праздника торговля началась поздно; приехавших крестьян было порядочно; около 5 час. дня на базаре крестьянин-лесник из имения кн. Паскевича покупал селедки; купив две штуки, расплатился и начал пересматривать остальные в бочке селедки, желая еще купить; еврейка, продававшая селедки, сказала ему: «Что ты там смотришь, ведь не купишь!» — на что лесник отвечал: «Захочу, так и все куплю» — и, сторговавшись с еврейкой за селедки и заплативши деньги, хотел забрать бочонок; присутствовавшие здесь же евреи нашли, что селедки проданы дешево, и начали отнимать у него бочонок, а еврейка плюнула

ему в лицо; лесник дал ей пощечину, муж торговли ударил лесника, а лесник ответил ударом. Находившийся поблизости городской хотел арестовать лесника и еврея и доставить в участок для составления протокола, чему евреи воспротивились и стали бить лесника, другие же евреи тоже приняли в этом деятельное участие; видевшие все это русские заступились за лесника, и началась драка; вслед за сим евреи заперли лавки и, вооружившись чем попало — палками, камнями, разным железным материалом, как-то: болтами, ломami, гириями, кистенями, — начали избивать русских, начался форменный погром русских евреями. Озверевшая толпа евреев избивала всех русских, кто только попадался на глаза; стоявших на площади крестьян с возами евреи начали бить так, что те, бросая свои покупки и прочие вещи, уезжали домой, спасая свою жизнь; при этом один из мастеровых, посланный хозяином на базар, получил удар кинжалом в шею около позвоночного столба, и когда его доставили в больницу, то он немедленно умер. Много было тяжело и легко раненных, но из них только 7 человек были в больнице на перевязке и тотчас же уехали домой, и еще больше, не обращаясь в больницу за помощью, поехали назад по домам, лишь бы спасти свою жизнь. Все это началось в 5 час. вечера; через полчаса все евреи заперли свои лавки. Когда полицеймейстер прибыл на место свалки с городскими, то евреи носились по улицам ураганом группами по 50 и более человек с камнями и оружием, а также бомбардировали и пожарную команду, куда скрылись русские. Разогнав толпу евреев с базара, помощник пристава опять возвратился на базар, где они опять начали собираться, полицеймейстер же с другими чинами полиции находились на прилегающих вблизи улицах, так как они все

более и более собирались, многие из еврейских купцов и приказчиков подстрекали толпу на побоище, что «это не Кишинев и они покажут, что это такое». Около базара же опять собралась толпа человек в 300 или более, вооружавшаяся, и начала наступать на помощника пристава и городских, осыпая их камнями, а также и из дворов домов; при этом ими даже были произведены выстрелы из револьверов в полицейских чинов, после чего городские стреляли вверх, на воздух, вследствие чего толпа отступила; наконец, вызваны были солдаты, и все успокоилось. Бросавшие камнями из дворов были арестованы. Суббота, т. е. 30 августа, прошла тихо. Жиды ходили с самодовольными физиономиями, ироническими улыбками и говорили, что «это не Кишинев, их здесь больше, они все вооружены и они покажут себя».

В воскресенье после 12 час. дня распространился слух, что на окраинах собираются рабочие с целью устроить погром. Евреи начали ходатайствовать о назначении патрулей и об усилении наблюдений со стороны полиции за их безопасностью. Меры все были приняты, но после 12 час. дня в понедельник, то есть 31 августа, когда было время обеда для рабочих мастерских Либаво-Роменской и Полесских ж. д., евреи где-то на окраине побили русских; узнав об этом, рабочие там же, то есть на окраине, разгромили несколько домов, после чего евреи, узнав об этом, стали туда стекаться, вооружаясь чем попало, и по дороге чуть не разбили оружейный магазин — еврейский же, требуя выдачи оружия и патронов, но были вовремя задержаны полицией. Все евреи были чем-нибудь вооружены, так что арестовывать их пришлось с помощью солдат.

После этого с 6 час. вечера начался разгром на ок-

раинах, так как солдаты были сосредоточены в центре города. Разгромлено 140 еврейских домов, не считая имущества. На базаре разбито несколько небольших лавчонок да сараев с арбузами, а также ночью на пристани лавки и заезжий дом. У задерживаемых евреев находили у каждого какое-нибудь оружие до револьверов включительно. Во вторник они уезжали целыми семьями; 3 сентября приехал в Гомель губернатор» (*«Варшавский дневник»*).

Газета «Восход» приводит речь могилевского губернатора перед евреями:

«Я приехал исключительно ради вас. Мне очень жаль несчастных жертв — невинных, так как пострадали именно невинные и бедные. Откуда могло произойти такое озлобление одной группы населения против другой, исповедующей другую религию? В России веротерпимость полная. Это лучше всех знают сами евреи, исповедующие иудейскую веру. Причины этих последних событий надо искать глубже. Я знаю Могилевскую губернию 25 лет. Тогда евреи были благонадежны, не участвовали ни в каких политических движениях, и тогда не было помину о погромах. Погромы, бывшие в 80-х годах, совсем другого характера; они явились результатом еврейского гнета, под которым находилось христианское население; но теперь совсем другое. Теперь евреи стали руководителями, зачинщиками во всех антиправительственных движениях. Весь этот Бунд и социал-демократия — все евреи. Правда, находятся между ними и лица других исповеданий, но они являются как подстрекаемые, подстрекателями же являются евреи. В гимназии евреи развращают молодежь, в университете сходка — евреи. Вообще евреи теперь

нахальны, непокорны, потеряли всякое уважение к власти. Посмотрите, господа, нижний полицейский чин не имеет теперь никакого значения, его не признают. Всегда и всюду евреи выражают полное неуважение, нетерпимость к христианам. Да вот вам: на днях на улице на мою жену наскочил велосипедист. Кто? Еврей. Гимназист на улице идет мне навстречу с папироской в зубах и не кланяется. Кто такой? Опять еврей. Гимназистка, раздеваясь, задела рукавом мою жену и на вопрос жены, почему не извиняется, отвечает: «Я не заметила». Опять-таки кто? Еврейка. Вот, господа, где причины. Вы сами виноваты во всем случившемся. Правительство беспристрастно, и я беспристрастен. И, оставаясь беспристрастным, я вам должен сказать: вы сами виноваты, вы не воспитываете своих детей как следует, вы не умеете влиять на них... И вот плоды вашего поведения. Вы пропагандируете среди нецивилизованного населения непокорность, борьбу с правительством, но масса русская этого не хочет и обращается против вас самих. Вот до чего вы довели. Помилуйте, когда это слыхано было, чтобы евреи вооружались, стреляли в войска, которые вас же защищали? Ведь этак не нам вас, а нам от вас приходится защищаться. Мне жаль, душевно жаль пострадавших невинных жертв. Но, господа, вы сами виноваты, и вы несете на себе нравственную ответственность перед вашими единоверцами за все происшедшее».

«Беспорядки, как известно, возникли из-за мелкой ссоры еврейки-торговки с лесником. Этот пустой повод вызвал яркое проявление еврейской сплоченности и наглости.

Лесника мгновенно окружили десяток евреев и жестоко били его; все присутствовавшие на базаре хрис-

тиане, в числе 80 — 90 чел., явились на выручку леснику, но толпа евреев возрастала сотнями, причем в ход было пущено различное оружие: кинжалы, стилеты, ножи (кошерные) и даже револьверы; свалка закончилась чрезвычайно неблагоприятно для христиан; в особенности гнусно вели себя расходившиеся с оружием в руках подростки, один из которых ни за что проколол стилетом старика нищего, торговца метелками из перьев.

Среди публики, уговаривавшей обе стороны прекратить бой, оказался помощник начальника железнодорожных мастерских, инженер К., которого в числе остальных христиан страшно избили. Ввиду того что русских на площади было ничтожное количество, победоносное для евреев побоище закончилось сравнительно быстро и подоспевшие чины полиции остановили бой.

30 и 31 августа были праздники, 1 сентября рабочие узнали о несчастье с их любимым инженером К. и решили идти в город отомстить евреям.

С 12-часовым гудком они двинулись (через либавское полотно), с первых же шагов начав разгром еврейских квартир; кричали, чтобы христиане выставляли на окнах иконы; ни насилий над евреями, ни грабежа совершенно не производили, но уничтожали различные предметы имущества, били окна, зеркала; разгром успели учинить в нескольких окраинных улицах.

Осведомленные немедленно о происходящем огромные толпы вооруженных евреев направились навстречу рабочим, решив не дать себя отнюдь в обиду; из отобранного впоследствии у евреев оружия оказалось множество новейшей конструкции револьверов (нагана), бьющих на 400 шагов, и между прочим 80 экземпляров кистеней; на эластичной спиральной пружине.

жине прикреплен свинцовый шар (несколько фунтов), другим же концом при помощи ременной петли кистень надевается на руку, и, таким образом, при действии он бьет как бы вдогонку, нанося при удаче смертельные удары; фабрика этих кистеней открыта в Гомеле же.

Евреи и тут бы одержали верх, но 31 августа по совершенно случайно измененному расписанию возвратился Абхазский пехотный полк с маневров в город; это было огромное счастье для жителей, иначе бедствие приняло бы грандиозные размеры. Евреи проявляли небывалую смелость. Появившихся на месте погрома солдат встретили камнями и стрельбою из револьверов; рассвирепели и железнодорожные рабочие, которых 6-я рота полка быстро изолировала от рвавшихся в бой евреев. Тщетно полиция и офицеры уговаривали обе стороны прекратить безобразия и расходиться. Над ухом ротного командира прожужжала пуля; с балкона ближайшего дома раздавалась пальба. Вдруг проходит говор, что убит один офицер; рабочие, озлобленные и на евреев, и на солдат, мешающих им, еще более возбужденные евреи начали сильнее натискивать на роту. Исхода не было: дали залп под ноги евреям и в другую сторону, под толпу русских. Буйствующие начали быстро рассеиваться, и в узких улицах участников начали забирать под арест. В дом, с балкона которого стреляли, был послан патруль из трех солдат и унтер-офицера; последнего встретила с револьверами в руках дама, выстрелившая дважды, но промахнувшаяся. Унтер-офицер ударил ее прикладом, но сам свалился под двумя ударами по шее каким-то режущим орудием: за дверью сбоку оказался еврей; солдаты забрали его» («Виленский вестник»).

«25 и 26 сентября особым присутствием виленской судебной палаты здесь рассмотрено было дело по обвинению 11 евреев по 271-й и 315-й ст. улож. о наказ., т. е. о сопротивлении властям и оказании препятствий к задержанию преступных лиц. Дело это еще с самого возникновения наделало много шума, и сущность его передавалась в различных вариациях. Дело разбиралось при закрытых дверях: в зал суда были допущены представители администрации и родственники обвиняемых. Защищали подсудимых: петербургские поверенные прис. пов. Переверзев и пом. пр. пов. Гинзберг, московский прис. пов. Стааль, киевские — Шишко, Шейнман и Слуцкий и минский пом. прис. пов. Ентыс.

По обвинительному акту и по известным нам данным дело заключается в следующем: в ночь на 5 апреля текущего года пристав г. Пинска произвел обыск у четырех местных евреев по подозрению их в политической неблагонадежности и, задержав их, отправил в полицейский участок. На другой день громадная толпа евреев окружила полицейский участок, где содержались арестованные приставом 4 человека, и произвела разгром. В участке тогда находилось двое городских, и толпа, нахлынув в участок, освободила арестованных лиц, причем двое успели убежать. Городовые пустились за ними в погоню, но им пришлось бороться с остервенелой еврейской толпой, забросавшей их камнями, палками и железом. Со стороны толпы по адресу городских последовали даже выстрелы. Произошла свалка, во время которой с обеих сторон последовало несколько выстрелов, причем находившаяся в толпе Шейндля Корж была ранена двумя пулями. Между тем преступники, содержащиеся в участке, скрылись. Толпа разбежалась, причем городовые никого не арестовали. Возникло следствие о разгроме полицейского участка и о воспрепятствовании полиции арестовать преступ-

ных лиц. По этому делу арестовано было 23 человека. Собрать и установить всекие улики удалось лишь по отношению к 11 лицам, которые и были преданы суду по обвинению по 271-й и 315-й ст. улож. о нак., а остальные были переданы в распоряжение жандармской власти.

После двухдневного разбирательства суд вынес следующую резолюцию: мещ. Мокшу Шермана, Сендера Кушнера и Шейндлю Корж лишить всех прав и преимуществ и заключить первых двух в исправительные арестантские отделения на 1,5 года, а последнюю — в тюрьму на один год. Арона Гухмана, Овсея Пегуна и Янкеля Гольдберга — к восьмисемянному заключению, остальные пять... оправданы» (*«Санкт-Петербургские ведомости»*).

В Кишиневе в том же сентябре 1903 года иудейские провокаторы из «отрядов самообороны», нисколько не заботясь о безопасности простых евреев, организовали нападение на русских людей и новые кровавые беспорядки. Так, один из этих громил, некто Пинхус Дашевский, пытался застрелить из револьвера русского писателя П. Крушевана. К счастью, рана оказалась неопасной, а преступник был схвачен русскими людьми и наказан по суду.

Из судебного следствия о кишиневских беспорядках 1903 года выяснилось, что в Кишиневе до возникновения погрома иудейские фанатики глумились над обычаем Вербного воскресения, камнями разбивали Святые иконы. Подобные действия имели целью подорвать в народе уважение к святости его веры, ослабить религиозное чувство. Иудеи систематически при всяком удобном случае старались поколебать авторитет духовенства, внимательно следя за жизнью священнослужителей, распространяя самую грязную кле-

вету, лишь бы унижить их в глазах народа. Яркий пример этого представляла клеветническая кампания иудеев против Святого Иоанна Кронштадтского¹.

Несмотря на страшный урок кишиневских еврейских беспорядков, громилы из сионистских «отрядов самообороны» продолжали вести себя крайне вызывающе, пытались спровоцировать новый погром.

В конце сентября 1903 года в «Бессарабских губернских ведомостях» было опубликовано постановление бессарабского губернатора, в котором раскрывались новые преступные деяния сионистов:

«1903 года, сентября 23-го дня. Рассмотрев рапорт кишиневского полицеймейстера от 23 сентября с протоколом произведенного приставом 1-го участка г. Кишинева дознания о происшедших вечером 20 сентября по Александровской улице беспорядках и. д. бессарабского губернатора, нашел: показаниями двух офицеров войск кишиневского гарнизона, лично мне данными, установлено, что 20 сентября, в 9 часов вечера, часть гулявшей в большом числе по Александровской улице публики собралась по ничтожному поводу около этих офицеров, препятствуя свободному прохождению их, и на предложение дать им дорогу отвечала криками и свистками, привлечшими посторонних лиц, результатом чего явилось скопление на улице толпы в несколько сот человек. По заявлению тех же офицеров, а также прочих свидетелей, показания которых занесены в полицейский протокол, выяснено, что главными нарушителями порядка в настоящем сборище явились арестованные полицией: купеческие сыновья Липхос Нухимов Перпер, Файлик Нухимов Перпер и мещане: Мордко

¹ Селянинов А. Указ. соч. С. 97.

Борухов Этлис, Эль Лейзеров Оницканский, Эль Мойшев-Мунашев Ваксман и Шмуль Борухов Фак, причем первые трое вели себя особенно вызывающе, подстрекая толпу криками и оказав сопротивление чинам полиции, немедленно явившимся для водворения порядка.

Признавая ввиду изложенного поименованных 6 лиц виновными в нарушении обязательных постановлений, изданных 8 мая сего года на основании 15-й и 16-й ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, и руководствуясь 15-й ст. приведенного Положения, постановил: подвергнуть аресту при кишиневском городском полицейском управлении купеческих сыновей Пинхоса Нухимова Перпера, Файлика Нухимова Перпера и кишиневского мещанина Мордко Борухова Этлиса на два месяца, а мещан Эль Лейзерова Оницканского, Эль Мойшева-Мунашева Ваксмана и Шмуля Борухова Фака на один месяц каждого».

В конце XIX — начале XX века волна еврейских погромов прошла по всему миру, захватив даже главную страну иудейско-масонской цивилизации — США.

Приведу несколько примеров, опубликованных в печати.

Марокко, 1899 год:

«Антиеврейские беспорядки в Марокко не прекращаются. После последних волнений наступило, казалось, на некоторое время спокойствие. Но из местностей Атласа приходят вести о новых возмутительных бесчинствах, произведенных войсками султана при подавлении вспыхнувших там беспорядков. Возвращаясь с усмирения, солдаты опустошали целые деревни и увозили в плен женщин, старцев и детей, закованных в

кандалы. В местности Ямяццит, где живет 20 еврейских семейств, безобразничание солдат достигло невероятных размеров. Они увели местных евреев в Маракет, где повесили их перед городскими воротами в качестве победных трофеев» (*журнал «Восход»*. 1899, 2 декабря).

АВСТРИЯ, 1900 ГОД:

«Во всей Австрии проснулся рабочий народ, доведенный евреями до крайнего бедствия. Везде погромы и протесты против евреев» (*«Австрийское обозрение»*. 1900. № 18).

США, 1902 ГОД:

«Похороны в Нью-Йорке Джскоба, главного еврейского раввина, получившего за свое красноречие прозвище «иудейского Демосфена», вызвали антисемитскую демонстрацию, сопровождавшуюся такими кровавыми схватками, каких давно уже не было в Нью-Йорке.

Когда погребальный кортеж, сопровождаемый 30 000 народа, проходил перед книгопечатной фабрикой Гоз, рабочие фабрики стали обливать кортеж водой из труб. Обиженные вторглись на фабрику, выбили стекла, поломали инструменты и затопили помещение водой. Как сообщает «Temps», ожесточенное побоище имело в результате несколько сот раненых, иных очень серьезно. Двести полицейских едва успели разнять дравшихся, арестовано около 20 человек. Нью-йоркские евреи обвиняют полицию в том, будто бы она при рассеянии участников побоища палками била с чрезвычайным ожесточением евреев, а антисемитов щадила. В госпиталях лежат более 150 тяжело раненных евреев» (*«Новое время»*. 1902.6.23).

ГЛАВА 7

Создание сионистского движения и антирусских партий. — Убийства евреями русских политических деятелей

Сионистское движение в России формируется на базе Общества по распространению просвещения между евреями России. Именно оно создает тщательно законспирированные структуры, сыгравшие большую роль в организации погромов русского населения. В 90-е годы в Москве существует кружок «Друзей Сиона» под руководством доктора Членова. На территории России — в Варшаве, Вильно, Друскининкае и некоторых других городах — проходят сионистские съезды и сходки. Так, 9 июля 1898 года в «Виленском вестнике» еврейский автор описывал сходку сионистов в одном из губернских городов: *«Не нужды меньшей братии, не ее обездоленное положение заставило мирно сойтись под одним кровом столь различные общественные элементы, а какая-то проникнутая фанатизмом идея о будущем еврействе, какое-то болезненное желание гласно засвидетельствовать свою горячую преданность иудейскому племени... Умственно и экономически бедный еврей,*

подпав влиянию сионистов, совершенно теряет под собой почву, и тогда никакие силы не способны сделать его русским гражданином».

К концу XIX века сионизм обладает самой развитой партийной организацией в России, охватывая несколько тысяч активных членов. В августе 1902 года происходит Всероссийский съезд в Минске, ставшем родиной многих антирусских организаций. Конечно, успехи сионистов в России были менее значительны, если бы не поддержка российской полиции. Как мы уже говорили, в 1900 году полковник Зубатов вместо активной борьбы с сионизмом, имевшим откровенно антирусскую направленность, начинает организационно и финансово помогать сионистам в их работе. Ряд сионистов (М. Вильбушевич, Г. Шаевич, И. Шапиро и др.) становятся платными агентами русской полиции и за ее счет и с ее поддержкой разъезжают по всей России для налаживания сионистской работы. С ведома полиции создаются сионистские кружки, издательства, разные «просветительские» группы.

При поддержке Зубатова и его сотрудников летом 1901 года создается Еврейская независимая рабочая партия (ЕНРП), ставшая своего рода школой организаторской работы среди евреев с целью «поднятия материального и культурного уровня еврейского пролетариата». Партия создана в противовес Бунду, но на самом деле стала параллельной националистической структурой и одной из форм сионизма.

В ноябре 1901 года съезд «сионистских рабочих кружков Литвы» принял резолюцию: *«признать громадное значение ЕНРП для сионизирования рабочей массы и необходимость независимых рабочих со-*

юзов для еврейских рабочих». Съезд постановил: «содействовать всякому начинанию ЕНРП»¹.

Просуществовала она до 1903 года, когда правительство осознало всю опасность сионизма и секретным циркуляром Министерства внутренних дел фактически запретило его.

Поддержка сионизма полицией сыграла большую роль в активизации этого движения и вызвала ряд серьезных конфликтов на местах. В некоторых случаях она привела к усилению эксплуататорских тенденций еврейского капитала и возникновению стычек в черте оседлости весной — летом 1903 года.

Национальные беспорядки в Кишиневе в 1903 году были результатом резкого усиления сионистской работы среди кишиневских евреев. По сути дела, сионисты спровоцировали сотни простых людей на ответные действия, приведшие к плачевным для евреев результатам. Леволиберальная и сионистская печать возложила вину за национальные беспорядки в Кишиневе на русское правительство и прежде всего министра внутренних дел Плеве. Но это была заведомая ложь. Представители антирусских кругов даже сфабриковали фальшивое письмо, в котором Плеве якобы признавался в подготовке к погрому. Однако данные свидетельствуют о том, что Плеве действовал строго по закону и сразу же уволил бессарабского губернатора Раабена, своим бездействием способствовавшего беспорядкам.

Дав своим сионистским агентам свободу действий, Зубатов выпустил джинна из бутылки, ибо акции этих агентов приобрели откровенно провокацион-

¹ Кавторин В. Указ. соч. С. 173.

ный характер, направленный на дискредитацию политической системы России. Уже упомянутый нами «Шаевич, доселе борец за освобождение еврейской нации, сделался пылким космополитом» и стал проповедовать среди христианских рабочих, конечно, притворно, стачки и забастовки и хвастался открыто, что он может их *«выиграть при помощи того или иного жандарма»*. Методы, которые использовал Шаевич при организации забастовок, включали в себя шантаж, запугивания, массовые избиения рабочих, отказывающихся поддержать забастовщиков, и даже угрозы облить серной кислотой¹. Зубатовские эксперименты в Одессе под руководством Шаевича закончились грандиозной забастовкой летом 1903 года, подорвавшей позиции правительства в этом городе и сплотившей все антирусские элементы.

Корни российского либерального движения уходят далеко на Запад, идейно оно оформилось еще в царствование Александра II, но своих организационных форм не получило. В 90-е годы идет активный процесс организации либерализма в рабочие структуры, что на деле привело к срастанию либерального движения с масонством в неразрывную связь, в которой общим было все — и идеи, и руководители. С образования Союза освобождения история российского либерализма — это история масонства. Но до Союза освобождения в России существовала еще одна организация либерального направления, провозгласившая своей целью *«борьбу за политическую свободу и конституцию»*, — партия «Народного права», организованная М.А. Натансоном и О.В. Аптекманом. В про-

¹ Кавторин В. Указ. соч. С. 175.

грамме, изданной в 1894 году, ее руководители призывали к *«объединению всех оппозиционных сил во имя уничтожения Самодержавия»*. Центрами русского либерализма стали земские учреждения, некоторые университеты и научные общества (Вольное экономическое общество в Петербурге, Юридическое общество в Москве).

В первой половине 90-х годов в больших городах России, и прежде всего в Москве и Петербурге, возникает ряд мощных политических групп, которые условно именовались «босьяками», так как они хотели опереться в своей революционной борьбе на многочисленный слой босяков, а также «разночинцев», понимая под этим словом мелкую служащую интеллигенцию¹. Это движение было одной из основ будущего большевизма и ленинизма, но тогда оно получило название «махаявщины» по фамилии польского социалиста Махаявского, написавшего книгу «Умственный рабочий». Махаявского и Ленина объединяло главное — стремление опираться на деклассированный элемент. Но то, что Ленин держал в заднем уме и не особенно афишировал, Махаявский провозгласил как программу действий. Классовый идеал пролетариата согласно этой программе *«не социализм, а эгалитаризм — уравнение доходов, имущественное равенство, экспроприация всего привилегированного общества, не исключая и интеллигенции с ее знаниями»*. Самым здоровым элементом рабочего движения, по мнению Махаявского и его последователей, являются воинствующий хулиган, босьяк, люмпен, вно-

¹ См., например, Мицкевич С. На заре рабочего движения в Москве. М., 1919.

сящий в рабочую среду живую, отрезвляющую струю *«здорового пролетарского смысла»*. Будущие преобразования принадлежат босяку и зависят *«только от одной его «наглой» требовательности, от одной его «хамской» ненасытности»*. К чести для Махаевского следует отметить, что он позднее отрекся от своего учения, тогда как Ленин сделал все для претворения его в жизнь.

В конце XIX века западный край России становится рассадником самых крайних форм революционной бесовщины. Кроме уже рассмотренного нами сионизма, здесь расцвел целый ряд организаций социал-демократического толка, среди которых в начале особое значение имела еврейская социал-демократическая организация — Бунд.

Хотя внешняя оболочка этой партии носила социал-демократический характер, ее настоящее ядро было чисто националистическим. Построение социалистического рая планировалось только для евреев. Организация была сильно законспирирована, выпускала целый ряд нелегальных изданий, имела четыре типографии, в том числе в Минске, Бобруйске и Белостоке. Многие кадры Бунда позднее составили часть сионистского движения, активно подпитываемого еврейским капиталом как в России, так и за рубежом. Как отмечал Зубатов, еврейское движение производило впечатление чего-то грандиозного, почти недоступного воздействию. Еврейские конспираторы обнаруживали беспримерную озлобленность, недоверчивость и упрямство¹.

В 1896 году в петербургских социалистических

¹ Кавторин В. Указ. соч. С.137.

кружках обсуждается брошюра Ю. Мартова (Цедербаума) «Об агитации». Это была работа, предлагавшая перевернуть Россию, опираясь на опыт еврейской националистической организации Бунд. Самодержавие и государственный строй России рассматривались в ней с непримиримой позиции как враги, которых нужно уничтожать во что бы то ни стало. Идеи брошюры горячо поддерживаются молодым Лениным, который ставит задачу перевести борьбу против исторической России на массовую базу.

Опираясь на опыт работы Бунда и при его организационной поддержке, в 1896 году в Минске был проведен съезд, на котором учреждена Российская социал-демократическая рабочая партия. На съезде присутствовали только 9 человек (самого Ленина не было, он сидел в ссылке) от ряда кружков Союза борьбы за освобождение рабочего класса, группы «Рабочей газеты» и, конечно, самого Бунда. Хотя партия и провозгласила себя рабочей, рабочих на съезде не было. Фактически съезд организован и проведен киевской группой «Рабочей газеты», руководимой Б.Л. Эйдельманом. 9 человек (из которых только двое были не евреи) взяли на себя смелость объявить о слиянии всех социал-демократических групп и кружков России в единую партию, под руководством центрального комитета. В руководстве съезд провозгласил принцип централизма, но вместе с тем специально оговорил особые права некоторых местных комитетов и прежде всего Бунда, игравшего на съезде ключевую роль. Главной задачей новой партии была объявлена борьба против законной русской власти и построение *«светлого будущего — социализма»*.

Сразу же после съезда руководители новой партии попали в тюрьму, и по сути дела никакой партии как единого целого не существовало. Как и прежде, работал ряд социал-демократических кружков, финансируемых из-за границы. Как серьезная сила РСДРП была создана Лениным, который после ссылки взялся за нее и фактически ее возглавил. С 1901 года он начинает выпускать газету «Искра», которая резко подняла его авторитет в социал-демократических кругах. Ленин сумел потеснить старых лидеров социал-демократии Г.В. Плеханова, В. Засулич и др. и с 1903 года взял под свой контроль большую часть социал-демократического движения в России, известную в истории как большевизм.

Большевистская партия с самого начала строилась по рецептам еврейских сект как антинародная заговорщическая организация. На II съезде РСДРП в 1903 году Посадовский (Мандельберг) прямо заявил, что *«все демократические принципы должны быть исключительно подчинены выгодам нашей партии», включая «и неприкосновенность личности»*¹.

С 1903 года Ленин резко расширяет «социальную базу» своей партии за счет полуинтеллигентских слоев, лишенных национального сознания. Много было в ней недоучившихся студентов и гимназистов. Но особое расположение партия Ленина имела к люмпен-пролетарским и босяцким слоям населения. Опора на босяка, уголовный элемент неоднократно признается в трудах Ленина. Привлекать к большевистской партии, писал Ленин, *«мы должны всех без исключе-*

¹ II съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 181.

ния: и кустарей, и пауперов, и нищих, и прислугу, и босняков, и проституток»¹.

Большевистская партия была безусловно партией Ленина, который дал ей свой характер, сделал ее главным лозунгом неистребимую ненависть к исторической России.

Ленин (настоящая фамилия Ульянов, по матери Бланк) и по происхождению, и по психическому складу принадлежал к распространенному типу интеллигента, лишённого национального русского сознания, относящегося с раздражением или даже с ненавистью ко всему исконно русскому. Воспитанием его занималась мать, унаследовавшая от своего отца, крещёного еврея Израиля Бланка, формальное и неприязненное отношение к православной вере. Как и для многих крещёных евреев, переход И. Бланка в Православие был формой приспособленчества и стремления сделать карьеру. Дух, царивший в доме Ульяновых, породил целый ряд революционных ниспровергателей российских национальных основ. Старший брат Ленина Александр участвовал в злодейском покушении на Царя Александра III и был повешен. Сестры и младший брат будущего большевистского вождя с юношеских лет участвовали в большевистских организациях.

Безусловно, обладая большими творческими способностями и памятью, Ленин поставил их на службу антирусской идее ниспровержения государственного строя России. К началу XX века это законченный тип антирусского фанатика, готового для достижения своих целей использовать любые средства и прежде

¹ Ленин В.И. ПСС. 4-е изд. Т. 9. С. 214 — 215.

всего террор. Уже в 1901 году он вполне определенно заявляет: *«Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора»*¹. Для Ленина не существовало ничего святого, его ненависть к Православию и религии вообще имела поистине патологический характер. По его мнению, «всякая религиозная идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье с боженькой есть невыразимейшая мерзость... самая опасная мерзость, самая гнусная зараза».²

Ленин был очень недобр, злопамятен и мстителен. Как писал о нем человек, знавший его по эмиграции: *«Ленин был жестоко упрям на все случаи жизни, не переносил чужих мнений, по поводу чего они ни высказывались бы, а не в одной политике, завистливый до исступления, он не мог допустить, чтобы кто-нибудь, кроме него, остался победителем. Жестокое и злое проступало в нем — как в любом споре, так и в игре в крокет или в шахматы, когда он проигрывал. Проявить независимость, поспорить с ним о чем угодно или обыграть его в крокет — значило раз навсегда приобрести себе врага в лице Ленина»*³.

Ленин руководил партией диктаторскими методами, жестко и неуклонно проводя своих людей на все руководящие должности. В борьбе со своими политическими конкурентами даже внутри партии он расправлялся всеми возможными методами, не гнушаясь клеветы и шельмования, отказываясь от своих слов и обещаний, когда ему это было выгодно. О методах политической работы Ленина еще в 1904 году

¹ Ленин В.И. ПСС. 4-е изд. Т. 9. С. 316.

² О религии и церкви. М., 1977. С. 31.

³ Родная земля. 1926, № 1. С. 6.

рассказывал Плеханов: «Вообразите, что за Центральным комитетом всеми нами признано пока еще спорное право «раскассирования». Тогда происходит вот что. Ввиду приближения съезда ЦК всюду «раскассирует» все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, пополнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему: «Ура!», одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха»¹. Именно с таким идеалом ленинская партия пришла к революции 1905 года.

От своего характера Ленин принес в большевизм и приверженность к духу сионизма.

Сионизм и большевизм в России развивались параллельно, хотя первый во времени предшествовал второму. Они переплетались своими корнями, тесно смыкались своими кронами. Немало ярых сионистов стали пламенными большевиками, а сколько большевиков стали сионистами! Известный деятель еврейства И.М. Бикерман в сборнике «Россия и евреи» справедливо отмечал, что «при всем различии и содержания и путей существуют глубокие формальные сходства между сионизмом и большевизмом. (...) Как большевик знает верное средство против зла: социализацию, так есть оно и у сиониста: Сион. (...) Большевик ждать эволюции не хочет, и это именно

¹ Искра, 1.5.1905.

для него характерно; сионист ждать не может, ибо ему приходится начинать сначала. Тому и другому чужды представления о трагической жизни как таковой; оба с одинаковой решительностью отрекаются от старого мира, хотя мир одного — не мир другого; один и другой имеет каждый свою обетованную землю, которая течет молоком и медом. Это единство схем накладывает удивительную печать сходства на мышление, обороты речи и повадки сионистов и большевиков. Сионист как большевик не знает пропорций, степеней и мер; любая частность получает у него универсальное значение, горчичное зерно вырастает в баобаб, воображаемый полтинник — в наличный миллиард».

Большевизм рожден нетерпеливостью и нетерпимостью радикальной части еврейства, сохранившего в тайниках своей души сладкую мечту о Сионе.

Образование партии социал-революционеров (эсеров) имеет своей предысторией организацию в 1899 году в Минске Рабочей партии политического освобождения в России, основателем которой была группа евреев во главе с минским провизором Г.А. Гершуни. Ее отделения были и в других городах России. Политической целью партии ставилось разрушение русского государственного строя, главным методом борьбы определялся террор. Партия просуществовала недолго, многие ее деятели влились в партию эсеров, «Боевую организацию», которую возглавил сам Гершуни.

Гершуни — деятель сродни Азефу, самый настоящий иезуит. Для достижения своих тайных целей он использовал любые средства. Арестованный в феврале 1900 года по делу Рабочей партии политического

освобождения в России, первый во всем признался и отпущен без последствий. На следствии он представил себя этаким заблудшим евреем-идеалистом, работающим для блага своего народа. Однако, как показали дальнейшие события, это был один из самых страшных и циничных убийц.

Эсеровская партия вышла на политическую арену как еврейская террористическая организация, «специализирующаяся» на убийствах русских государственных деятелей.

В апреле 1902 года эсеровская партия начинает серию террористических актов против русских государственных деятелей. Первой жертвой террористов становится министр внутренних дел Сипягин, по случайности сорвалось покушение на обер-прокурора Синода Победоносцева. За убийством Сипягина последовали убийства полтавского губернатора князя Оболенского и уфимского губернатора Богдановича¹.

Но, конечно, главной акцией эсеровских боевиков стало убийство министра внутренних дел России Вячеслава Константиновича Плеве, выдающегося русского патриота и государственного деятеля, отстаивавшего самобытный путь развития России. Эсеровские бандиты убили его из-за угла летом 1904 года. Убийство министра внутренних дел бандгруппой эсеровской партии резко повысило ее популярность в стане антирусских элементов. Вокруг нее начинали формироваться разные антирусские, преимущественно еврейские и другие националистические силы. Как признавал эсеровский лидер Чернов, тяготение к

¹ Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993. С.162 — 163.

его партии обнаружилось среди социалистов польских (ППС) и армянских («Дашнакцутюн»); переговоры с ней завела новообразовавшаяся партия грузинских социалистов-федералистов, в которую входили и грузинские эсеры; в Латвии наряду с традиционной социал-демократической партией обособился сочувствующий эсерам «Латвийский социал-демократический союз»; от российских социал-демократов отошла и сблизилась с эсерами Белорусская социалистическая громада. В Финляндии рядом с традиционной партией пассивного сопротивления возникла союзная с эсерами, вдохновлявшаяся их бандитскими методами, Партия активного сопротивления¹.

¹ Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993. С. 201 — 202.

ГЛАВА 8

Антирусское восстание. — Создание антирусских «республик». — Расцвет политического бандитизма. — Массовые убийства русских людей. — Попытки запугать народ

События, последовавшие за выходом Манифеста 17 октября, показали, что силы, творившие смуту, хотели не мира, а продолжения войны до полного разрушения Русского государства. Антирусский террор, являвшийся программной установкой враждебных России сил, только усилился. В результате амнистии через несколько дней после Манифеста ряды врагов Русского государства пополнились многими тысячами закоренелых государственных преступников, сразу же активно включившихся в борьбу против законной власти и русского народа.

Одиночные террористические акты не удовлетворяют уже потерявших всякую меру еврейских экстремистов, продолжая убивать русских государственных деятелей, они берут курс на всеобщее вооруженное восстание.

26 октября под влиянием живой агитации еврей-

ских партий произошли крупные беспорядки среди военных моряков в Кронштадте. «Восставшие» захватили винные лавки и в пьяном виде совершили ряд злодейских убийств. Но уже 28 октября были подавлены.

В середине ноября происходит восстание в Севастополе, охватившее часть военных моряков и Брестского пехотного полка. Восставшие, руководимые опытными агитаторами, захватывают крейсер «Очаков», послав Царю телеграмму, что Черноморский флот не подчиняется правительству. Стоявший во главе восстания психически нездоровый и болезненно тщеславный лейтенант Шмидт пытается подчинить себе другие корабли Черноморского флота, но при первых выстрелах верных правительству кораблей выкидывает белый флаг.

В Новороссийске экстремисты, опираясь на очень узкий слой, преимущественно еврейского населения, выпустили манифест о создании «Новороссийской республики» и переходе власти в руки временного правительства. Губернатор и все законные власти бежали. Во главе «республики» стал Совет рабочих депутатов, состоявший в основном из евреев и других лиц нерусской национальности. Все торговые и промышленные предприятия были обложены налогами якобы в пользу неимущих классов, но, как выяснилось на суде, реально попадавшими в карманы членов Совета. Главное внимание «республиканцев» было обращено на образование боевой дружины, которой устраивались торжественные смотры с музыкой. Для вооружения войска у всех жителей города и окрестных селений отобрали оружие. При Совете создается специальный охранный отряд, вооруженный копья-

ми необычайной длины и формы, изготовленными в местных мастерских. Этот отряд стал орудием воздействия на всех инакомыслящих, ибо с первых дней своего существования «республиканцы» запретили все партии, кроме революционных. Начались погромы русского населения. Когда местная газета повела кампанию против нового «правительства», доказывая, что многие его распоряжения и действия угнетают самих рабочих, то «республиканский» Совет наложил на газету цензуру и она перестала выходить.

В конце декабря в город вошли правительственные войска, а руководители «республики» позорно, без боя бежали.

В Красноярске по инициативе социал-демократов образуется «Красноярская республика». Солдаты железнодорожного батальона прошли по городу с красными знаменами и пением революционных песен в полном боевом вооружении, снимая повсюду караулы и собирая толпы людей на митинг. Митинг, на котором выступали эсдеки и эсеры, принял резолюцию о созыве Учредительного собрания и потребовал освобождения заключенных из тюрем. Председатель собрания объявил, что солдаты будут подчиняться новому правительству. На следующее утро комитет РСДРП заявил о захвате власти в городе, но, узнав о приближении правительственных войск, бежал, украв городскую казну.

В Ростове-на-Дону попытка установления «республики» обернулась большим кровопролитием. И тогда все летучие отряды, возглавляемые еврейскими экстремистами, организовав беспорядки и подставив простых жителей города под пули солдат, заблаговременно бежали. Некто Пергамент, провозгласив

«Придунайско-Черноморскую республику», тут же бежал, оставив своих соратников отвечать за содеянное.

Не все попытки вооруженного восстания удаются. В городе Александрове попытка революционных агитаторов столкнулась с протестом рабочих и энергичными действиями властей. У местного экстремиста С.М. Баранова, собиравшегося установить «Александровскую демократическую республику», была обнаружена программа будущего «правительства». Из нее видно, что мятежники предполагали захватить воинский склад, обезоружить верные правительству части, захватить или физически устранить представителей законной власти, не исключая и выборных учреждений. Революционное правительство подготовило списки местных граждан, которых следовало бы ликвидировать.

После подавления попытки вооруженного восстания в Харькове местные революционеры избрали себе два новых места деятельности. Одно у станции Новая Бавария, где располагались 3 завода, а другое на станции Люботин, где находилось паровозное депо. В первом роль диктатора выполнял некто Владимир, по национальности еврей, по профессии присяжный поверенный. От Владимира поступали приказания членам местных революционных партий, которым они подчинялись. Одним из последних стал циркуляр о придании смертной казни большинства административных лиц станции Новобавария.

На станции Люботин учреждаются «республика» и «временное правительство», во главе которого стал студент-технолог, объявивший себя генерал-губернатором «Люботинской республики». Военные дела студент поручил мелкому железнодорожному служа-

щему, назначив его начальником станции; в адъютанты себе взял гимназиста 6-го класса. После ареста студента во главе «Люботинской республики» стал некто Финкельштейн, который сразу же приказал арестовать местного пристава и помощника начальника станции и предать их смертной казни.

В ряде мест власти после Манифеста так растерялись, что позволили еврейским экстремистам взять их просто голыми руками. В Уфе, например, по распоряжению губернатора Б.П. Цехановецкого с 18 по 21 октября воинские патрули и полицейские были сняты, чтобы не мешали праздновать торжество революции. Бойко торговали оружейные магазины, в которых по разрешению губернатора революционерами покупались револьверы и патроны. Была создана революционная милиция под руководством еврея Н.И. Тихановского, который стал в городе самым влиятельным человеком. Во время празднования революции сам губернатор шествовал под красными флагами, а затем поздравлял мятежников с ограничением самодержавной власти Государя и с Конституцией. Когда провозглашалась «вечная память» тем, кто, по выражению одного революционного агитатора, *«нали в борьбе с кровотийцей — Царем»*, — снял фуражку, и, когда закричали потом: *«Долой Царя! Смерть Царю!»* — приветствовал крики, снимая фуражку и помахивая ею на все стороны. Но кончилось все тем, что патристически настроенные жители заклеямили изменника губернатора позором, а еврейских погромщиков, даже без помощи полиции, просто разогнали.

Но далеко не везде восстание против законной власти подавлялось малой кровью. Самое крупное кровопролитие произошло в Москве.

В ночь на 9 декабря 1905 года в Москве в саду «Аквариум» собрался огромный митинг, на котором присутствовали более 10 тыс. человек и десятки революционных бандформирований — «боевых дружин» еврейских партий. Митинг в любой момент мог перерасти в прямой мятеж, его руководители призывали к аресту генерал-губернатора и к захвату власти. Оперативные действия властей с помощью казаков, драгун, пехоты позволили изолировать мятежников. Митинг окружили, его участников выпускали поодиночке после обыска — отбиралось оружие. Хотя большей части боевиков удалось скрыться, войска сумели обезоружить немалое число бандитов. Наутро в саду «Аквариум» нашли несколько сот револьверов, кинжалов, ножей, брошенных боевиками¹.

Той же ночью в Москве в реальном училище масона Фидлера разыгрался настоящий бой между еврейскими бандформированиями и правительственными войсками. Реальное училище масона Фидлера стало одним из центров антиправительственных выступлений и местом сосредоточения революционных бандформирований. Полиция получила сведения, что 9 декабря здесь соберется боевая дружина, которая на рассвете должна захватить Николаевский вокзал, взяв в свои руки сообщение с Петербургом, другая же боевая дружина — завладеть городской Думой и Государственным банком, объявив временное правительство. Реальное училище оцепили войска, и после отказа боевиков разоружиться по нему был дан залп из двух орудий. Боевики стали разбегаться, некоторые из них были схвачены жильцами соседнего

¹ ГАРФ, ф. 826, д. 47, л. 127.

дома и сданы полиции. В результате боя один офицер убит, а другой тяжело ранен, боевики потеряли пятерых убитыми и пятнадцать ранеными¹.

В Москве погромщики действовали особенно нагло. Так называемый Исполком рабочих депутатов, состоявший преимущественно из революционных террористов и агитаторов, объявил вооруженное восстание на 6 часов вечера 10 декабря, предписав даже извозчикам кончить работу к этому времени. Город погрузился во мрак, фонари не горели, улицы освещались прожекторами. Еврейские погромщики, вооруженные иностранным оружием, ходили по улицам, убивали полицейских и офицеров, а также всех несогласных молчать при виде этих преступлений. Начали возводить баррикады. Причем делали это бандиты не сами, а заставляли мирных жителей, выгоняя их из домов под угрозой оружия. Поигрывая револьверами и винтовками, боевики следили, как напуганные жители снимали ворота с домов, ломали заборы, разбирали брусчатку с дороги, тащили мебель из квартир. В некоторых местах бандиты стогнали население переворачивать трамвайные вагоны. Погромщики действовали подло, они подбирались к своим противникам из-за угла, стреляли и тотчас разбегались. Начались грабежи магазинов. Пьяные «борцы за народное дело» для устрашения стреляли в воздух, стараясь создать впечатление, что их очень много. Намеренно распускались слухи, что это все только начало, что «генеральный бой» будет тогда, когда из Орехова-Зуева прибудет 30 тыс. вооруженных рабочих, а от латышей — артиллерия. Революционеры на-

¹ ГАРФ, ф. 826, д. 47, л. 129.

деялись, что войска Московского гарнизона перейдут на их сторону. Но надежды бандитов не оправдались. Войска отказались поддержать преступников, хотя солдатам пришлось трудно — их было мало (основной контингент находился на фронте, на Дальнем Востоке).

Кроме стрельбы из-за угла, боевики избрали себе метод стрелять по войскам из окон, рассчитывая, что солдаты, опасаясь задеть мирных жителей, стрелять по ним не будут. В некоторых местах, рассказывают свидетели, еврейские боевики использовали в качестве щита женщин и детей. В других местах они, затесавшись в толпу, начинали палить оттуда из винтовок и пистолетов, вызывая смертельную опасность для окружающих.

Власть проявила себя довольно твердо. Все главные учреждения в центре Москвы охранялись войсками. Районы прочесывались воинскими нарядами и патрулями. Помогали войскам отряды добровольцев-патриотов из Союза Русского Народа. Домовладельцам под угрозой секвестра имущества было приказано закрыть ворота и двери домов и дворов, а также вменялось в обязанность следить, чтобы в домах не хранились оружие и взрывчатые вещества. Домовладельцы собственными силами стали разбирать баррикады и ставить ворота на свои места. Общественное мнение было не на стороне бандитов, их попытки привлечь к себе население обманом и запугиванием провалились.

В результате бандитского террора, организованного еврейскими экстремистами, уже на 13 декабря в Москве погибло 80 человек и 320 были ранены. Сами боевики, стрелявшие из-за угла, погибали сравни-

тельно редко. Больше всего страдали мирные жители, случайные жертвы бандитских вылазок¹.

14 декабря в Москву из Варшавы и Петербурга прибыли два полка для подкрепления. Войска использовали артиллерию для разрушения баррикад.

Но число жертв продолжало расти. К 15 — 16 декабря количество убитых и раненых достигало уже 1000 человек. Люди стали уезжать из города целыми толпами — *«крестьяне, рабочие и извозчики разъезжались по деревням»*². Бандиты продолжали террор. Они врывались в квартиры русских чиновников и полицейских и на глазах близких убивали их. Так, например, был злодейски убит начальник сыскной полиции А.И. Войлошников, занимавшийся чисто уголовными делами. Революционеры из уголовников, воспользовавшись случаем, свели с ним счеты.

15 декабря полиция схватила 10 боевиков с адскими машинами и бомбами, при них же оказались важные документы и переписка, из которых явствовало, что в восстании замешаны многие видные либерально-масонские деятели и предприниматели, в том числе Шмидт, Морозов. Либеральные органы печати, например, газета «Русские ведомости» и некоторые другие, собирали в пользу «борцов за свободу» значительные пожертвования и передавали их в поддержку бандитам.

Выяснилось также, что в восстании замешаны, кроме японцев, и другие враждебные иностранцы, в частности немцы. Под Москвой, у станции Перово, войска задержали два вагона, загруженных оружием —

¹ ГАРФ, ф. 826. д. 47. л. 145.

² Там же, л. 147.

3000 винтовок. Они переправлялись из-за границы, *«не без участия германского правительства»*. Впоследствии в лесу близ Кускова найдено было несколько ящиков германских винтовок Маузера и Винчестера¹.

К 16 декабря главный штаб еврейских боевиков сосредоточился на Пресне. Здесь компактно разместились боевики, вооруженные винтовками. Однако иностранное оружие не спасло боевиков. Русские войска действовали быстро и эффективно. В течение нескольких дней изменники были подавлены. К 20 декабря порядок в городе был восстановлен. Боевиков, захваченных с оружием в руках, расстреливали на месте при явном сочувствии мирных жителей, уставших от бандитских вылазок. Особенно в подавлении революционных бесов отличился полковник Ригман. Его военная команда сразу же навела панику на революционные дружины, которые действовали на Казанской железной дороге, и многие из них в страхе разбежались.

Большая банда революционеров засела на фабрике Шмидта, где помещался склад боевого снаряжения всех дружин. Войска были вынуждены использовать артиллерию. Последние банды засели на Прохоровской мануфактуре, позднее обманным образом бежав оттуда на сахарный завод, где окружены войсками, схвачены и казнены².

Значительная часть революционных убийств совершалась подло, из-за угла, из темноты, в спину. Конечно, чаще всего убивали русских, одетых в военную

¹ ГАРФ, ф. 826, д. 47, л. 149.

² Там же, л. 145 — 150.

форму, то есть служивших Царю. Род войск не играл для бесов роли.

Полковника-артиллериста М.Т. Белавинцева бандиты убили недалеко от его дома двумя выстрелами в затылок (январь 1906)¹. Как установило следствие, убили они его просто за то, что на нем была военная форма.

Полковника Н.И. Кравченко боевики убили в спину из темноты густого сада, стреляя в ярко освещенную комнату (август 1907).²

Двинского полицмейстера И.В. Васютовича убили особо подло, о чем свидетельствует официальный рапорт. *«Васютович проходил в полицейскую часть по Петербургской улице, причем, поравнявшись с большой еврейской синагогой, встретил толпу молодых евреев 10 — 15 человек; последние, стоя на тротуаре, расступились, и когда Васютович прошел между ними, то неизвестными произведено в него сзади в упор, один за другим, четыре выстрела»* (июнь 1906)³.

Красноярского полицмейстера О.Ю. Дитмара бандиты убили на глазах жены и дочери, расстреляв его в упор⁴.

Часто еврейские боевики-бандиты устраивали вооруженные нападения в людных местах, рискуя многими жизнями, и, используя замешательство, исчезали. Типичный случай произошел 17 октября 1905 года в Витебске, где с раннего утра появились группы вооруженных евреев и под угрозой стали заставлять

¹ ГАРФ, ф.117, оп.19, д. 627, л. 6; д. 616, л. 19.

² Там же, л.129.

³ Там же, л.140.

⁴ Там же, л.258.

торговцев закрывать магазины. Торговцы подчинились, но подоспевшая полиция рассеяла нарушителей порядка, а двоих арестовала. Как повествуется в полицейском протоколе, далее события развивались так. *«Когда арестованные проследовали с Задуновской улицы на Гоголевскую, находившаяся на Замковой улице и Соборной площади еврейская молодежь, со всех сторон, с криком, бросилась вслед за арестованными и, не доходя Гоголевской дамбы, начала отбивать от конвоя арестованных, причем неизвестным злоумышленником, выстрелами из револьвера в голову, убит наповал сопровождавший арестованных городской Яковлев, после чего толпа евреев, захватив арестованных, пустилась убежать в разные стороны, вслед которой, по заявлению рядового Сергея Миловского, им произведено четыре выстрела, результатом которого было падение убийцы Яковлева, но бежавшая с ним толпа успела подхватить упавшего и унести. Из числа двух неизвестных евреев, бежавших от конвоя после убийства городского Яковлева, один задержан вторично на Могилевской улице, который при допросе назвался витебским мещанином Лейбой Гиршевым Безносовым. Кроме того, задержаны за распространение воззваний противоправительственного характера два молодых еврея, назвавшиеся витебским мещанином Абелем Лейбою Гиршевым Шмерлингом и велижским — Яковом Залмановым Иткиным. При обыске у последнего оказалось 101 экземпляр воззвания, отпечатанных на русском языке, приглашающих население города оставить работу и выйти на улицу для борьбы с правительством»¹.*

¹ ГАРФ, ф. 117, оп. 1, д. 629.

Ректора Пензенской духовной семинарии архимандрита Николая (Орлова), не пожелавшего потворствовать разложению молодежи, бандиты убили тремя выстрелами в спину (май 1907)¹.

Председателя Красноуфимского уездного съезда С.А. Свиридова, известного земского деятеля, погромщик убил выстрелом в лицо, передавая якобы прошение, причем в присутствии других членов семьи².

Помощника пристава А.П. Емельянова, георгиевского кавалера, бандиты пытались убить несколько раз и, наконец, осуществили это, кинув бомбу вслед ему, убив его в спину, серьезно ранив еще несколько человек³.

Пешего урядника Козелецкого уезда Илью Миновича Носача убили на ярмарке на глазах у жены и двухлетней дочери тремя выстрелами в спину в упор, когда он протискивался к балагану с детскими игрушками, чтобы купить своей дочери куклу (ноябрь 1907)⁴.

Чтобы убить одного представителя русской власти, еврейские боевики ходили целой дружиной. Так, на тридцатилетнего урядника Ивана Михайловича Савицкого из Венденского уезда напали сразу 25 бандитов. Стреляли со всех сторон, а потом добивали в упор в голову⁵. Полицейских из Мстиславского уезда Могилевской губернии революционеры «опрокинули на землю и стали забивать ногами» до тех пор,

¹ Там же, д. 628, л. 247.

² Там же, д. 629, л. 16.

³ Там же, д. 623, л. 28.

⁴ Там же, д. 612, л. 1.

⁵ Там же, д. 623, л. 4.

пока не превратили *«их в два бесформенной массы трупа»*.

*«Кровь несчастных жертв, — рассказывали очевидцы, — лилась рекой, но изуверы не обращали на это внимания, и, очевидно, вид крови разъярил их еще сильнее... Ни стоны полубитых, ни их близкая агония не трогали палачей»*¹.

В июле 1907 года шайка революционных анархистов в 8 человек «просто так» напала на двух безоружных полицейских стражников, ехавших на сенокос. Одному из них удалось бежать, второго бандиты убили, добивая уже лежащим на земле, всадив 11 пуль².

Бандиты убивали не только представителей государственной власти, но и простых людей, кто поддерживал русскую власть и не боялся вскрывать преступные дела политических бандитов. Крестьянина А.Л. Павлова Кирсановского уезда с. Павловки, монархиста по убеждению, бандиты убили во дворе его дома, предварительно ограбив находившуюся здесь лавку (май 1908)³.

Сельского старосту С.В. Григорьева из села Ново-Никольского Козловского уезда бандиты подкараулили в поле и убили четырьмя выстрелами в упор (февраль 1908)⁴.

Старика-крестьянина И.А. Бирюкова из с. Лукина Кирсановского уезда, участника турецкой войны, не побоявшегося осудить преступные действия «жидов»,

¹ ГАРФ, ф. 117, оп.1, д. 629, л. 19.

² Там же, д. 627, л. 16.

³ Там же, л. 79.

⁴ Там же, д. 627, л. 80.

они убили вечером в спину через открытое окно на глазах всей семьи¹.

Сельского старосту волостного старшину Е.И. Винокурова из села Рекович Брянского уезда трое представителей федеративной группы эсеров убили, подкараулив в волостном правлении одного. Стреляли из трех стволов. А после убийства пытались ограбить кассу (май 1908)².

Очень характерно, что борцы «за народное дело» с особым садизмом убивали избранных крестьянами сельских старост и волостных старшин. Эти люди пользовались среди крестьян особым почетом и уважением. Многие крестьянские выборные служили на выборных должностях десятилетиями, что говорило о доверии к ним. Скажем, убитый экстремистами Винокуров выбирался на общественные должности 17 лет. Убийство крестьянских выборных совершалось часто не просто из мести, а с целью запугать крестьян.

С особой ненавистью и жестокостью еврейские боевики убивали членов русских патриотических организаций.

29 марта 1907 года в центре города Елизаветграда выстрелом из револьвера был убит активный член Елизаветградского отдела Союза Русского Народа Павловский, вместе с ним тяжело ранены еще два патриота — гимназист Середа и рабочий Шевченко. Незадолго до смерти Павловский получил анонимное письмо о предстоящей ему «казни». Письмо подписа-

¹ ГАРФ, ф. 117, оп. 1, д. 629, л. 81.

² Там же, л. 158.

но: «Общество еврейской свободы». Жертва, получив письмо, не придавал угрозам значения, сказав: *«Меня убьют, миллионы наших останутся, всех русских людей не перебить»*¹.

Ненавистью революционеров пользовались простые крестьяне, состоявшие в Союзе Русского Народа и других патриотических организациях. Умерли мученической смертью крестьянин Рыжков (Клинцовский отдел СРН), Гусаков и Голубцов (Конотопский отдел), Мечия (Кобелякский отдел), Шило (Верхне-белозерский отдел)².

Особым ритуалом революционные бесы производили убийство русских священников. В Ялте в 1905 году за бесстрашные обличения царивших тогда в городе революционных настроений в своем доме, на глазах у жены и трех малолетних сыновей, заколот кинжалами о. Владимир Троеспольский. Его последние слова, обращенные к убийцам, были: *«Бог простит»*. В селе Городищи Царицынской области 30 ноября 1906 года, также в своем доме, убит священник о. Константин Хитров. Убийцы не пощадили никого из его домашних: о. Константин, его матушка, пятилетний сын Сергей и малолетний Николай — все были найдены с проломленными черепами. В 1910 году в Тифлисе убит экзарх Грузии архиепископ Никон.³

«Везде грабежи, поджоги, убийства верных слуг Церкви и Царя, — писал Святой праведник Иоанн Кронштадтский, — убить человека теперь ничего не стоит! Не в последние ли времена мы живем перед

¹ ГАРФ, ф. 1467, д. 853, л. 78.

² ГАРФ, ф. 117, оп. 1, д. 601, л. 1.

³ Россия перед вторым пришествием. М., 1994. С.117 — 118.

концом мира?.. По-видимому, в последние. Какая везде скорбь, какие болезни, неурожай, и за что все это? За наши беззакония, которым нет числа; пора опомниться и перестать творить их! Скоро война опять будет — избави нас, Господи, от всего! Скоро придет и антихрист. Сколько теперь врагов у нашего Отечества! Наши враги вы знаете кто: евреи»¹.

Разнузданные, бесчеловечные, жестокие еврейские погромщики стали своего рода детонатором революционных действий 1905 года. Зверские, подлые убийства русских людей, преимущественно из-за угла, в спину, приобрели массовый характер. Особенно бесчинствовали сионистские «отряды самообороны». Под видом «защиты от погромов» иудейские бандиты расправлялись с представителями русской власти — полицейскими, солдатами, офицерами и просто русскими патриотами, совершали погромы русского населения.

В Москве, Киеве, Одессе и других русских городах озверевшие сионисты стреляли в спину солдатам и казакам, убивали в подворотне городских. Особенно иудейские «отряды самообороны» бесчинствовали в октябре 1905 года.

Как описывали очевидцы, «еврейская «самооборона» продолжала ранить и убивать русских людей... «Молодые евреи» поддерживали предательскую стрельбу, в особенности с чердаков и крыши, нередко по чинам полиции, войсковым отрядам и патриотическим процессиям. Стреляли даже по городовому, который вез ребенка в больницу...

¹ Цит. по: Венок на свежую могилу незабвенного пастыря отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1908.

«Русь в мешке, — кричали сыны Иуды, — надо его только покрепче завязать!..»

Как и в Одессе, наряду с целыми жидовскими шайками, о чем мы уже знаем, не отставали и отдельные евреи.

Именуя себя «Царским охотником», а в действительности будучи только членом Императорского общества охоты в Киеве и лишь в этом качестве получив разрешение иметь оружие, Григорий Бродский злодейски убил двоих русских.

В свою очередь, его братья, «паньчи Миша и Юзя», подстрелили находившегося в пехотной цепи солдата, тяжело — в пах, а пристава Дворцового участка Челюскина не менее тяжело — в голову.

Со своей стороны еврей, сын доктора Вишнупольского, на Подоле из-за ставен окна квартиры своего отца, охотился на казаков и полицейских чинов вплоть до того, пока сам не был ранен основательно...

Застигнув, например, городского или околоточного, шайка евреев и евреек принималась истязать его. Еврейки прокалывали ему руки и ноги булавами от шляп, «молодые же евреи» ударами ножей или кинжалов точили из жертвы кровь, а то и собственной шашкою городского рубили ему пальцы. Одного из околоточных заставляли есть землю, другому выкололи глаза. Вообще проделывали невероятные зверства. Многих полицейских чинов жида-«освободители» расстреливали обыкновенно в спину, то есть сзади.

В заключение истерзанных и окровавленных чинов полиции «шаббесгой»-студенты тащили в университет — на еще более свирепые мучения и «казнь».

Сопровождаемый такими двумя вооруженными

студентами городской Ревенко был лишен надежды на спасение еще и тем, что ему обвязали голову какою-то зловонною тряпкою. Вдруг, на его счастье, повстречался пехотный караул. Сквозь незамеченную «освободителями» щелку тряпки Ревенке блеснуло сверкание штыков. Выбросив одного палача-студента из пролетки и обливаясь кровью, городской кинулся к солдатам и был спасен...

Не такова была участь другого городского — Губия. Долго пытала его шайка евреев и, наконец, отрубив ему на руке пальцы (которые затем и были найдены на лестнице одного из домов). На следующий день городской умер от истязаний»¹.

Потом иудейские бандиты выпустили в Париже под маркой Западного центрального комитета самообороны «Поалла-Цион» сборник воспоминаний, где хвалились своими «подвигами» в борьбе с беззащитными и безоружными русскими людьми, бахвалились, сколько они их «положили».

«Я сам, — писал один из иудейских погромщиков, действовавших в Одессе, — уже ночью присоединился к отряду, шедшему на Дальницкую. Экспедиция была неудачна... нарезались мы на солдат... Стреляли мы (по ним. — О. П.) большие из форса...

Если попадался человек с награбленным (то есть любой нееврей, несший какие-то вещи. — О. П.) — его брали за шиворот и вели в университет (где был центр «отрядов самообороны». — О. П.). Когда начались массовые убийства... тогда грабителей (?! — О. П.) пристреливали на месте. Да и что врать? Не до гу-

¹ Шмаков А. С. Погром евреев в Киеве. М., 1908. С. 76, 85.

манности уже было нам тогда: сами озверели, и нельзя иначе — не ангелы!..

На углу Тираспольской и Нежинской повстречали мы патриотическую манифестацию. Гогот, орут: «Да здравствуют Царь с Царицей!» Тут и войска, и городовые, и вольные люди, босячье с флагами (иудейские бандиты собрались было стрелять, но побоялись солдат — «пришлось отступить». — О. П.).

Просыпаюсь и, не отдав отчета, выбегаю на улицу... а тут уже работали теплые ребята из местных жителей, в том числе несколько мясников (ритуальных резников. — О. П.) с Большой Арнаутской и пр. И была тут задана хулиганам (т. е. русским людям. — О. П.) такая трепка, какой они в Одессе еще, кажется, не получали. Кроме раненых, их было тут найдено, говорят, потом три десятка трупов...

Под вечер... забрался в какую-то синагогу и там переночевал»¹.

А вот воспоминания еще одного иудейского погромщика: «Мечемся мы по улице с револьверами, с палками, с секачками, с топорами, — мечемся и нервничаем. Что-то будет? Когда-то к нам придут? Вдруг слышим, что на Чумке погром. Бросилась часть наших туда, через переулки. Ан там хулиганства чуть не целая сотня, и первые же в нас стрелять начали. Мы дали по ним залп, а затем — в рукопашную. Разлетелись они, а с десяток их осталось на месте».

«Пришли мы назад, и стали мы обыскивать проходящих неевреев. Идет человек в полушубке с узел-

¹ Одесский погром и самооборона. Париж. Издание Западного центрального комитета самообороны «Поалла-Цион», 1906.

ком в красном платочке; стали мы развязывать узелок и нашли в нем револьвер, как у городских. Кто? Откуда? Не отвечает ни слова, только к стене прижался и глазами поводит во все стороны... Никогда не забуду я выражения этих глаз!.. Вдруг подлетел один человек и говорит: «Да ведь это городской... У нас на посту стоит... Ведь там стоишь? Да?» Ничего не отвечает; сам красный такой, толстый. «А, провокатор! Переоделся, наших губить пришел!» Я выстрелил в него, ранил в живот, но не убил, и стали добивать его палками, секачками. Я засунул его в какую-то дверь: жалко было и гадко смотреть, как его добивали! За дверью он скончался».

ГЛАВА 9

Еврейские партии. — Организаторы бандгрупп. — Погромы и террор против русского населения

Все еврейские партии создали хорошо вооруженные бандгруппы боевиков для осуществления погромов русского населения и террора против законной власти. В их организации был положен мафиозный принцип, где-то даже смыкавшийся с иерархическими градусами (степенями) и правилами масонской конспирации. У большевиков наиболее показательные бандформирования боевиков сложились на Урале. Руководил ими Я.М. Свердлов, в свою очередь подчинявшийся Боевому центру при ЦК партии, который возглавляли Лурье Моисей (кличка Михаил Иванович), Шкляев (Лазарь), Эразм Самуилович Кадомцев (Петр-Павел), Урисон (Виктор), Миней Губельман (Ярославский).

Практически все ближайшие соратники Ленина прошли школу участия в бандитских террористических организациях. Именно они — от Камо и Красина до чекистских палачей М.И. Лациса и М.С. Кедрова, составили костяк ленинской партии — организации

уголовно-мафиозного типа. Все эти партии организовывали погромы русского народа.

Как в классической мафии, было создано несколько уровней посвящения в тайну организации. Полной информацией обладал только тот, кто находился на верху пирамиды, он согласовывал свои действия с боевым центром. На уровень ниже сидели тайное оперативное руководство и инструкторы боевой организации, на следующем, тоже тайном уровне, — исполнители различных грязных дел, они получали задания с предыдущего уровня и следовали точным инструкциям; в самом низу — «массовка», рядовые члены, которые привлекались к работе, но ничего не знали о характере деятельности высших уровней посвящения.

На практике это организовалось так. При каждом уральском комитете РСДРП создавались три дружины. Одна известная всем, куда входили рабочие, и две тайные. Они так и разбивались на первую, вторую и третью¹.

Собственно «боевая» работа велась второй дружиной, в состав которой входили так называемые «десятки» (отряды), укомплектованные молодыми людьми, не нашедшими себе другого дела в жизни и ставшими боевиками.

Каждый «десяток» имел свое специальное назначение: отряд разведчиков, отряд саперов (закладывать мины), отряд бомбистов (кидать бомбы), отряд стрелков; при второй дружине состоял отряд маль-

¹ Описание мафии дается по воспоминаниям боевиков Кадомцевых Э.С. и О.М., Накорякова Н.Н., Ефремова М.И. на вечере, состоявшемся в ноябре 1924 года. Сохранились в Пермском государственном архиве.

чиков-разведчиков и распространителей партийной литературы, а также мастерские бомб и другие подобные предприятия. Боевики второй дружины работали в подпольных типографиях, подделывали печати. Во главе каждого отряда («десятки») стоял десятский. Отряды в свою очередь разбивались на «пятки».

Что же делали боевики? Во-первых, совершали погромы и политические убийства полицейских, представителей власти, «черносотенцев», то есть всех неугодных партии лиц. Кинуть бомбу в квартиру, где за семейным столом сидел неудобный человек, было в порядке вещей. Некоторые боевики специализировались на убийствах полицейских и их агентов. Полицейских убивали на постах, устраивали засады в их квартирах. Делали фиктивные доносы и убивали пришедших на обыск полицейских. Во время таких террористических актов гибло немало случайных людей, родственников и близких.

Особая сторона деятельности боевиков — грабежи или, как их называли, «эксы», экспроприации. Грабили кассы, конторы, нападали на транспорт с деньгами. Бомб и патронов не жалели, случайные люди гибли десятками. Легендарный боевик и наставник молодых И. Кадомцев любил повторять: *«Не надо быть храбрым — храбрым нужно быть тому, кто трус»*; *«Всякое предприятие надо выполнять с тем спокойствием, с каким хлебаешь ложкою обед за столом»*; *«Самое трудное дело замести следы, а совершение акта пустяки»*. Боевики тщательно готовились к каждому убийству и грабежу — собирали сведения, чертили планы, готовили ключи, оружие, продумывали все организационные детали.

Занимались боевики и рэкетом, то есть обклады-

вали богачей данью под угрозой смерти. Кроме того, боевики осуществляли охрану партийных мероприятий и партийных лидеров.

Каждый боевик должен был руководить хотя бы одним грабежом («эксом»), уметь управлять лошадью, паровозом, а позднее и автомашиной, владеть огнестрельным и холодным оружием, знать анатомию человека, чтобы без шума при помощи холодного оружия убить врага, обладать ловкостью и проворством, а также уметь гримироваться. Боевиков постоянно тренировали, учили владеть оружием. От каждого боевика требовали регулярных упражнений в стрельбе из револьвера во всех возможных положениях тела, упражнения в фехтовании и др.

Над молодыми боевиками устраивали проверочные испытания. Так, например, переодетые в полицейскую форму боевики хватали своего «воспитуемого» и производили допрос с применением физических методов. Если испытуемый не выдерживал, его удаляли.

Многие боевики являлись физически очень сильными и меткими в стрельбе. Боевик А. Калинин выжимал руками до 7 пудов, Михаил Кадомцев из браунинга поражал цель на 75 шагов.

Вот только несколько эпизодов из жизни одного из известных уральских боевиков — К.А. Мячина (он же Яковлев, он же Стоянович): в 1905 году кидал бомбы в казаков; в 1906 году — подготовка к взрыву казарм, метание бомбы в квартиру руководителя «черносо-тенцев»; в 1907 году — бросание бомбы в помещение полиции, захват оружия, захват динамита, ограбление почтового поезда с деньгами (взято 25 тыс. руб.), ограбление самарских артельщиков (взято 200 тыс.

руб.); в 1908 году нападение на уфимское казначейство, первое миасское ограбление (взято 40 тыс. руб.), убийство палача Уварова, второе миасское ограбление (взято 95 тыс. руб.). *«Убито и ранено со стороны противника, — самодовольно отмечает Мячин, — только при втором миасском ограблении — 18 человек».* Свою жизнь боевик Мячин закономерно закончил как руководитель группы лагерей ГУЛАГа.

А вот пример деятельности екатеринбургской организации. В августе 1907 года четверо екатеринбургских боевиков, среди которых был один из будущих убийц Царской семьи П.З. Ермаков, совершают вооруженное ограбление транспорта с деньгами, которые везли кассир и шесть стражников. Грабители были в черных масках. Рассказывает сам Ермаков: *«Разделились на две группы... Начали беспорядочную пальбу по сопровождающим — ранили четырех человек, убили двух лошадей... денег взяли 12,4 тыс. руб., спрятали их и на четвертый день передали в областной комитет партии».*

Вторые большевистские дружины работают в прямой связи с «лесными братьями», возглавляемыми бандитом Лбовым. Эти беспартийные грабители также занимались политическими убийствами и грабежами, творили самосуд, а деньги частично тратили на себя, частично посылали в комитеты разных партий, в том числе большевикам. Кстати, из числа «лесных братьев» вышли несколько участников убийства Царской семьи. Одним из связных между большевистскими боевиками и лбовскими «лесными братьями» была жена руководителя боевиков во всероссийском масштабе Минея Губельмана — К.И. Кирсанова. Прямую связь с Лбовым поддерживал Свердлов. Боевики

РСДРП и «лесные братья» проводят ряд совместных операций.

Дороги «лесных братьев» обогреты кровью русских людей. Чтобы понять их методы, приведем несколько примеров.

Летом 1907 года 12 вооруженных «лесных братьев» напали на пассажирский пароход «Анна Степановна Любимова», принудили поставить пароход на якорь, выстрелами убили матроса, полицейского, военнослужащего, смертельно ранили пассажира, тяжело ранили капитана парохода и легко двух пассажиров. Похитили — 30 тыс. с небольшим рублей и два револьвера.

В этом же году «лесные братья» убили на глазах у рабочих директора надеждинского завода Прахова и главного инженера за то, что в результате проведенной ими реконструкции завода часть рабочих пришлось сократить. «Лесные братья» занимались рэкетом богачей, а тех, кто отказывался платить, убивали. Так был убит подрядчик Русских.

Над вторыми дружинами боевиков РСДРП стояли первые дружины (члены этих дружин обладали высшей степенью посвящения в тайны организации), состоявшие из выборной и кооптированной частей (куда руководитель-диктатор мог ввести кого угодно по своему усмотрению). Выборных входило по одному члену из каждого отряда второй дружины, плюс командующий всей боевой организацией, «тысяцкий», избиравшийся представителями 1-й и 2-й дружин совместно. В выборную часть 1-й дружины также входил постоянный представитель партийного комитета. Кооптированная часть первой дружины состояла из разных военных специалистов — инструктора, за-

ведущего мастерскими бомб, заведующего оружием, казначея, секретаря. Выборная часть первой дружины образовывала совет боевой организации, кооптированная — ее штаб. Штаб разрабатывал устав, инструкции, стратегию и тактику «боевых» действий, руководил обучением и вооружением.

За второй шла третья дружина, в состав которой входили «партийцы-массовики», члены парткомитета («комитетчики»), а также примыкающие к партии рабочие. Третья дружина была школой военного обучения, которым занимались боевики второй дружины, каждый из которых был обязан подготовить пяток из третьей дружины.

Как отмечалось самими боевиками, *«такой структурой достигалась конспиративность и гибкость массовой военной организации, тысяцкий знал только десятских, десятские — только своих пяточников. Благодаря этому в течение 4-х лет уральские боевые организации не знали ни одного случая провала».*

Подготовка и прием боевиков в первую и вторую дружины были обставлены чрезвычайно строго. За поступающего в них боевика ручались два старых члена организации. Поручители отвечали за своего «крестника» головой. В случае каких-либо серьезных отступлений от устава приговор совета приводился в исполнение над «крестником» его поручителями. И, конечно, таким приговором была только смерть. Боевик даже со своими мог говорить только то, что нужно, а не то, что можно. В уставе боевику постоянно напоминалось, что *«боевик имеет оружие не для того, чтобы скрывать его, бросать при опасности, а для того, чтобы убивать врага»* (а враг был, как прави-

ло, безоружный соотечественник, мыслящий иначе, чем боевик).

В случае крайней опасности устав рекомендовал живым не сдаваться. Конспирация охватывала все стороны жизни боевика. С недоверием смотрели даже на того боевика, который проходил обучение в третьей дружине. На случай, если кто-то из руководителей будет убит или попадет в тюрьму, имели двух заместителей сотского, десятского, пяточника.

Боевики были хорошо вооружены. Получали оружие из Финляндии и Бельгии. А поскольку у боевиков имелись свои мастерские по изготовлению бомб, взрывчатые вещества всегда были в запасе.

Хорошо были вооружены и «лесные братья». Один из будущих организаторов и исполнителей убийства великого князя Михаила Александровича В.А. Иванченко заведовал в этой шайке оружием. *«Оружие, — писал он, — получали из-за границы — бельгийские браунинги, маузеры и в последний день (перед арестом. — О.П.) я получил 75 партизанских винтовок без ложки...»*

Куда же расходовались средства, добытые грабежом и убийством людей? *«Деньги, — рассказывают бывшие боевики, — передавались парторганам, для издания газет, содержания боевых школ, для отсылки в центральные учреждения партии. В течение 1906 — 1907 годов было отослано в областной комитет 40 тыс. руб., в ЦК партии (передано через А.И.Саммера) около 60 тыс. руб.»*

На эти деньги областной комитет на Урале издавал целых три газеты: «Солдат», «Пролетарий» и газету на татарском языке. Деньги поступали также на поездку делегатов на лондонский съезд, на содержание

школы боевых инструкторов в Киеве, школы бомбистов во Львове, а также на держание границ (Финляндия и Западная Россия) для провоза литературы и провода боевиков, членов партии за границу.

Политика большевистского лицемерия проявлялась на примере грабежей («эксов») боевиков очень наглядно. Официально, на словах, большевики осуждали эти грабежи, а на самом деле поддерживали их и всячески поощряли.

Очень интересно свидетельство Керенского, который был адвокатом на процессе по делу об экспроприации Миасского казначейства. *«Официально Ленин и большевистская печать, — пишет Керенский, — заклеили экспроприации как «мелкобуржуазную практику» левых социалистов-революционеров и максималистов. «Как же так, — спросил я Алексеева (главаря миасского грабежа. — О.П.), — выходит, вы проводите экспроприации, хотя это противоречит взглядам вашей партии?»*

«Очень просто, — ответил он, — по этому вопросу у нас в партии имеется специальная договоренность. Перед тем как проводить экспроприацию — примерно за две недели, — мы выходим из партии, заявляя о своем несогласии с ее политикой. Это дает нам полную свободу для проведения акции... Через две недели мы подаем заявление о восстановлении в рядах партии, «осуждая» свои ошибки, и нас немедленно восстанавливают». Естественно, деньги, запачканные кровью, передавались в партийную кассу, на содержание все того же административного и репрессивного аппарата.

Душой террористических большевистских организаций был Ленин, который лично следил за про-

ведением многих бандитских операций. Как писал Г.В. Плеханов: *«В Ленине поражает его неразборчивость в средствах, особенно обнаруживающаяся в 1905—1907 годах»¹, а также мотивы «личного честолюбия»².*

Грязные бандитские приемы, которые использовал Ленин в политической борьбе, в частности были обнародованы Л. Мартовым в его книге «Спасители или упразднители» (1908). Здесь была открыта связь Ленина с уголовниками, а также использование уголовных методов для получения денег.

В 1903 — 1904 годах разгорелся скандал, связанный с тем, что Ленин утаивал письма, адресованные меньшевикам, в которых порицалась его позиция. Как рассказывал Плеханов: *«Ленин не отрицал этого факта, заявив, что интересы дела требовали этого». «Я убежден, — считал Г. Плеханов, — что даже самые предрассудительные и преступные с точки зрения закона действия совершались им ради торжества его тактики»³.*

Образцом деловых отношений между большевиками и другими бандитскими формированиями являются связи большевиков с бандой Лбова. Бандиты даже снабжали своих большевистских соратников деньгами, а иногда и исполняли их поручения. В ряде случаев даже кадры большевистских боевых организаций подбирались из числа лбовцев. В 1907 году лбовская шайка заключила договор о поставке оружия с военно-техническим бюро при ЦК РСДРП, состояв-

¹ ГАРФ, ф.1826, д.12, ч.1, л.100.

² Там же, л.112.

³ Там же, л.101.

шим из большевиков. По-видимому, такие поставки осуществлялись большевиками многократно. На этот раз оружие надо было поставить на 7 тыс. руб. Деньги были заранее переданы в большевистское бюро и попали в руки к Ленину, который и оружия не дал, и с деньгами расстаться не захотел. Разгорелся скандал. За границей появилась прокламация, подписанная неким «Сашей», который обвинял большевиков в присвоении денег, принадлежащих лбовцам. Ленинская печать, с присущей ей правдивостью, заявила, что в утверждениях «Саши» нет ни слова правды. Тогда «Саша» призвал в судьи других социал-демократов. При разборе дела попытка большевиков присвоить деньги «честных уголовников» сорвалась. В поддержку справедливости выступил старый революционер Л. Мартов¹.

Не успел утихнуть скандал с присвоением большевиками денег бандитской шайки, как разгорелся другой — об участии большевистских боевиков, в том числе крупных партийных функционеров, в ограблении государственного казначейства в Тифлисе. Конечно, это ограбление являлось далеко не первым. Но в этом случае ленинцев снова поймали за руку с поличным, когда они пытались разменять украденные 500-рублевые кредитные билеты за границей, за что как уголовники получили срок и провели длительное время в тюрьмах Германии и Швеции.

А тут как назло новый прокол. Берлинская полиция захватила склад оружия и бумаги, которая предназначалась для изготовления трехрублевых кредиток. Экспертиза Имперского банка подтвердила этот

¹ ГАРФ, ф. 1826, д. 11, л. 42.

факт. И снова в тюрьме оказался целый ряд большевиков-ленинцев¹.

В результате успешной операции русской полиции большевистские налетчики были схвачены за руку сразу в пяти городах Европы: Берлине, Мюнхене, Стокгольме, Цюрихе и Париже. В последнем с поличным захвачен организатор незаконных операций в Западной Европе, соратник Ленина иудей М.М. Литвинов, имевший при себе несколько краденых банкнот. При расследовании дела обнаружилось, что один из ленинских соратников, руководитель особо грязных дел, Красин использовал германскую социал-демократическую газету «Форвертс», чтобы переправлять в Россию не революционную литературу (как он это им говорил), а специальную бумагу, необходимую для изготовления фальшивых трехрублевых купюр².

Известный случай с ограблением большевистскими боевиками казначейства в Тифлисе в июле 1907 года представлялся в духе ленинского лукавства. Чтобы не нарушать партийные резолюции о неучастии членов РСДРП в ограблениях, его участники на время вышли из состава местной парторганизации. Совершив ограбление в 200 тыс. руб., они собирались вновь вступить в партию, предварительно передав деньги ленинскому руководству. И все бы им сошло с рук, если бы при размене денег за границей они не попались. Поднялся скандал, и ЦК РСДРП назначил расследование, которое производил Кавказский областной комитет РСДРП. Областной комитет установил целый ряд лиц, принимавших участие в ограблении,

¹ ГАРФ, ф. 1826, д. 11, л. 43.

² Вопросы истории, 1991, № 1. С. 21.

принял постановление об исключении этих лиц из рядов РСДРП, то есть *«принимая во внимание, что они уже вышли из состава местной организации, — объявил недопустимым их принятие в какую-либо другую организацию партии»*.

Однако Ленин не был бы Лениным, если бы позволил исключить из партии преданных ему людей, хотя бы и уголовников. В августе 1908 года Пленум ЦК РСДРП, где преобладали ленинцы, постановил:

1. Отменить постановление Кавказского областного комитета об исключении экспроприаторов из партии, то есть вернуть этим «ликвидаторам», покинувшим организацию для совершения «экса» (ограбления), право быть принятыми вновь в какую-либо организацию.

2. Пленум осудил тех членов партийного руководства за излишнее «расширение рамок расследования» и предал партийному суду Мартова и еще одного члена РСДРП за разглашение партийной тайны¹.

Разгорелась серьезная партийная дразга. Пламенные революционеры обвиняли друг друга во всех грехах. Мартов соглашался на суд, но так же, как Ленин в 1907 году, требовал личного назначения половины судей. Однако, как он сам пишет: *«Мое требование не было уважено, и я вновь ответил ЦК, что подтасованного суда не признаю и что на попытку меня опорочить... немедленно буду реагировать опубликованием той моей бумаги, в которой так убедительно доказано, что Ленин и К° занимаются в интересах «диктатуры пролетариата и крестьянства покровительством бандитизму»*. В конце концов

¹ ГАРФ, ф. 1826, д. 12, ч. 1, л. 21.

Ленин понял, что шум вокруг этого дела ему может только повредить, и поэтому его замял, а Мартову, чтобы успокоить, предложил место в центральном органе партийной печати¹.

Методы борьбы, применяемые эсеровской партией, мало отличались от большевистских, но с особым уклоном на убийство русских государственных деятелей. Только за декабрь 1906 года эсеровской бандгруппой, которую возглавляли Азеф и Савинков, были убиты граф Игнатьев, петербургский градоначальник фон дер Лауниц, главный военный прокурор Павлов².

В деревне эсеры сколачивают дружины (бандгруппы) для осуществления на местах аграрного и политического террора *«в целях устрашения и дезорганизации всех непосредственных представителей и агентов современных господствующих классов»*.

Аналогичные бандгруппы начинают создаваться даже в городах для проведения «фабричного террора». Проповедуется личная вооруженная инициатива. Один из руководителей эсеров Брешко-Брешковская призывает: *«Иди и дерзай, не жди никакой указки, пожертвуй собой и уничтожь врага!»* Каждую свою статью в это время Брешковская заканчивает призывом: *«В народ! К оружию!»*³

«Бей! Бей крепче! Требуй земли и воли, бей чиновников царских, капиталистов и помещиков!» — призывали эсеровские агитаторы.

Чтобы воздействовать на крестьянство, эсеры образовали Крестьянский союз партии социалистов-

¹ ГАРФ, ф. 1826, д. 12, ч. 1, л. 21.

² Чернов В.М. Указ. соч. С. 268.

³ Там же. С. 209.

революционеров, объявив его законным представителем трудящегося крестьянства. Эсеры из этого союза шли на прямой обман, заявляя крестьянам, что якобы представляют все крестьянство и выбраны особыми сельскими и волостными комитетами. Однако в руководстве этого союза не было ни одного крестьянина. Как рассказывали свидетели, члены этого псевдокрестьянского союза не останавливались даже перед подлогом. Перед сбором подписей на составленных заранее в желательном для революционеров смысле приговорах волостных и сельских сходов агитаторы этого союза нередко предлагали крестьянам подписывать не те бумаги, которые были действительно прочитаны на сходках и которые, не заключая в себе ничего преступного, были крестьянами одобрены¹.

В самый разгар злодейских убийств русских государственных деятелей раскрывается настоящее лицо руководителя Боевого террористического центра Евно Азефа. Оказывается, он, находясь на службе в полиции, использовал свое положение для борьбы с Русским государством. Руководство полиции, считая его своим агентом, в течение ряда лет не знало, что в эсеровской партии именно Азеф руководил всей работой по организации политических убийств.

В 1908 году Азефу уже не удастся скрывать свое высокое положение в партии эсеров как руководителя Боевой группы. У полиции возникает серьезное подозрение, что она стала жертвой чудовищной провокации! И в этот момент антирусские силы выводят маньяка-убийцу Азефа из-под удара, представив его

¹ ГАРФ, ф. 826, д. 47, л. 176.

как заурядного полицейского агента, дав ему возможность бежать. Известный масон А.И. Браудо организует на квартире другого масона Е.Е. Кальмановича встречу бывшего директора Департамента полиции А.А. Лопухина¹ с членом эсеровского ЦК Аргуновым, на которой бывший полицейский сообщает эсеру сведения о службе Азефа в полиции.

Ни одна из «прогрессивных» газет не осудила этой чудовищной провокации еврейских экстремистов против правительства. Некоторые органы леволиберальной печати бесстыдно пытались даже использовать ее в борьбе с Царской властью. А были и такие, которые представляли Азефа справедливым национальным *«мстителем за угнетенное еврейство»*. Случай с Азефом еще раз обнажил чудовищность средств, используемых еврейскими погромщиками, и в который раз привлек внимание к еврейскому вопросу.

Несмотря на обвинения царского правительства в антисемитизме, многие законы Российской империи относительно евреев на практике не соблюдались. Прежде всего это касалось черты оседлости. 22 мая 1907 года правительство особым циркуляром запретило местным властям водворять в черту еврейской оседлости тех евреев, которые в годы первой революции и раньше расселились вне ее. Евреи являлись арендаторами и владельцами многих объектов сельской недвижимости. Еврейские организации создали целый ряд специальных банков для оказания дешевого кредита, причем правительство всячески

¹ Есть сведения (хотя и оспариваемые), что и сам Лопухин был масоном (Аронсон Г. Россия накануне революции... Нью-Йорк, 1962. С. 113 — 114).

покровительствовало этим банкам, выделяя им ресурсы из средств Центрального банка. Преобладающая часть населения России таких льгот не имела.

В западных губерниях, несмотря на протесты простых русских людей, местная администрация не назначала базары и однодневные ярмарки в дни еврейских праздников, в субботы, когда евреи по своей религии не могут торговать. Суббота соблюдалась свято, и торговля переносилась на воскресенье¹.

Практически не применялась так называемая процентная норма при приеме в учебные заведения. Многие данные говорят о том, что в большинстве учебных заведений эта процентная норма (5% — по доле евреев в общей численности населения) превышалась в два и более раз.

Чтобы пресечь преступное противостояние евреев Русскому народу, русское правительство совершенно правомерно запрещает сионистское движение. Правительствующий Сенат указом от 1 июня 1907 года разъяснил, что сионистские организации, обнаруживающие стремление к национальному обособлению еврейских масс с целью активной борьбы с существующими условиями правовой жизни еврейства и, следовательно, ведущие к обострению национальной вражды с коренным населением, должны быть признаны запрещенными².

Вместе с тем в России продолжает действовать ряд еврейских обществ. К их числу принадлежало общество «ЕТО» (Еврейское территориолистско-эмиграционное общество), вышедшее из сионистской

¹ ГАРФ, ф. 1467, д. 851, л. 4. — 5.

² Там же, ф. 102, оп. 316, 1905, д. 12, ч. 2 л. 244.

организации и поставившее своей целью организацию колониционного центра для евреев-эмигрантов, приобретения для этих целей какой-либо территории прежде всего в США¹.

Несмотря на многие льготы и послабления со стороны русского правительства, еврейское население продолжало быть самым значительным источником формирования антирусских сил. К 1907 году число евреев, вовлеченных в борьбу против русского правительства, даже увеличилось. Многие эсеровские и большевистские бандгруппы боевиков возглавлялись евреями.

Огромной общественной силой стала еврейская печать. Даже Витте, относившийся к еврейству с большой симпатией (он был женат на еврейке), с раздражением отмечал, что *«вся полуеврейская пресса, типичным представителем которой является Пропер (еврей-издатель газеты «Биржевые ведомости». — О.П.), вообразила, что теперь вся власть в их руках, а потому самозабвенно нахальничала...»*

В 1906 году еврейские националистические круги принимали все возможные меры, чтобы осложнить положение русского правительства, сорвать получение им во Франции денежных кредитов. Учредитель саратовского отделения Всероссийского Союза достижения равноправия евреев Кальманович организует через своих французских братьев встречу делегации кадетской партии с французским министром Клемансо². Однако тогда их попытка сорвалась.

¹ ГАРФ, ф. 1467, д. 851, л. 255.

² Там же.

ГЛАВА 10

Отечественная война против еврейских погромщиков. — Народный подъем. — Русские против организаторов погромов. — Ужас преступного сообщества

Поднимая антирусское восстание, преступное сообщество, возглавляемое либерально-масонским подпольем и еврейскими кругами, полагало, что в борьбе против правительства оно будет обладать моральным и численным превосходством. В свой актив преступное сообщество включало всю интеллигенцию, лишенную национального сознания (а она составляла большинство), земское и городское самоуправление, всю печать, организации врачей, юристов, еврейское, польское и финское население. Но, подсчитав все, оно не учло главного — самого русского народа, ибо для него он был чем-то пассивным, зависимым только от того, какое начальство над ним поставлено. Русское государство в глазах преступного сообщества отождествлялось с государственным аппаратом. Враги русской власти не понимали, что корни ее уходят в народную массу. Как справедливо отмечал Солоневич — Царская власть в России была

функцией политического сознания народа, и народ устанавливал и восстанавливал эту власть совершенно сознательно, как совершенно сознательно ликвидировал всякие попытки ее ограничения¹.

В начале XX века политическое сознание Русского народа еще не было повреждено, и в ответ на анти-русское восстание возникла естественная охранительная реакция, выразившаяся в патриотическом объединительном движении русских людей для уничтожения общего врага.

Русский народ, — писала в те дни газета «Киевлянин», — «свято верит в Бога, его земная путеводная звезда — Русский Царь, он глубоко любит свое отечество. Не касайтесь его святынь и уважайте его народное чувство. Не говорите, что русский народ — раб. Это великий и любящий народ. Вы не понимаете его веры, вы не понимаете его любви, как он не понимает вас. Но вы заставили его понять, что значит революционное насилие, вы заставили его понять, что вы предаете поруганию его святейшие верования...»².

На защиту Самодержавия встали лучшие русские люди. Они пользовались всеми разумными возможностями, чтобы доказать сомневающимся органичный характер власти русских Самодержцев, вытекающий из народного духа и сознания.

«А вы, друзья, — обращался к русским людям святой праведный Иоанн Кронштадтский, — крепко стойте за Царя, чтите, любите его, любите святую Церковь и Отечество, и помните, что Самодержа-

¹ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 402 — 403.

² Киевлянин, 19.10.1905.

вие — единственное условие благоденствия России, не будет Самодержавия — не будет России; заберут власть евреи, которые сильно ненавидят нас». Русский святой постоянно повторял, что, если не будет монархии, не будет и России; только монархический строй дает прочность России, при конституции она вся разделится по частям.

«Мы же, братья, — говорил архиепископ Тихон, — будем молить Господа, дабы Он и на далее сохранил для России Царя Самодержавного и даровал ему разум и силу судить людей в правде и державу Российскую в тишине и без печали сохранить».

Русское охранительное движение осуществлялось в самых разнообразных формах — от стихийных взрывов русских людей, возмущенных деятельностью еврейских погромщиков, до хорошо отлаженной работы в рамках патриотических организаций. Накал движения был пропорционален напору анти-русских сил, достигнув своего пика в конце 1905 — 1906 годов, превратившись тогда в настоящую Отечественную войну русских людей против врагов исторической России.

Первые случаи патриотического подъема отмечаются еще летом 1905 года. Так, в Нижнем Новгороде портовые рабочие собрались и разогнали революционную демонстрацию под красными флагами¹. В Москве же патриотически настроенные граждане по-своему учили сионистских подстрекателей уважению к Царю, пинками заставляя смутьянов снимать шапки при выносе царских портретов. Известно множество случаев, когда простые горожане и жи-

¹ Измestьев Ю.В. Россия в XX веке. Нью-Йорк, 1990. С. 49.

тели окрестных деревень предлагали свою помощь властям для поимки еврейских боевиков, уличенных в погромах.

7 августа 1905 года казачий патруль столкнулся в лесу с бандой революционеров. Казаков обстреляли из-за кустов, один был убит. Рабочих окрестных фабрик этот случай так возмутил, что они попросили у губернатора разрешить им в следующее воскресенье сделать облаву на эту шайку, которая тревожит их покой и творит всякие непотребства¹.

После амнистии государственных преступников, которую правительство провело по настоянию Витте, возмущенные русские люди стихийно собирались возле тюрем, протестуя против освобождения бандитов, осужденных за погромы русского населения. Освобожденные по амнистии выходили из тюрем с большой осторожностью (а некоторые даже просили пока поддержать их в тюрьме), так как боялись самосуда.

На Кубани, в Армавире, русские люди, уставшие от бандитских вылазок еврейских революционеров, начали самостоятельно разделываться с главарями революционного движения².

После выхода в свет Манифеста 17 октября все коренные русские были оскорблены в своих лучших чувствах. Их политическое сознание подсказывало им, что Манифест навязан Царю силой, что он по сути дела отменяет русское самодержавие, заменяя его чем-то чужим и непонятным. Волна крайнего возмущения прошла по всей России. В большинстве горо-

¹ ГАРФ, ф. 826, д. 47, л. 59.

² Там же ф. 1467, д. 851, л. 49.

дов и населенных мест прокатились стихийные патриотические манифестации в поддержку Царя. После многих таких манифестаций русский народ превращался в грозную силу, по-своему разделявшуюся со всеми, кто пытался разрушить Русское государство. Самосуд над революционерами, избиение интеллигентов, лишенных национального сознания, и евреев были вполне естественной и оправданной реакцией русского народа против произвола, погромов и кровавых бесчинств антирусских сил. Это было массовое, многомиллионное движение русских людей, которое своей творческой силой и предрешило исход антирусского восстания 1905 года.

В Архангельске несколько тысяч русских рабочих с царскими портретами и иконами, с пением «Боже, Царя храни», «Спаси, Господи» прошли по городу, где столкнулись с революционной демонстрацией. Отставив в сторону портреты и иконы, рабочие засучили рукава и крепко поколотили «демократов». А над зачинщиками, в частности, неким профессором Гольдштейном, призывавшим к свержению Царя, расправились самосудом. Как сообщали газеты: *«Много раненых политиков, ранены мореходные техники и гимназисты... Толпа хотела убить Переверзева (революционера. — О.П.), но тот успел убежать с Ивановым, а на другой день они уехали в Петербург. Тартаковского, присяжного поверенного, поймали и заставили встать на колени перед портретом, поцеловать его, пропеть «Боже, Царя храни». Побито много евреев»*¹.

В Ярославле патриотическая манифестация столк-

¹ Набат, 27.10.1905.

нулась с революционной. Революционные боевики стали стрелять в безоружных, ранив четырех русских людей. Ударили в набат, на который сбегалось большое количество горожан с камнями и кольями. К вечеру все еврейские провокаторы и их сторонники попрятались, а улицы патрулировали группы патриотической общественности, занимавшиеся серьезной воспитательной работой с интеллигенцией и евреями.

«Демократический» митинг во Владимире во второй день после опубликования Манифеста был разогнан патриотической общественностью, возмущившейся преступными выпадами против Царя. Патриотическая манифестация, проходившая по улицам города, немедленно расправлялась со всеми, кто считал врагом Царя. В одной из колонн несли самодельное белое знамя, на котором красной краской от руки было написано: «Долой республику!» Разбившись на группы, патриоты стали по отдельности разбираться с зачинщиками местного революционного движения. Были разгромлены квартира, снятая революционерами для проведения собраний, и публичные дома, содержащиеся родными и близкими революционеров-евреев.

В Твери революционные смутьяны, засевшие в здании городской управы, были осаждены возмущенной патриотической общественностью. Возбужденные русские люди закидали управу камнями и с улицы и со двора, выбили окна и двери, ворвались в нижний этаж и, не имея возможности проникнуть в верхний этаж, где забаррикадировались и отстреливались революционеры, подожгли здание управы со всех сторон. Когда революционеры стали выбегать из горя-

щего здания, их встречали русские люди с поленьями в руках и хорошенько колотили. После этого случая революционная интеллигенция ушла в подполье.

В Сызрани еврейские партии 19 октября пытались взять власть в городе. Небольшая толпа в 200 — 300 человек, включавшая и вооруженных погромщиков, с красными флагами и под пение «Марсельезы» пошла насильно закрывать предприятия, магазины, лавки, почту и телеграф, угрожая оружием всем неподчинившимся. На мельнице Пережогина, который не захотел подчиниться еврейским громилам, толпа бандитов выломала ворота, спустила пар из котлов, выключила электричество. К вечеру город был полностью парализован, нигде нельзя было купить съестного и даже вызвать врача, так как извозчики боялись ездить. Власть проявила полную нерешительность. И тогда порядок в городе восстановили сами горожане. На следующее утро, когда толпа интеллигентов, учащейся молодежи и разных полупролетариев под руководством революционеров двинулась по городу вторым кругом, жители, собравшись в несколько групп, палками и камнями разогнали демонстрацию. Горожане бежали за смутьянами вдогонку, сшибали с ног, колотили кольями, некоторых революционных заводил просто изуродовали. Всю ночь до утра горожане восстанавливали порядок в городе, обыскивая каждого проходящего интеллигента или еврея.

В Саратове стихийное народное движение в защиту Царской власти развивалось 19 — 20 октября. Поводом послужил революционный митинг на Театральной площади, на котором обнаглевшие еврейские громилы призывали к немедленному свержению Царя, оскорбляя православные святыни, глуми-

лись над Русской Церковью. Пока шел митинг, недалеко, на Верхнем базаре, стал собираться русский народ, прослышавший, что «революционеры и жидаы» хотят, «чтобы не было Царя и церквей». Возмущенная оскорблением своих святынь, патриотическая манифестация в несколько тысяч человек двинулась на митинг, не сближаясь с ним, а выражая только протест. Но при приближении к митингу вооруженные погромщики стали палить по патриотам из револьверов, убив несколько человек. Патриотическая колонна отхлынула, а затем, схватив камни и дубины, снова двинулась на врагов Отечества. И опять еврейские громилы стреляли в безоружный народ. Однако численный перевес был на стороне народа, и погромщики с позором бежали, многие бросали свои револьверы, боясь быть схваченными с оружием в руках. Тем более что к месту беспорядков подходили войска.

Одним из центров народного протеста стала площадь возле редакции газеты «Приволжский край», бывшей одним из штабов еврейских партий, регулярно публиковавшей погромные лозунги, призывавшие к свержению законной русской власти и за продолжение всеобщей забастовки против правительства. Патриоты буквально осадили редакцию и с возгласами «Вот забастовщики!», «Бей их!» начали выворачивать камни из мостовой и бросать камнями в окно редакции. Революционные агитаторы с позором бежали задним ходом; от окончательной расправы над представителями «революционной прессы» спас отряд казаков, присланный саратовским губернатором Столыпиным.

Однако возмущение русских людей не утихало

еще два дня. Патриоты отлавливали интеллигентов и евреев, обыскивали их, и если находили оружие, то сильно избивали и отпускали уже безоружных. Разгромлен целый ряд домов и лавок, преимущественно еврейских, в которых, по данным толпы, жили революционеры или те, кто был против Царя. Как правило, разгромив лавку или магазин, русские люди ничего оттуда не брали, а выкидывали все на улицу в грязь.

На следующий день отряд революционных боевиков, собранный еврейскими партиями из боевиков других мест, напал на патриотическую демонстрацию русских людей, используя бомбы и револьверы. Погромщики убили и ранили около 30 человек. Бомбой, кинутой в гущу толпы, были разорваны несколько человек. Такое злодейство еще больше взбудоражило город, участились случаи самосуда. Некоторых погромщиков, захваченных с оружием в руках, возбужденная толпа казнила на месте. Евреи и революционеры в панике бежали из города. Узнав между прочим, что многие еврейские погромщики садятся на пароход, стоявший у пристани, толпы русских людей с кольями и камнями кинулись к пристани, желая совершить самосуд над ними, но пароход уже успел отвалить.

Порядок в городе в конце концов был восстановлен решительными действиями губернатора Столыпина, который приказал повсюду расклеить объявления: *«Объявляю населению, что публичное произнесение мятешных речей и дерзких возгласов против Особы Государя Императора, составляя государственное преступление, будет прекращаться силою и виновные немедленно подвергаются аресту. В случае производства, как это было сегодня, из толпы вы-*

стрелов и бросания бомб, — войска откроют огонь. Если повторится стрельба из домов — будет действовать артиллерия...» Все два дня Столыпин разъезжал по городу с большим конвоем казаков, обращаясь к возбужденным людям с речами, требуя успокоиться и разойтись. В толпе русских людей об этих речах Столыпина говорили: *«Сказал, успокойтесь, все будет по-вашему. А жидов я выселю из Саратова в три дня — такие получены мною сегодня правила»*¹.

Казань после объявления Манифеста была захвачена еврейскими партиями, образовавшими отряды погромщиков и полностью контролировавшими город. Губернатор стал игрушкой в руках погромщиков. Но русские люди не выдержали чуждой им диктатуры. 21 октября на главную площадь стихийно начали стекаться тысячи жителей и, собравшись в колонны, с государственными флагами, портретами Царя и иконами двинулись по улицам Казани. А тем временем в городской Думе погромщикам из еврейских партий выдавалось оружие.

Патриоты, подойдя к Думе, разогнали охранные отряды погромщиков и заставили оркестр, игравший недавно революционные песни, играть *«Боже, Царя храни»*.

Но тут погромщики, укрывшиеся в Думе, попытались разогнать толпу выстрелами в воздух и затем и в саму толпу. Вооруженные жители, поддержанные солдатами, кинулись на Думу. Укрывшиеся в ней бандиты забаррикадировались и стали отстреливаться. Солдаты и патриоты-жители совместными усилиями подавили вооруженных громил, заставив их сдать ору-

¹ Самарская газета, 1905, № 202.

жие, а некоторых погромщиков в ожесточении казнили на месте.

В Стародубе Черниговской губернии евреи организовали вооруженный отряд, который стал совершать погромы русских жителей. Евреи устроили демонстрацию, на которой призывали к свержению Царя и топтали его портрет. Возмущенные горожане пытались их увещевать, тогда погромщики стали стрелять, а безоружные люди кинулись бежать из города. Еврейский отряд преследовал их до границы города. Возле застав стояли городовые и умоляли жителей вернуться и *«не дать городу погибнуть от жидов»*. Ударили в набат, призывавший жителей к *«сбору»*. Крестьяне, оставив лошадей на выгоне, стали толпами возвращаться обратно, вооружившись кольями, топорами, ломами, железными палками. Так как еврейские погромщики, прогнавшие жителей из города, были родственниками разных городских лавочников, то возмущенные люди попутно разбили лавки и выкинули товары в грязь, заставив евреев бежать из города.

В Ростове-на-Дону сразу после объявления Манифеста экстремисты, преимущественно евреи, соединились в банду, вооруженную ружьями и револьверами, 30 из них были на конях. Эти бандиты попытались захватить власть в городе. Патриотическая манифестация, протестовавшая против бесчинств погромщиков, была расстреляна, и тогда горожане восстали, заставив погромщиков бежать из города. По инерции были разгромлены многие еврейские магазины и избиты представители местной интеллигенции, поддерживавшие сионистов. Против вооруженных ружьями и пистолетами еврейских громил русские люди действовали ломами, топорами, палками и металли-

ческими прутьями, не оставив в живых ни одного революционера.

В Томске 21 октября проходила мирная патриотическая манифестация под национальными флагами и с портретами Царя. Возле дома архиерея манифестанты остановились, просили отслужить в соборе благодарственный молебен о здравии Государя. Процессия подошла к Соборной площади, но здесь ее ждала шайка бандитов, руководимая евреями, встретившая русских людей градом выстрелов. Сначала толпа дрогнула, а затем тысячные массы одним духом поднялись и буквально смели стрелявших погромщиков, которые стали отступать, забаррикадировавшись в театре и близлежащих домах. Из окон погромщики стреляли в участников шествия. Тогда разбушевавшаяся толпа подожгла здание под крики: «Навсегда истребим крамолу!» Вместе с преступниками погибло немало случайных людей, но в городе не осталось ни одного погромщика.

В Симферополе около 300 вооруженных револьверами погромщиков подкараулили патриотическую манифестацию с царскими портретами. Когда колонна поравнялась с ними, погромщики, скрывавшиеся за деревьями, закричали: *«Вот несут портреты хулигана»*, *«Долой самодержавие!»*, *«Долой полицию!»*, а затем начали стрелять в безоружную толпу. Первым залпом ранили семь человек и убили двух, метили в тех, кто нес царский портрет.

Но безоружные патриоты не испугались, более того, они стали вырывать колья, ломать заборы, поднимали камни с земли и с таким «оружием» кинулись на вооруженных бандитов. Как пишут очевидцы, свершилось страшное, кровавое дело. Крики ужаса и смя-

тения смешались со стонами не ожидавших такого отпора погромщиков, падающих под ударами дубин. В несколько минут было убито 47 еврейских бандитов, а остальные в паническом страхе бросились бежать во все стороны, стреляя на бегу куда попало. Улицы Симферополя были залиты кровью. *«Но кто же виноват? — спрашивает очевидец, — кто вызвал эту дикую саморасправу? Те ли, которые мирно, с пением молитв и гимна, несли портреты Царя, или те, что имели безумную дерзость бросить кровавый, смертельный вызов всему Русскому народу, начав стрелять в безоружную, мирную патриотическую манифестацию?»*¹

Левая печать представила это событие как еврейский погром по той причине, что убитые бандиты принадлежали к еврейской национальности. Факты были извращены, не стеснялись самых грубых лже-свидетельств. Террористов, схваченных с оружием в руках, хранивших большое количество оружия и бомб дома, представляли невинными овечками, пострадавшими от рук черносотенцев. Левая печать так запугала местные власти, что все 35 бандитов, схваченных с оружием в руках, полицией были отпущены на волю. Этот шаг вызвал взрыв возмущения среди простого народа. Начались разгромы лавок и магазинов. На процессе дело было повернуто против патриотов, судили не бандитов, а случайно схваченных при разгромах еврейских лавок и нескольких полицейских, участвовавших в отпоре бандитам. Еврейские боевики же остались без возмездия².

¹ ГАРФ, ф. 1467, д. 851, л. 28.

² Там же.

В Киеве еврейские партии уже 18 октября организовали налет на городскую Думу. Шли под красными флагами, а затем возле здания митинговали, понося все русское, призывая убивать полицию и солдат. В здании Думы был совершен погром, рвали царские портреты, крушили царские символы, разбили мраморную доску в память о посещении Царя. Заправляли беспорядками иудеи Шлихтер и Ратнер. В Думе стали записываться в еврейские бандгруппы по борьбе с самодержавием, раздавали оружие, собирали деньги на приобретение оружия. Прямо из Думы стреляли в солдат. По рассказу очевидца, один революционер *«с рыжей носатой физиономией еврейского типа»*, прорвав полотно в портрете Государя и просунув голову, заорал: *«Долой Николку! Теперь я могу быть Царем!»* Толпа в зале кричала *«Ура!»*¹.

Такое кощунство и осквернение русских святынь вызвало страшное негодование русских людей.

Стихийно поднялась мирная патриотическая манифестация. Тысячи людей с пением *«Боже, Царя храни»* шли колоннами к Думе. Из Думы был вынесен разорванный накануне портрет Государя. С пением народного гимна, с обнаженными головами русские люди пришли к Софийскому собору. Портрет Государя и царскую корону внесли в собор, до тесноты переполненный молящимися. После молебна начался крестный ход. При колокольном звоне и пении народного гимна шествие вышло из собора. Впереди несли хоругви и национальные флаги, затем шли священник и хор певчих и далее — восемь портретов Государя, царскую корону и поломанное в думском зале

¹ Киевлянин, 1905, № 311.

зерцало. Шествие шло по всему городу, а по ходу к нему присоединялось все больше и больше русских людей, из учреждений выносились царские портреты, которые встречались криками «Ура!». В некоторых местах шествие останавливалось: русские люди обращались к согражданам с речами.

У еврейских экстремистов патриотические манифестации вызвали чувство злобной ненависти. В некоторых местах в мирное шествие русских людей еврейские провокаторы стреляли из-за угла. В ответ охранявшие город солдаты открыли стрельбу по домам, из которых раздавались выстрелы¹.

К вечеру ситуация обострилась. То тут, то там раздавались выстрелы вооруженных бандгрупп. Как писала патриотическая печать, *«на евреев обрушилась месть за оскорбление народных чувств революционерами»*². В Лыбедском участке появились возбужденные группы простых людей, возмущенных поведением еврейских погромщиков, стали нападать на еврейские лавки. В еврейских частях города все еврейские магазины были разгромлены. Товары выбрасывали на улицу, топтали, уничтожали. Мостовая была усеяна разбросанными и развороченными кусками тканей, обломками мебели, часов, а в некоторых местах сплошь покрыта пухом.

В Нежине толпа студентов, гимназистов, главным образом евреев, отправилась закрывать административные учреждения, учебные и торговые заведения. Причем везде, где им попадались царские портреты, они их уничтожали в клочья.

¹ Киевлянин, 20.10.1905.

² Там же.

И тогда простые люди решили поучить студентов и гимназистов, привести их еще раз к государственной присяге. 21 октября, после молебна о восшествии на престол Государя, трехтысячная масса крестьян с портретами Царя, хоругвями и иконами направилась к зданию Филологического института, где укрывались многие революционеры. Перетрусившие студенты наглухо заперлись. И тогда крестьяне потребовали: *«Отворите, а то разнесем, камня на камне не оставим»*. Двери открыли, крестьяне вошли и потребовали установить царский портрет.

Как рассказывают очевидцы, несколько студентов немедленно принесли большой портрет Государя и вместе с ним направились к Соборной площади. Беспрекословно исполнили студенты все требования. Усердно пели *«Боже, Царя храни»*. Особенно старались евреи, за которыми толпа старательно следила. Шествие тронулось. Остановки производились у тех учреждений, где были растерзаны портреты Государя. Под грозным оком крестьянства пение гимна в этих местах было особенно громким.

«По мере приближения к собору толпа все росла и росла. Портрет Царя был установлен на площади; раздалась команда: «Бунтовщики, на колени!» Без малейшего колебания все студенты и евреи опустились на колени прямо в грязь. «Присягать! Жиды особо!» Студенты, стоя на коленях и подняв правые руки, громко произносили требуемую от них клятву: «Не бунтовать, Царя поважать». Затем поодиночке они подходили к портрету, становились на колени и целовали его. Тем же порядком приводились к присяге и евреи, но для этого был вытребован раввин и принесен особый еврейский балдахин.

«А давайте сюда список усих демократив!» (об этом списке говорилось на революционном митинге, а сотни раз произнесенное слово «демократы» прочно укрепилось в памяти крестьян). Подали и список. Стали делать проверку; как только не оказывалось налицо занесенного в список «демократа», немедленно отряжалось на поиски несколько крестьян, разыскивали и приводили к присяге; евреи требовались все, независимо от того, фигурировали ли их имена в списке; множество евреев массами заперлись в нескольких домах; эти дома открывались, евреев чинно вели на площадь и по установленному ритуалу приводили к присяге»¹.

В Одессе еврейские партии образовали «временное правительство». Из-за преступной халатности местных властей город оказался в руках вооруженных еврейских погромщиков. На улице находились посты еврейских боевиков, на окраинах сформировались еврейские заставы, которые никого не пропускали без обыска. Убивали городских, стоявших на своих постах. Убивали *«обычно ночью, подкрадываясь в темноте и поражая в спину ни в чем не повинную жертву»*. Войска и полиция бездействовали.

Тогда безоружные люди с портретами Государя, иконами и национальными флагами, отслужив молебен, пошли по городу через еврейские заставы, среди вооруженной еврейской «милиции». Погромщики решили, что *«мятежников и бунтовщиков под национальным флагом и с эмблемой царской власти»* нужно встретить решительно, разогнать и уничтожить. В этом решении открыто проявился антирусский ха-

¹ Киевлянин, 1905, № 298.

рактер еврейских бандитов. В безоружных русских людей под царскими портретами и знаменами стали стрелять, два простых русских человека, несших царский портрет, были убиты наповал, а потом в процессию бандиты бросили бомбы.

И тогда русские восстали. Началась беспощадная Отечественная война невооруженных русских людей *«с поголовно почти вооруженными евреями и революционерами»*. Массовый подъем привел в ужас в общем-то трусливых преступников. Они разбежались, попрятались по разным щелям, то тут, то там стреляли в спину из-за угла. К вечеру больницы приняли до 200 раненых русских и всего 70 евреев¹. Таков был итог противоборства безоружных русских людей и вооруженных еврейских погромщиков.

Практически все случаи народного протеста против антирусского террора еврейских партий интерпретировались леволиберальной печатью как погромы и хулиганские выходки. Российская интеллигенция, молчавшая, когда революционеры убивали русских людей, истерически завопила, когда русские люди стали по-своему расправляться с еврейскими бандами, посягнувшими на их святыни. Да, евреям тогда досталось тоже. Но били их не как евреев, а как зачинщиков и участников антирусского движения, на $\frac{3}{4}$ состоявшего именно из евреев. Гнев русского народа справедливо поразил всех, кто стремился к разрушению Русского государства. Руками народа были казнены люди, лишенные всего святого, национально невежественные, поднявшие восстание против законной русской власти, против самого Русского наро-

¹ Киевлянин, 14.11.1905.

да. Всего в результате Отечественной войны Русского народа против бесовщины численность еврейских террористов и агитаторов снизилась примерно на 4 тыс. человек, а около 20 тыс. в панике бежали за границу.

«Результат случился понятный и обыкновенный, — писал Государь своей матери 27 октября 1905 года, — ...народ возмущился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как ⁹/10 из них жиды, то вся злость обрушилась на тех — отсюда еврейские погромы. Поразительно, с каким единодушием и сразу это случилось во всех городах России и Сибири. В Англии, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полицией, как всегда — старая, знакомая басня! Но не одним жидам пришлось плохо, досталось и русским агитаторам: инженерам, адвокатам и всяким другим скверным людям. Случаи в Томске, Симферополе, Твери и Одессе ясно показали, до чего может дойти рассвирепевшая толпа, когда она окружала дома, в которых заперлись революционеры, и поджигала их, убивая всякого, кто выходил...»¹.

¹ Красный архив. Т. 22.

ГЛАВА 11

«Победа Израиля». — Евреи спасли советскую власть. — Еврейские погромы в советский период

Зато после захвата власти еврейскими большевиками в 1917 году национальная жизнь русского народа оказалась под полным запретом, резко возросла националистическая активность еврейских (сионистских) общин в разных городах России. При полном разгроме практически всех национальных организаций (не только русских) сионистские организации оказались под особой опекой большевистского правительства. Очень влиятельной силой стала еврейская община в Москве, которая не только не была запрещена, но вошла в механизм власти большевизма. Возрастание роли еврейского самоуправления сопровождалось созданием новых еврейских организаций. В 1918 году возникает Центральное бюро еврейских секций при ЦК РКП(б), которое руководило деятельностью большевизированного еврейства и еврейских бюро на местах, а также еврейскими общественными организациями, отделами при Наркомнаце, Наркомпросе, Главполитпросвете.

Летом 1920 года возникает также Еврейский общественный комитет помощи пострадавшим от войн, погромов и стихийных массовых бедствий. Он был создан с разрешения ЦК РКП(б) с условием «обеспечения в нем большинства за коммунистами».

Складывание большевистских финансов за рубежом происходило при решающей поддержке еврейского финансового капитала.

В 1919 году в Нью-Йорке было открыто так называемое Советское бюро, состоявшее сплошь из евреев, занимавшихся экономической поддержкой большевистского режима, тайной распродажей ценностей, вывозимых из России, а также агитацией в пользу большевиков. С деятельностью этого бюро были связаны самые различные лица: масон М. Грузенберг и журналист Д. Рид, предприниматели отец и сын Хаммеры и др. В условиях вражды к большевикам бюро существовало только за счет поддержки еврейских банкиров с Уолл-стрит. Американские банкиры и предприниматели, сотрудничавшие с бюро, выполняли роль финансовых агентов большевиков¹.

В Западной Европе подобную роль играли бывшие российские банкиры еврейского происхождения, состоявшие в масонских ложах, в том числе небезызвестный Дмитрий («Митька») Рубинштейн (после революции некоторое время находившийся в Стокгольме), Абрам Животовский (родственник вождей революции Троцкого и Л. Каменева), Григорий Лессин, Штифтер, Я. Берлин, Г. Бененсон (бывший директор Англо-Русского банка, в совете директоров которого находился госсекретарь по иностранным

¹ См.: Sutton A. Wall Street and the Bolshevik Revolution. New Rochelle, 1974.

делам Англии и создатель Декларации о еврейском «национальном очаге в Палестине» лорд Бальфур)¹.

В 1919 — 1920 годах националистическое еврейство испытывало головокружение от «успехов, достигнутых в России». У многих даже выработалось своеобразное отношение к Красной Армии как к военной силе еврейского народа, возглавляемой его лидерами, а на красноармейцев они смотрели как на своего рода наемников.

В 1919 году в боях с эстонскими вооруженными формированиями был убит красный батальонный командир 11-го стрелкового полка Зундер. В кармане у него был обнаружен документ:

«Секретно. Представителям отделов Всемирного израильского союза.

Сыны Израиля! Час нашей конечной победы близок. Мы стоим накануне мирового господства. То, о чем ранее мы могли лишь мечтать, теперь превращается в действительность. Слабые и беспомощные еще недавно, теперь мы, благодаря общему крушению, с гордостью поднимаем голову.

Однако мы должны быть осторожными, так как с уверенностью можно предсказать, что, перешагнув через разгромленные алтари и троны, мы должны еще далее двигаться по намеченному пути.

Авторитет и верования чуждой нам религии удачною пропагандою и разоблачениями мы подвергли беспощадной критике и насмешкам. Мы ниспровергли чужие святыни, мы поколебали в народах и государствах их культуру и традицию. Мы совершили все, чтобы подчинить русский народ еврейскому могуществу и за-

¹ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 125 — 126.

ставить его, наконец, стать перед нами на колени. Мы почти достигли всего этого, однако... мы должны быть осторожными, так как наш исконный враг — поработенная Россия. Победа над нею, достигнутая нашим гением, может когда-нибудь, в новых поколениях обратиться против нас.

Россия повергнута в прах, находится под нашим владычеством; но ни на минуту не забывайте, что мы должны быть осторожными! Священная забота о нашей безопасности не допускает в нас ни сострадания, ни милосердия.

Наконец-то мы увидели нищету и слезы русского народа! Отняв его имущество и золото, мы превратили этот народ в жалких рабов.

Будьте осторожны и молчаливы. Мы не должны иметь жалости к нашему врагу, нужно устранить от него лучшие и руководящие элементы, чтобы у покоренной России не было вождя. Этим мы уничтожим всякую возможность сопротивляться нашей власти. Надо разбудить партийную ненависть и развить междоусобицу среди крестьян и рабочих. Война и классовая борьба уничтожат культурные сокровища, созданные христианскими народами. Но будьте осторожны, сыны Израиля! Наша победа близка, так как политическое и экономическое могущество и наше влияние на народные массы усиливаются. Мы скупаем государственные займы и золото и этим господствуем на биржах мира. Мощь в наших руках; но будьте осторожны...

Сыны Израиля! Близок час, когда мы достигнем долгожданной победы над Россией. Тесней сомкните ряды. Проповедуйте громко национальную политику нашего народа. Бейтесь за наши вечные идеалы!

*Центральный Комитет Петроградского
Отдела Всемирного израильского союза»*

Текст обращения был опубликован во многих газетах мира¹.

Большинство евреев, даже не считавших себя большевиками, негласно поддерживало Советскую власть, считая ее своей, еврейской. Даже многие богатые евреи, опасавшиеся за свое имущество, предпочитали красных белым. Вместо преимуществ, даваемых богатством, они и их дети получали массу преимуществ, которые давались близостью к власти и возможностью самим стать властью над Россией. Евреи, по словам Ленина, *«спасли Советскую власть» — «евреи же создали и каркас этой власти и тем самым дали основание народу отождествлять Советскую власть с властью еврейства»*². В результате этого многие простые люди — крестьяне, рабочие и даже красноармейцы — заняли активную антиеврейскую, то есть антисоветскую, позицию. В народе появляются новые поговорки и пословицы: *«Революция наступает — жид Россией управляет»* (или: *«Революция вершится — жид на царский трон садится»*), *«Жид спешит Царя убить, чтоб Россию поделить»*, *«Густо жид в Москву набрался — знать, Россию грабить взялся»*, *«Комиссар московский — завсегда жид Шкловский»*, *«Жид газеты все скупил — ум людей брехней забил»*, *«Коль газеты ты читаешь — жида душу сам вручаешь»*, *«Жиду все мы покорились — с матью Русью распростились»*³. Реакция многих красноармейцев на ев-

¹ В переводе с еврейского приведенный документ публиковался в газетах: «Postimees» (Юрьев. 31.12.1919), «Teataja» (Ревель. 31.12.1919), «Призыв» (Берлин. 6.2.1920), «Morning post» (Лондон. 3.4.1920), «Вечернее слово» (Севастополь. 2.5.1920).

² Дикий А. Указ. соч. С. 228.

³ Луч света. № 7. 1925 — 1926. Новый сад. С. 71.

рейское засилье была устрашающей. В те же 1919 — 1920 годы в Красной Армии поднимаются стихийные бунты против еврейства, выражаемые в разгромах усадеб и домов зажиточных евреев, особенно тех, которые пытались наживаться на трудностях красноармейцев, рассматривая их как пушечное мясо для достижения иудаистских интересов.

В сводке ВЧК за ноябрь 1920 года сообщается о разгромах домов евреев бойцами Первой Конной армии Буденного: *«Новая погромная волна прокатилась по району. Нельзя установить точное количество убитых... Отступающие части 1-й Конной армии (и 6-я дивизия) на своем пути уничтожали еврейское население, грабили и убивали. Рогачев (более 30 убитых), Барановичи (14 жертв), Романов (не установлено), Чуднов (14 жертв) — это новые страницы еврейских погромов на Украине. Все указанные места совершенно разграблены. Разгромлен также район Бердичева... Горшки и Черняхов совершенно разграблены».* Аналогичные события фиксируются и в июне — июле 1921 года: *«Бандитско-погромные события в Минской и Гомельской губерниях начинают развиваться с катастрофической быстротой и в украинском масштабе. Особо крупные погромы: в Капаткевичах 10 июня (175 жертв), Ковчицы 16 июня (84 жертвы), Козловичи (46 жертв), Любань (84 жертвы), Кройтичи, Пуховичи, пароход у Родула (72 жертвы). Этот бандитизм, с которым не борются волисполкомы, военкоматы, особые отделы...»*

Особенно сильные еврейские погромы произошли в Глухове и Новгороде-Северском в 1918 году. *«Эти погромы, количеством жертв... превзошли из-*

вестный погром в Калуше в 1917 году, произведенный революционными солдатами... красные войска не раз порывались расправиться с евреями, и во многих случаях это им удавалось; нередко были тогда и невоенные погромы: громили евреев горожане, крестьяне, вернувшиеся с фронта солдаты...»¹. Погромы производились также регулярными войсками так называемой Украинской Народной Республики, руководство которой состояло из леворадикалов и масонов, имевшее в своем составе министра еврея, киевского адвоката А. Марголина. 4 марта 1919 года командир Запорожской бригады, расположившейся под Проскуровом, атаман Семесенский отдал приказ истребить все еврейское население города Проскурова. В приказе указывалось, что покоя в стране не будет, пока останется жив хоть один еврей. За один день расстреляли, по разным оценкам, от 3 до 5 тыс. евреев. Антиеврейские выступления наблюдались в 180 населенных пунктах малороссийских губерний. Восставшие истребили от 25 тыс. до 100 тыс. евреев².

¹ Россия и евреи. Берлин, 1924. С. 64.

² Дикий А. Указ. соч. С. 221 — 222.

ГЛАВА 12

Еврейский погром русского народа. — Неслыханные зверства. — Массовые убийства русских

Диктатура над русским народом, установленная партией Ленина, по определению самого «вождя», означала ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютными правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть. *«Эта диктатура, — заявлял Ленин 27 мая 1919 года, — предполагает применение беспощадного, сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата».*

«Террор, — вторил ему Л. Троцкий, — как демонстрация силы и воли рабочего класса получит свое историческое оправдание в том факте, что пролетариату удалось сломить политическую волю интеллигенции». «Мы, — утверждал за ними Дзержинский, — представляем собой организованный террор. Это должно быть сказано совершенно ясно».

Уже в первые месяцы большевистской революции ее вожди планировали уничтожение по крайней мере 10 млн. русских людей.

*«Мы, — декларировал на 7-й петроградской большевистской конференции в сентябре 1918 года Г.Е. Зиновьев, — должны увлечь за собой 90 млн. из ста населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить, их надо уничтожить»*¹. Присутствующие партийцы с восторгом зааплодировали. В декларировании террора Зиновьев был не только теоретиком, но и повседневным практиком. Нередко приемы в его кабинете заканчивались расстрелом его недавних гостей. Очевидец рассказывал, как, находясь в Смольном, видел, что к Зиновьеву в кабинет пришла какая-то депутация матросов из трех человек. Зиновьев принял их и, почти тотчас же выскочив из своего кабинета, позвал стражу и приказал: *«Уведите этих мерзавцев во двор, приставьте к стене и расстреляйте! Это контрреволюционеры...»* Приказ был тотчас же исполнен без суда и следствия².

Ленин постоянно призывает беспощадно расправляться со всеми противниками большевистской власти. Уже в декабре 1917 года он предлагает полный набор методов борьбы с врагами социализма — выборочные расстрелы лиц, отказавшихся работать на большевистский режим, тюрьмы для всех сомневающихся в правоте «ленинских истин». В статье «Как организовать соревнование?» Ленин пишет: *«В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от*

¹ Северная коммуна, 19.9.1918.

² Соломон Г. Среди красных вождей. М., 1995. С. 312.

работы... В другом поставят их чистить сортиры. В третьем снабдят, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве...»¹.

Террор и насилие над русскими стали главным орудием государственной политики большевиков, начиная с первых дней Советской власти. Некоторая ограниченность террора в начальный период господства большевиков объяснялась не их доброй волей, а неналаженностью репрессивной машины и недостатком кадров для проведения массовых расстрелов. Тем не менее уже в конце 1917 — первой половине 1918 года были репрессированы десятки тысяч русских людей, прежде всего представителей русской армии и государственного аппарата. 3 (16) января 1918 года «Правда» писала: «...За каждую нашу голову — сотню ваших».

В Петрограде к концу 1917 года оставалось несколько десятков тысяч офицеров, сопротивления которых большевики очень боялись. За первую половину 1918 года больше половины их было расстреляно сначала под руководством Петерса, а затем Урицкого. Только при Урицком в Петрограде убили около 5 тыс. офицеров². С таким же усердием чекисты искали царских чиновников. Во многих случаях так же, как и офицеров, их убивали без суда и следствия.

В первые же годы большевики убили всех, кто был связан с делом Бейлиса и был виновен только в том,

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 200 — 204.

² Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 135.

что стремился довести процесс до справедливого конца. Еврейские большевики расстреляли министра юстиции Щегловитова, прокурора киевской палаты Чаплинского, товарища прокурора Виппера, члена Государственной Думы Замысловского.

Убийства русских государственных деятелей, чиновников государственного аппарата, офицеров, священников, членов патриотических организаций проводились планомерно и систематически. Как рассказывает очевидец, просидевший весь 1918 год в московской Бутырской тюрьме, заключенных регулярно гоняли на закапывание расстрелянных и выкапывание глубоких канав для погребения жертв следующего расстрела. Заключенных вывозили на грузовике под надзором вооруженной стражи на Ходынское поле, Ваганьково и в район Петровского парка. Могилы выкапывались сразу же на 20 — 30, а то и больше человек. Со своей стражей заключенные успели познакомиться так близко, что она делилась с ними своими впечатлениями о производившихся операциях. Однажды, рассказывает очевидец, по окончании копания очередной сплошной могилы-канавы, конвойные объявили, что на следующее утро предстоит *«важный расстрел»* попов и министров. В числе расстрелянных оказались: епископ Ефрем, протоиерей Восторгов, министр внутренних дел Н.А. Маклаков, председатель Государственного Совета И.Г. Щегловитов, бывший министр внутренних дел А.Н. Хвостов, сенатор С.П. Белецкий и некоторые другие.

Прибывших разместили вдоль могилы и лицом к ней. По просьбе о. Иоанна Восторгова палачи разрешили всем осужденным помолиться и попроситься

друг с другом. *«Все стали на колени, и полилась горячая молитва несчастных смертников, после чего все подходили под благословление преосвященного Ефрема и о. Иоанна, а затем все простились друг с другом. Первым бодро подошел к могиле о. протоиерей Восторгов, сказавший перед тем несколько слов остальным, приглашая всех, с верою в милосердие и скорое возрождение Родины, принести последнюю искупительную жертву. «Я готов», — заключил он, обращаясь к конвою. Все стали на указанные места. Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул ее за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув о. Иоанна в могилу. Другие палачи приступили к остальным жертвам. Белецкий рванулся и быстро отбежал в сторону кустов шагов 20 — 30, но, наступивший двумя пулями, упал, и его приволокли к могиле, пристрелили и сбросили».*

Палачи высказывали глубокое удивление по поводу поведения о. Иоанна Восторгова и Николая Алексеевича Маклакова, поразивших их своим хладнокровием во время убийства. Иван Григорьевич Щегловитов с трудом передвигался, но ни в чем не проявил никакого страха¹.

Ленин без колебаний идет на все самые страшные меры, являющиеся преступлением против человечества.

Встревоженный известиями о приближении англичан к Баку, он отдает приказ сжечь этот город.

То же самое он предлагает в сентябре 1918 года

¹ Двуглавый орел, 14.6.1922.

сделать в Казани. В телеграмме на имя Троцкого в Свияжск говорилось:

«Удивлен и встревожен замедлением операций против Казани... По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дальше, ибо необходимо беспощадное истребление...»

Таким же образом он приказывает действовать в Ярославле во время эсеровского восстания.

26 июня 1918 года Ленин направляет Г. Зиновьеву телеграмму:

«Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы... удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Надо поощрять энергию и массовидность террора...»

В начале августа 1918 года Ленин настаивает на введении заложничества при изъятиях хлеба у русских крестьян. По его мнению, в каждой хлебной волости следует отобрать 25 — 30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков. Причем не просто взять, а назначить поименно по волостям¹.

Ленин дает личное указание об ужесточении террора против русских людей. Этими указаниями переполнены его письма в провинцию.

¹ Ленинский сборник. Т. 18. С. 145 — 146.

«Пенза. 9 августа 1918. Копия Евгении Бош.

Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города».

«В Пензу. Москва, 11 авг. 1918 г.

Товарищам Кураеву, Бош, Минкину и др. пензенским коммунистам.

Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят «последний решительный бой» с кулачем. Образец надо дать:

1) Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц

2) Опубликовать их имена

3) Отнять у них весь хлеб...

5) Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц-кулаков.

Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш Ленин.

P.S. Найдите людей потверже».

«18 августа 1918.

*Здоровец, Орловской губ.,
Бурову, Переяславцеву;
копия губсовету Орловскому.*

Необходимо соединить беспощадное подавление кулацкого левоэсеровского восстания с конфиска-

цией всего хлеба у кулаков и с образцовой очисткой хлеба полностью с раздачей бедноте части хлеба даром, телеграфируйте исполнение».

«Ливны. Исполкому... 20 августа 1918 Москва.

Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо, пока горячо, и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их...»

«Пенза. Губисполком. 29 августа 1918 г.

Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от вас о том, какие же, наконец, серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены вами. Бездеятельность ваша преступна...»

«Саратов. Пайкесу, 22 августа

...Временно советую назначить своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты...»

«Шляпникову, 12 декабря 1918 г.

...Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все на годы запомнили...»

«Реввоенсовет Южного фронта. Сокольникову.

...Во что бы то ни стало надо быстро ликвидировать до конца восстание (имелось в виду восстание казаков. — О.П.)... если вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно...»

«Симбирск. Реввоенсовету Восточного фронта...

Придется вам налечь изо всех сил на мобилизацию, иногда поголовную, прифронтовой полосы, на местные воензаги и на сбор винтовок с населения. Расстреливайте за сокрытие винтовок...»

5 сентября 1918 года большевистское руководство подводит под террор юридическую базу, приняв декрет СНК «О красном терроре», в котором, в частности, говорилось о том, что расширение масштабов террора является прямой необходимостью. ВЧК получает неограниченные права, чтобы изолировать всех потенциальных врагов большевизма в концентрационных лагерях. *«Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».*

Нарком внутренних дел масон Петровский издает приказ, разосланный по всем губерниям и уездным органам, о массовом взятии заложников из числа бывших правящих классов, офицеров, интеллигенции. В случае «*малейшего движения в белогвардейской среде*» к заложникам предлагалось применять «*безоговорочный массовый расстрел*»¹. «Всякая по-

¹ Еженедельник ВЧК, 1918. № 1. С. 11.

пытка русской буржуазии еще раз поднять голову, — грозился чекист Я. Петерс, — встретит такой отпор и такую расправу, перед которой побледнеют все»¹.

Принятие декрета «О красном терроре» было порождено животным страхом большевистских палачей за свою жизнь. Ленин не уставал повторять своим соратникам, что у них нет иного пути подчинить Россию, кроме террора. *«Иначе всем нам угрожает смерть»*. Призывая их усилить террор против русского народа, он, по признанию В. Молотова, говорил: *«Иначе вас всех растерзают»²*.

Осенью 1918 года в большевистских верхах царило паническое настроение, которое полностью разделял Ленин. Люди, уже тогда залившие кровью страну, смертельно боялись за свою жизнь, ответственности за все злодеяния. *«Положение наше безнадежно и наши дни сочтены»*, — говорил К. Радек. *«Нас перережут, — заявлял Мануильский, — но перед уходом мы здорово хлопнем дверью, и буржуям не поздоровится»³*.

Животный страх перед русским народом продиктовал еврейским большевикам Троцкому и Свердлову директиву по уничтожению русского казачества на Дону.

Секретная директива, подписанная Я.М. Свердловым 24 января 1919 года, гласила:

«Последние события на различных фронтах в казачьих районах — наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск — за-

¹ Еженедельник ВЧК, ноябрь 1918.

² Беседы с Молотовым. С. 210.

³ Борман А.А. Указ. соч. С. 126 — 133.

ставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организовав переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли»¹.

Начались невиданные в истории России массовые убийства казачества. Специальные карательные отряды расстреливали русских казаков день и ночь по 40 — 60 человек в сутки. Убивали не только взрослых мужчин, но и детей, женщин и стариков.

Было запрещено слово «казак», а также ношение фуражек и штанов с лампасами. Станицы переименовывались в волости, хутора в деревни. Казацкие семьи выселялись из родных куреней, а на их места селили голытьбу из Воронежской губернии.

5 февраля 1919 года местные советы получили инструкцию ревкома, согласно которой

— все оставшиеся в рядах казачьей армии после 1 марта объявлялись вне закона и подлежали истреблению;

— все семьи казаков, оставшихся в рядах казачьей армии, объявлялись арестованными и заложниками, их имущество описывалось;

— в случае «самовольного ухода» одной из семей, объявленных заложниками, подлежали расстрелу все семьи, состоявшие на учете данного Совета;

— в случае «самовольного ухода» одного из членов семьи, объявленной заложниками, расстрелу подлежали все члены данной семьи;

— имущество расстрелянных подлежало конфискации и распределению среди сельсоветчиков².

¹ Известия ЦК КПСС, 1989. № 6. С. 177 — 178.

² Казачий круг, № 2. М., 1992. С. 56.

Хотя 16 марта 1919 года, в день смерти Я.М. Свердлова, директива по истреблению казаков была отменена, ее реализация продолжалась. Руководитель Донбюро студент-недоучка Сырцов требовал расстреливать за каждого убитого красноармейца сотню казаков-заложников. Ретивый руководитель в возрасте 24 лет приказывает подготовить этапные пункты для отправки на принудительные работы в Воронежскую губернию, Павловск и другие места всего мужского казачьего населения в возрасте от 18 до 55 лет. Караульным командам отдается приказ расстреливать пять человек за каждого сбежавшего казака.

Для организации истребления русских казаков на Дон направляются известнейшие большевистские террористы. По приказу Ленина в апреле 1919 года одним из руководителей карателей с чрезвычайными полномочиями становится участник убийства царской семьи двадцативосьмилетний А.Г. Белобородов¹.

Сын кишиневского фармацевта двадцатилетний еврейский большевик И.Э. Якир как член Реввоенсовета 8-й армии отдает приказ о *«расстреле на месте всех имеющих оружие и даже процентном уничтожении мужского населения...»*.

Всего в ходе войны против русского казачества 1918 — 1920 годов было убито около 1 млн. казаков и членов их семей².

Наряду с Москвой, Петроградом и казачьими об-

¹ Некрасов В. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995. С. 101 — 102.

² Бернштам М. Стороны в Гражданской войне 1917 — 1922 гг. М., 1992. С. 64.

ластями неслыханная массовая жестокость большевиков по отношению к русскому народу проявилась в Киеве, Одессе, Харькове и других малорусских городах, особенно в бывшей черте оседлости. В этих городах, плотно заселенных евреями, расправы над русскими людьми приобрели характер чисто национальной мести. В этих городах уничтожались все русские, которые, по мнению еврейских большевиков, являлись сознательными патриотами России, прежде всего национальная русская интеллигенция.

В Киеве с 25 января по 16 февраля 1918 года большевики побили все мировые рекорды кровавого террора. Среди десятков тысяч убитых было свыше 6000 русских офицеров и около тысячи офицерских детей, воспитанников местного кадетского корпуса.

Еще более зверская волна террора захлестнула Киев с февраля по август 1919 года. Это была целенаправленная физическая ликвидация национальной русской интеллигенции. Еврейские большевики убили, по разным оценкам, от 40 тыс. до 100 тыс. человек русских интеллигентов и офицеров.

В конце апреля 1919 года Киев посетил Троцкий и приказал расстрелять всех русских патриотов, состоявших в различных патриотических организациях и клубах русских националистов¹.

Князь Н.Д. Жевахов, сам переживший этот кошмар, рассказывает: *«Никакое перо не в состоянии описать тех ужасов, какие совершались цинично и откровенно среди дня, когда каждого прохожего, по виду (русского. — О.П.) интеллигента, хватали и бросали в подвалы чрезвычайек, подвергая неслыхан-*

¹ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.2. С.76.

ным издевательствам и мучениям, а затем отвозили в загородные кладбища, где живыми закапывали в могилы, вырытые предварительно самими же жертвами. Еще ужаснее было то, что творилось под покровом ночи, что обнаружилось лишь позднее, после прихода деникинских войск... Когда солдаты явились на Садовую, 5, где помещалась одна из киевских чрезвычайек, то обнаружили в огромном сарае усадьбы густую желтую липкую массу, подымавшуюся от пола до верха выше чем на аршин, так что они были вынуждены очищать этот сарай, стоя по колени в этой массе. То были человеческие мозги...

Здесь, в этом сарае несчастные жертвы не расстреливались из ружей и револьверов, как в других местах, а убивались ударами тяжелых молотов по голове, причем от этих ударов мозг вываливался на асфальтовый пол сарая. В течение дня и ночи фуры, с наваленными на них трупами и торчащими во все стороны ногами, разъезжали по улицам города, наводя ужас на жителей, из коих каждый считал себя обреченным и только ждал своей очереди. Бежать было некуда и невозможно, ибо город был оцеплен кордоном красных войск... В этот разгар царившей в Киеве вакханалии погибли от руки палачей едва ли не все лучшие люди города, и среди них знаменитые профессора Киевского университета П. Армашевский и Ю. Флоринский, причем первый, как говорили, был зарыт в могилу живым, подвергшись предварительно жесточайшим пыткам и мучениям»¹.

В киевской Чека главную роль играл еврейский

¹ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 76 — 77.

большевик М. Лацис, а среди палачей нечеловеческой жестокостью славились Роза Шварц и некая «товарищ Вера». У последних страшную ярость вызывали православные русские с нательными крестами. После богохульных глумлений изверги срывали эти кресты и выжигали огнем изображения креста на груди или на лбу своих жертв¹.

Киевский палач М. Лацис учил своих подчиненных:

«Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он против Советов с оружием или на словах. Первым делом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого»². Этот еврейский большевик получал особое удовольствие от мучений русских людей во время пыток. Очевидцы рассказывали, что при этих сценах отвратительное лицо Лациса распылялось в улыбке.

В 1919 году в Одессе следователь Чека, бывший присяжный поверенный Гальперин, так напутствовал одну русскую женщину: *«Запомни раз навсегда железный закон революции... власть попадает в руки умнейших и сильнейших. Русский народ — темное быдло. Русская интеллигенция — св..., ни к чему не способная; лучшими оказались мы (евреи). И потому вся власть не просто в руках евреев, а сильнейших и умнейших»³.*

Одесские чекисты, состоявшие почти сплошь из

¹ Там же. С.136.

² Красный террор (чекистская газета). 1.11.1918.

³ Новое время, 3.4.1924.

евреев, даже в своей среде прославились изощренной жестокостью. Для допросов, пыток и казней они использовали два корабля — линейный корабль «Синоп» и крейсер «Алмаз». Особо зверские методы расправ применяли два старых еврейских большевика Вихман и Дейч. Для пытки стойких русских людей палачи приспособили корабельные печи. Самых непокорных прикрепляли железными цепями к толстым доскам и медленно, постепенно продвигали их живыми, ногами вперед, в корабельную печь¹. У палачей из Чека нередко были и свои особые пристрастия. Сотрудник одесской Чека еврейская большевичка Дора Явлинская (Евлинская) предпочитала убивать русских офицеров. От ее руки погибли 400 офицеров.

Председатель петроградской Чека Урицкий любил наблюдать расстрелы из окна своего кабинета. *«Для меня, — говорил он, — нет высшего наслаждения видеть, как умирают монархисты»*.²

Закон против антисемитизма, введенный еврейскими большевиками в России 27 июня 1918 года, служил основой самого неограниченного произвола против русских людей. В нем говорилось: *«Совнарком предписывает всем Советам депутатов принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона»*³. В 1918 — 1920 годах достаточно было еврею указать на человека, который, по его мнению, являлся

¹ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 137.

² Там же. С. 11.

³ Дикий А. Указ. соч. С. 236.

антисемитом (например, только за то, что он бросил на него неодобрительный взгляд), и этого человека забирали в Чека, а то и расстреливали на месте. Русский писатель А.М. Ремизов рассказывает о случае, свидетелем которого он стал в 1919 году в Петрограде: *«Тут недавно возле Академии ученье было, один красноармеец и говорит: «Товарищи, не пойдете на фронт, все это мы из-за жидов деремся!» А какой-то с портфелем: «Ты какого полку?» А тот опять: «Товарищи, не пойдете на фронт, это мы все за жидов!» А с портфелем скомандовал: «Стреляйте в него!» Тогда вышли два красноармейца, а тот побежал. Не успел и до угла добежать, они его настигли да как выстрелят — мозги у него вывалились, и целая лужа крови»¹.*

Большевики, особенно еврейские, не просто убивали русских людей, но самым гнусным образом открыто глумились над ними. Тон здесь задавали сами вожди. Троцкий, например, в брошюре «Октябрьская Революция» глумливо хвастался: *«Мы так сильны, что если мы заявим завтра в декрете требование, чтобы все мужское население Петрограда явилось в такой-то день и час на Марсово поле, чтобы каждый получил 25 ударов розог, то 75 процентов тотчас бы явилось и стало бы в хвост и только 25 процентов более предусмотрительных подумали запастись медицинским свидетельством, освобождающим их от телесного наказания...»².*

Творя неслыханную в истории расправу над русским народом, большевистские вожди укрепляли свои партийные организации кровью миллионов жертв,

¹ Ремизов А. Взвихренная Русь. М., 1990. С. 272.

² Цит. по: Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 136.

постепенно превращая почти каждого коммуниста в чекиста-палача.

«Хороший коммунист, — говорил Ленин, — в то же время есть и хороший чекист». А один из связных вождя с немецкой разведкой Я.С. Ганецкий предлагает Ленину *«установить самую тесную связь партийных организаций с чрезвычайными комиссиями... Обязать всех членов партии, занимающих ответственные посты, сообщать в чрезвычайную комиссию все сведения, поступающие к ним как частным, так и официальным путем и представляющие интерес для борьбы с контрреволюцией...»*¹ Ленин горячо поддерживает предложение Ганецкого.

Еврейский большевик чекист С.И. Гусев (Я.Д. Драбкин) позднее, на XIV съезде партии, признавался: *«..Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом Чека, то есть смотреть и доносить... Я думаю, каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства... Можно быть прекрасными друзьями, но, раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше — идти на доносительство»*².

Чека была привилегированным органом большевизма. Ядро ее кадров сложилось из профессиональных террористов-боевиков большевистских дружин 1905 — 1907 годов. Русских по национальности в них было сравнительно мало (и то в основном деклассированные, уголовные элементы). Больше половины

¹ Ленин и ВЧК. М., 1975. С. 281, 363.

² XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.—Л., 1926. С. 600 — 601.

ее состава насчитывали евреи (в руководящих органах — 75 — 90%), в значительных количествах были представлены латыши, эстонцы, поляки, армяне и даже китайцы и венгры. Немалая часть сотрудников Чека являлась не просто профессиональными убийцами (в среднем на каждого сотрудника Чека за годы Гражданской войны приходилось 30 — 40 убитых и замученных жертв), а настоящими садистами, специально искавшими «работы» в этом учреждении, чтобы удовлетворить свои патологические наклонности. Сохранилось немало описаний таких чекистов, которые постоянно находились в нервном возбуждении и успокаивались только при виде крови.¹ Причем принимались они в Чека не по ошибке, а специально, так как именно они лучше всего могли выполнять «работу», которую поручали им большевистские вожди.

Ленинская партия давала этим людям «право» убивать много и безнаказанно. Слой коммунистов-садистов был немал. Во всяком случае, среди чекистов и красноармейских командиров он достигал трети и более личного состава. За право убивать эти люди спорили и ссорились. Способность убивать не поморщившись становится главным критерием занятия командной должности. А. Голиков, более известный как писатель А. Гайдар, за свои садистские наклонности (а первые убийства он совершил еще в детстве) в 18 лет став командиром полка, ежедневно лично убивал нескольких безоружных мирных жителей, отказывавшихся сотрудничать с большевиками.

¹ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 132.

Сам садист Гайдар считал себя «романтиком» революции¹.

Таким же типичным «романтиком» революции — садистом-убийцей — была советская писательница Е.Я. Драбкина. Дочь уже упомянутого нами еврейского большевика Я.Д. Драбкина (С.И. Гусева), жена председателя Чека, она воплотила в себе неистребимую ненависть ко всему русскому. Еще девушкой она в качестве пулеметчицы участвовала в массовых расстрелах русских людей. Позднее любила об этом публично вспоминать с кошмарными подробностями. Слушавший ее однажды К. Чуковский отмечает, что *«рассказывала она о них с юмором, хотя все они залиты человеческой кровью, и чувствуется, что, повторись это дело сейчас, она снова пошла бы в эту страшную бойню с примесью дикой нечаевицны»*.²

Верша страшную расправу над русскими людьми, «романтики» революции, подобные Гайдару или Драбкиной, творили неслыханные зверства.

В Харькове по изгнании большевиков в подвалах Чека обнаружили много «перчаток» — кожу, содранную с рук вместе с ногтями. На трупах бывших офицеров были вырезаны ножом или выжжены огнем погоны на плечах, на лбу — советская звезда, а на груди — орденские знаки, были отрезаны носы, губы и уши. На женских трупах — отрезаны груди и сосцы. Масса раздробленных и скальпированных черепов, содранных ногтей с продетыми под ними иглами и гвоздями, выколоты глаза, отрезаны пятки. В некото-

¹ Садистские «подвиги» А.Гайдара описаны в документальной повести В.Солоухина «Соленое озеро» (М., 1994).

² Чуковский К. Дневник 1930 — 1969. М., 1994. С. 85.

рых районных Чека русских людей топили в подвалах, открывая водопроводные краны. Пятигорская Чека в 1919 году взяла большое количество заложников. Их увезли за город, на кладбище с руками, связанными за спиной, заставили встать на колени в двух шагах от вырытой ямы и начали рубить им руки, ноги, спины, выкалывали штыками глаза, вырывали зубы, распарывали животы¹.

Летом 1920 года Ленин подготавливает новую волну террора. В записке Крестинскому вождь пролетариата предлагает образовать тайную комиссию для выработки экстренных мер — *«тайно подготовить террор: необходимо и срочно...»*.

Подготовка новой волны террора осуществлялась одновременно с разработкой мер по ликвидации всех возможных источников сопротивления как в России, так и за рубежом. Инструкция, подписанная Ф. Дзержинским, предлагалась к немедленному исполнению:

1) Регистрацию всех «белогвардейских элементов» (отдельно по краям) для увеличения числа заложников из состава родных и их родственников, оставшихся в Советской России; на особом учете держать тех, кто, «занимая ответственные должности в Советской России, изменил рабоче-крестьянскому делу». Эта категория, по мнению Чека, должна была быть уничтожена при первой возможности.

2) Устройство террористических актов над наиболее активными работниками, а также над членами военных миссий Антанты.

¹ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 135, 139.

3) Организацию боевых дружин и отделов, могущих выступать по первому указанию.

4) Немедленное влияние на разведывательные и контрразведывательные отделы и организации окраины с целью пересоздания их в свои.

5) Организацию фиктивных белогвардейских организаций с «целью скорейшего выяснения заграничной агентуры» на территории РСФСР¹.

Апогеем войны большевиков против русского народа стали массовые убийства русских в Крыму после эвакуации оттуда войск Врангеля. «Чистку» Крыма поручили двум еврейским большевикам — Бела Куну и Розалии Залкинд (выступавшей под псевдонимом Землячка).

Перед отъездом на «чистку» Л. Троцкий сказал Бела Куну, что «не приедет в Крым, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму; Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то быстро подвинем его к общему революционному уровню России...».

Страшная резня офицеров, проведенная под руководством Б. Куна и Р. Землячки, заставила содрогнуться многих. Кроме десятков тысяч офицеров, без суда и следствия расстреливали женщин, детей, стариков. Массовые убийства получили такой широкий резонанс, что ВЦИК создал специальную комиссию по расследованию. Все «особо отличившиеся» коменданты городов представили в свое оправдание теле-

¹ Там же. С. 129.

граммы Б. Куна и Р. Землячки, подстрекавшие к массовым расправам¹.

Впоследствии русский писатель И. Шмелев, бывший очевидцем красного террора в Крыму, дал подробные показания на суде по делу об убийстве Воровского. Привожу эти показания полностью:

«1. Мой сын, артиллерийский офицер 25 лет, Сергей Шмелев — участник Великой войны, затем — офицер Добровольческой армии Деникина в Туркестане. После, больной туберкулезом, служил в Армии Врангеля, в Крыму, в городе Алуште, при управлении Коменданта, не принимая участия в боях. При отступлении добровольцев остался в Крыму. Был арестован большевиками и увезен в Феодосию «для некоторых формальностей», как, на мои просьбы и протесты, ответили чекисты. Там его держали в подвале на каменном полу, с массой таких же офицеров, священников, чиновников. Морили голодом. Продержав с месяц, больного, погна-ли ночью за город и расстреляли. Я тогда этого не знал.

На мои просьбы, поиски и запросы, что сделали с моим сыном, мне отвечали усмешками: «Выслали на север!» Представители высшей власти давали мне понять, что теперь поздно, что самого «дела» ареста нет. На мою просьбу Высшему Советскому учреждению ВЦИК, — Всер. Центр. Исполнит. Комит. — ответа не последовало. На хлопоты в Москве мне дали понять, что лучше не надо «ворошить» дела, — толку все равно не будет. Так поступили со мной, кого представители центральной власти не могли не знать.

2. Во всех городах Крыма были расстреляны без суда все служившие в милиции Крыма и все бывшие полицейские чины прежних правительств, тысячи про-

¹ Юность, 1990. № 10. С.84.

стых солдат, служивших из-за куска хлеба и не разбравшихся в политике.

3. Все солдаты Врангеля, взятые по мобилизации и оставшиеся в Крыму, были брошены в подвалы. Я видел в городе Алуште, как большевики гнали их зимой за горы, раздев до подштанников, босых, голодных. Народ, глядя на это, плакал. Они кутались в мешки, в рваные одеяла, что подавали добрые люди. Многих из них убили, прочих послали в шахты.

4. Всех, кто прибыл в Крым после октября 17-го года без разрешения властей, арестовали. Многих расстреляли. Убили московского фабриканта Прохорова и его сына 17 лет, лично мне известных, — за то, что они приехали в Крым из Москвы, — бежали.

5. В Ялте расстреляли в декабре 1920 года престарелую княгиню Барятинскую. Слабая, она не могла идти — ее толкали прикладами. Убили неизвестно за что, без суда, как и всех.

6. В г. Алуште арестовали молодого писателя Бориса Шишкина и его брата, Дмитрия, лично мне известных. Первый служил писарем при коменданте города. Их обвинили в разбое, без всякого основания, и, несмотря на ручательство рабочих города, которые их знали, расстреляли в Ялте без суда. Это происходило в ноябре 1921 года.

7. Расстреляли в декабре 1920 года в Симферополе семерых морских офицеров, не уехавших в Европу и потом явившихся на регистрацию. Их арестовали в Алуште.

8. Всех бывших офицеров, как принимавших участие, так и не участвовавших в гражданской войне, явившихся на регистрацию по требованию властей, арестовали и расстреляли, среди них — инвалидов Великой войны и глубоких стариков.

9. Двенадцать офицеров русской армии, вернувшихся на барках из Болгарии в январе — феврале 1922 года

и открыто заявивших, что приехали добровольно с тоски по родным и России и что они желают остаться в России, расстреляли в Ялте в январе — феврале 1922 года.

10. По словам доктора, заключенного с моим сыном в Феодосии, в подвале Чека, и потом выпущенного, служившего у большевиков и бежавшего за границу, за время террора за 2 — 3 месяца, конец 1920 и начало 1921 года в городах Крыма: Севастополе, Евпатории, Ялте, Феодосии, Алушке, Алуште, Судаке, Старом Крыму и проч. местах, было убито без суда и следствия *до 120 тысяч человек — мужчин и женщин, от стариков до детей*. Сведения эти собраны по материалам бывших союзов врачей Крыма. По его словам, *официальные данные указывают цифру в 56 тысяч*. Но нужно считать в два раза больше. По Феодосии официально данные дают 7 — 8 тысяч расстрелянных, по данным врачей — свыше 13 тысяч.

11. Террор проводили по Крыму — председатель Крымского Военно-Революционного Комитета — венгерский коммунист *Бела Кун*. В Феодосии — Начальник Особого Отдела 3-й Стрелковой Дивизии 4-й Армии тов. *Зотов* и его помощник тов. *Островский*, известный на юге своей необычайной жестокостью. Он же и расстрелял моего сына.

Свидетельствую, что в редкой русской семье в Крыму не было одного или нескольких расстрелянных. Было много расстреляно татар. Одного учителя-татарина, б. офицера, забили насмерть шомполами и отдали его тело татарам.

12. Мне лично не раз заявляли на мои просьбы дать точные сведения, за что расстреляли моего сына, и на мои просьбы выдать тело или хотя бы сказать, где его зарыли, уполномоченный от Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Дзержинского Реденс, сказал, пожи-

мая плечами: «Чего вы хотите? Тут, в Крыму, была такая каша!..»

13. Как мне приходилось слышать не раз от официальных лиц, было получено приказание из Москвы — «Подмести Крым железной метлой». И вот старались уже для «статистики». Так цинично хвалились исполнители — «Надо дать красивую статистику». И дали.

Свидетельствую: я видел и испытал все ужасы, выжив в Крыму с ноября 1920 года по февраль 1922 года».

Такова правда о еврейских погромах русского народа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Алексей Шмаков

ПОГРОМ ЕВРЕЕВ В КИЕВЕ

А. Характер предварительного следствия и обвинительного акта

С 4 декабря прошлого 1907-го по 20 января настоящего года, за исключением перерыва на время праздников, Киевский Окружный Суд, при участии сословных представителей, рассматривал дело о так называемом еврейском погроме 18—21 октября 1905 года, в Киеве.

Состав Суда: Председательствующий, Товарищ Председателя Н.Н. Гамбурцев; Члены Суда: князь Д.В. Жевахов и Н.С. Кисличный; и. д. Киевского Губернского Предводителя Дворянства И.Ф. Моссаковский; Заступающий место Киевского Городского Головы В.В. Солуха и Германовской волости Киевского уезда волостной старшина А.И. Гетман.

Обвиняемых было семьдесят, свидетелей допрошено более пятисот, в том числе более сорока, вызванных — по просьбе защиты — уже в течение судебного следствия. Раскрытая таким образом картина событий все еще далеко не полна, но воистину ужасна. С другой стороны, хотя обвинительный акт и касается «освободительного» движения, предшествовавшего погрому, но не дает истинного понятия ни об их причинной связи, ни о глубине позора действительности.

Дабы не сомневаться в этом, достаточно указать на следующее:

I. Ни один еврей не был предан Суду, хотя своекорыстная и дерзновенная подготовка ими вооруженного восстания в Киеве, равно как наглые и вопиющие издевательства евреев над святынями народными, не подлежат оспариванию, а иудейские главари — Шлихтер и Ратнер — изобличаются целыми рядами свидетелей, безусловно.

II. Направляясь исключительно на выяснение личного и имущественного вреда, понесенного местным еврейством, — предварительное следствие не обращало должного внимания на беспримерные унижения и страдания, причиненные сынами Иуды русскому населению и доводившие его до слез от горя и стыда. Обвинительный же акт, ставя в вину подсудимым нападение на евреев только из племенной вражды (Улож. о нак. ст. 269¹), не приводит для сего оснований, а усматривает таковую, по-видимому, в том стихийном взрыве народного негодования, который явился результатом предумышленного, злодейского глумления евреев и других революционеров над Всемилоостивейшим манифестом 17-го октября 1905 г. и портретами Императоров России.

III. Не вызвав на суд важнейших свидетелей-очевидцев по обстоятельствам, обусловившим разгром еврейской революции русским населением в Киеве, а затем поставив защиту в материальные и формальные затруднения по обнаружению и допросу таких свидетелей на самом судебном следствии, — обвинительный акт сослался, наоборот, на таких лиц, в качестве свидетелей обвинения нынешних подсудимых,

которые для этой цели явно не пригодны. Таковы например: кандидат на судебные должности Козловский, отправленный прокурором Суда «для наблюдения за погромом» и доносивший лишь о неправильных, по его мнению, действиях полиции и войск; или как некий Карвовский, по его собственным словам, не только участвовавший в революционных скопищах, но и уговаривавший солдат не стрелять — даже если офицер прикажет, или, наконец, как студент Гене, по собственному признанию стоявший и действовавший во главе банды, вооруженной револьверами — «на защиту евреев...».

IV. Называя евреев по имени и фамилии (Хана Ривис, Лейба Тейтельбаум, Мордух Сахновский, Абрам-Дувид Симкин, Шпринц Сирота, Хаим-Ицка Колин, Сруль Цаповецкий, Ехиль-Бер Жизмсер, Перец Сатановский, Бася Шенкер), именую так же еврейских свидетелей, например, — «жидовского демократа» Василия Портянку, и отводя две печатные страницы описанию убийства одного Герша Местечкина, который, как надо полагать, сам, однако, участвовал в шайке студентов и евреев, убивавшей русских людей, а затем пытался скрыться, — обвинительный акт находит об убитых русских достаточным заметить: «убито несколько громил».

V. По голословному оговору какого-то приезжего еврея, судебный следователь Люцидарский не только привлек, — в качестве обвиняемого, Воробьева, русского купца и совладельца известной фирмы «Воробьев и Петрушенко», на Крещатике, в Киеве, но заключил его в тюрьму немедленно и, как оказалось, вполне неосновательно, ибо следствие о Воробьеве

было вскоре же прекращено, а еще раньше, по ходатайству взволнованного русского купечества, обвиняемый был освобожден из-под стражи.

VI. Далее, — вызванный прокурором (по обв. акт.), в качестве свидетеля против подсудимых Бруско и Хижнякова, как якобы подстрекателей на погром (закон грозит им каторжными работами), Александр Литвинов показал, что, будучи сам осужден за подлог, он тем не менее оставался письмоводителем у судебного следователя Мерного, а, в частности, находясь с этим следователем 18-го октября 1905 г., у киевской городской Думы, в толпе, засим, — по его приглашению и под его же диктовку, написал заявление прокурору окружного суда об означенном подстрекательстве; но сделал он это ложно, — из мести за действия Бруско и Хижнякова, как полицейских чинов, относительно него, Литвинова самого, и его брата, в чем теперь и раскаивается перед Судом; следователь же Мерный невзлюбил полицию, а потому не жаловал и Бруско с Хижняковым...

VII. Параллельно с этим, — из напечатанной киевскими «освободительными» газетами, в начале настоящего процесса, телеграммы Ратнера из Петербурга явствует, что судебный следователь Киевского Окружного Суда по особо важным делам, Яценко, допросив других, самого Ратнера не вызывал хотя бы и в качестве свидетеля, а свое следствие представил к прекращению, — в виду чего Ратнер протестовал даже против упоминания о нем теперь. Неприкосновенность Ратнера, с забавным пафосом, отстаивал на судебном следствии поверенный евреев, как гражданских истцов, прис. пов. Кальманович, но Суд раз-

решил защите допрашивать свидетелей и о деятельности Ратнера.

VIII. С другой стороны, мы видим, что на скамью подсудимых попали и совсем неповинные а, в частности, даже, например: калека на костылях, Поддубский, и 65-летний старик, Колесников, — невзирая на явную недостаточность улик. Оба они теперь оправданы Судом, наравне с другими многими, — тем не менее, в свою очередь, отсидевшими предварительно в тюрьме, при чем один из этих последних даже пробыл под стражею с февраля по декабрь 1907 г., единственно потому, что не мог представить за себя поручителя в 25 руб. и, лишь по обнаружении этого на Суде, был взят на поруки защитою...

IX. Наряду с изложенным, еврей Григорий Бродский, убивший в Липках, среди бела дня, двоих русских, когда ни погрома, ни толпы здесь не было, увы, не только не предан Суду, но, к вящему оскорблению памяти своих жертв и к тяжкой обиде Киевлян, бравировал, — именно во время настоящего процесса, — своим мундиром, как вольноопределяющийся Изюмского гусарского полка! Равным образом, не были привлечены к ответственности и братья Григория Бродского, — «панычи Миша и Юзя», открывшие тогда же, из-за дверей своего подъезда, револьверную стрельбу и ранившие как одного из солдат, стоявших в цепи, тяжело в пах, так и помощника пристава дворцового участка Челюскина — в голову! Остался безнаказанным и гимназист Вишнепольский, предательски обстреливавший, из-за прикрытого ставнем окна, полицию и солдат на Подоле. То же самое, наконец, следует заметить и о разных других убийцах-евреях.

Х. Сорок семь печатных страниц отдает обвинительный акт, главным образом, еврейским же показаниям против подсудимых и для описания уничтоженного или исчезнувшего еврейского имущества, но оставляет без внимания выяснившиеся, однако, на Суде факты: сокрытия евреями своих вещей, симулирования некоторыми из них погрома и даже — его фотографий, равно как — повального между сынами Иуды банкротства, в ущерб кредиторам московского и иных районов. С другой стороны, признав уместным коснуться революционных деяний в Киеве до погрома, обвинительный акт, тем не менее, умалчивает даже о том, что, вследствие «резолюции» десяти-тысячного скопища в университете, 13-го октября, — начать вооруженное восстание, город Киев, по определению совещания под председательством генерал-губернатора Клейгельса, с утра 14-го октября был передан во власть командующего войсками Киевского военного округа, генерал-лейтенанта Карасса.

ХІ. Параллельно с этим, останавливаясь внимательно на еврейских убытках и перечисляя убитых евреев поименно (Лейба Левитас, Ниссон Померанец, Хаим Ровинский, Герш Местечкин, Ицка Штейн), — обвинительный акт ни словом не упоминает о невинно пострадавших русских людях, раненых или убитых евреями, равно как и о погибших при исполнении долга воинских чинах. Между тем, из официальных только сведений, представленных защитой Суду, видно, что в одну лишь Александровскую больницу было доставлено раненых и убитых: евреев — 26, а русских — 41; военных же ранено: офицеров — 8, нижних чинов — 52, убито нижних чинов — 7; по

сведениям же сенатора Турау¹, за период с 18-го по 21-е октября 1905 г., в Киеве, было убито 47 человек, — в том числе 25% евреев; ранено 205, из коих евреев 35%. Увы, ни в протоколах предварительного следствия, ни в обвинительном акте никаких сведений по этому предмету не содержится.

XII. Даже свидетели (напр., Борисенко), показывавшие на дознании о стрельбе гимназистов и студентов в народ, причем были убитые и раненые, — не допрашивались судебным следователем, и, наоборот, предварительное следствие, как видно из его протоколов, обращалось даже к свидетелям, ничего об этом не знающим, именно с вопросами о действиях полиции и войск. Показаниями же евреев и «освободителей» добывался, впрочем, негодный материал не только для обвинения полицейских и воинских чинов в попустительстве погрому, а порой и в соучастии, но и для посрамления тех патриотических манифестаций, которые, в молитвенном настроении о прекращении свирепых бесчинств еврейской революции, двигались с пением национального гимна или «Спаси, Господи, люди Твоя!», предшествуемые иконами, Царскими портретами и хорутвями...

Таково было положение судебного дела и таким бы оно осталось, если бы, по просьбе защиты, не были вызваны и допрошены Судом многие свидетели-очевидцы, раскрывшие истинный, глубоко для России оскорбительный, потрясающий ход событий...

¹ «Всепоподданнейший отчет об исследовании причин беспорядков, бывших в Киеве, в октябре 1905 года». Напечатан в Киеве же, особою брошюрою, в 1908 г. в типо-литографии «Прогресс».

Б. Некоторые данные по истории евреев, как свидетельство их замыслов на всемирное господство

События 18—21-го октября 1905 г., в Киеве, нельзя уразуметь вне общего хода «русской революции, т.е., между прочим, — без соображения с данными еврейской истории. Надлежащее исследование по этому пути завлекло бы нас слишком далеко, но некоторая экскурсия все-таки необходима.

1. Безумная, но неискоренимая у евреев идея, что из лона Иуды произойдет мессия — владыка вселенной, остается незыблемою поныне и даже становится величественнее в их глазах, когда, через биржу и прессу, «избранный» народ открыл невиданные доселе полеты замыслов и коварство способов фальсифицировать какую угодно «свободу».

«Веруя, что их царство было и осталось неизменным царством Божиим, что они являются единственными сынами Господа, а все остальные народы пребывали только Его врагами, и что, вследствие этого, ненависть к иноплеменникам есть лучшее дело набожности, — могли ли жида относиться иначе, как с ужасом и отвращением, к присяге на верность чужеземцу и к повиновению ему?..»

«Из этого порицания и презрения, с которыми они всегда обращались ко всем другим нациям, должна была родиться та лютая, вечная ненависть, которая укоренилась в их умах так твердо, как только способно укореняться чувство, порождаемое богопочитанием и набожностью; будучи же делом благочестия, оно ни с чем не может сравниться по ожесточению и упорству. Прибавьте к этому другую, общую причи-

ну, более или менее воспаляющую и саму иудейскую ненависть, а именно ее взаимность, так как другие народы должны были проникнуться к жидам такою же ненавистью, — и вы поймете результаты!...»¹

II. Будет ли мессия единоличным выражением мировой тирании Израиля или же деспотизм его олицетворится в целом еврействе — картина не перестает быть все той же. Изменяются методы и масштабы, но не принцип. В достижении цели никакая жестокость не может превзойти еврейскую, как на одном уровне с иудаизмом не вправе стоять чье-либо вероломство. Ни стыда, ни жалости — таков девиз «первой аристократии мира».

«Когда еврей начальствует, он всегда жесток. Как правитель, он — деспот, как священник — тиран. Проповедь еврея исполнена проклятий. Как воин, он свиреп и беспощаден. Как философ, его спокойствие — низость, как купец, его торговля — обман!.. Семейство для него, грабительская ассоциация. Любовь — одно чувственное наслаждение»!..²

III. Возведя в идеал учение, что Израиль — раб Иеговы, конечно, под условием владычества над остальными людьми, еврейство логически рассматривает их как свою собственность. Это — рабы рабов Иеговы — в глазах Израиля, как обсер-раба. А если, по законам гоев, подделка механическим путем, например, кредитного билета в один рубль влечет за собою каторжные работы, — систематическая же фальсификация так называемого общественного мнения, че-

¹ «Oeuvres de Spinoza», — «Traité thé ologico-politique». — Traduction par Emile Saisset. Paris, Charpentier, 1861.

² Marius Fontane. «Histoire Universelle».

рез прессу, — для ниспровержения всякого государственного и социального строя признается служением свободе человечества, то пусть гои не плачутся пред недостижимым для них величием «избранного» племени и не осмеливаются порицать божественного предопределения своей судьбы.

IV. Отсюда явствует, что добром и правдою должно быть почитаемо лишь то, что выгодно евреям, и только пока оно им выгодно; что вся еврейская законность — исконное противозаконие по отношению к другим народам и что, наконец, являясь ревностными агентами политического рабства, бродильным веществом разложения обществ и государств, проскальзывая в наивную среду гоев повсюду и, прежде всего, пробираясь в тайные революционные сообщества, но иноплеменников в лоно Израиля не допуская отнюдь, — сыны Иуды только исполняют свое провиденциальное призвание, осуществляют лишь верховное право свое.

V. Гои обязаны служить посмешищем «избранного» народа и могут рвать друг друга на части, но вникать в предначертания своих повелителей-евреев да не дерзают. Всякому, положим, ясно, что условия кредита России известны акулам и удавам биржи и без всякой помощи князя Долгорукова или Нессельроде; но если, — для отягощения условий займа, услуги названных шаббесгоев оказались потребны Ротшильдам и К^о, то не им, гоям, конечно, отговариваться своею любовью к родине. Ведь и сам патентованный патриотизм Дрейфуса не мог бы, во славу «избранного» народа, рассудить иначе. «По праву» презирая земледелие, как и всякий иной труд, еврей всегда что-нибудь покупает или продает. Не понапрасну девизом тех же

Ротшильдов является обращение их к нам: «в поте вашего лица, мы будем есть хлеб свой!..» Виноват ли Дрейфус в том, что, не имея под рукою ничего иного для продажи, он был вынужден продать свое отечество?! Точно так же, если Гессену или Винаверу пришла фантазия разыграть оперетку в Civic Forum'e, то, позабавив американских социал-талмудистов, первый комик «партии народной свободы», Милюков, повинен, разумеется, довести свою шутовскую роль до конца и в России. Чем больше кипятятся и чем азартнее ругают это кагальное чучело близорукие «черносотенцы», — тем веселее становится закулисным иудейским режиссерам, вновь успевшим, себе на потеху, стравить гоев, — всерьез. Жидам весело, когда «истинно русские люди» кусают палку, а не того, кто ею ударил.

— *Catus amat pisces, sed non vult tingere plantas!*..

VI. Евреев нередко превозносят за их «музыкальные способности». И едва ли против этого можно спорить с успехом, когда, за кошачьими концертами, которые ему устраивала жидовская пресса, не очень хотели слушать и самого Рихарда Вагнера (см. его «*Die Juden in der Musik*»). Да и как можно сомневаться в неизреченных талантах Израиля, когда, еще недавно, один представитель «древнейшей аристократии на земле» мог вволю распотешить свою «большую публику», заметив, что у его дедушки есть немного слуха, «так он тоже играет... на бирже!..»

Во всяком случае, не мешает поглядеть на еврейский вопрос и с «музыкальной» стороны. У немцев есть поговорка: «*Wenn die Christen miteinander raufen, machen die Juden die Musik dazu*» — «Чтобы об этой музыке составить ясное понятие, надо, конечно, по-

слушать хорошего музыканта». Так вот как о ней повествует Франц Лист:

«Еврей идет все вперед по пути к монополизации денег. Он уже достиг сейчас такого положения, что, в минуту опасности, может сжать или освободить горло целой страны, — по мере того, как будет стягивать или распускать свой кошелек, ставший в его руках ящиком Пандоры. Мелкие ремесла и грошовое барышничество, которыми он довольствовался поныне, уже никуда, по его мнению, не годятся теперь, когда он заменил их безграничными операциями банков и огромными гешефтами биржевой игры, т.е. такими сферами, где с головокружительной быстротой он стал неограниченным владыкою и повелителем».

«Еврей до отвалу насосался всеми видами современных вольностей с той целью, чтобы, уже без всякого стеснения, вести атаку против любой христианской правды. Он захватил весь объем деятельности прессы, дабы с большим успехом потрясать самые устои нашего гражданского быта».

«Подобно тому как он ненавидит Бога на Голгофе, — точно так же он пылает злобою ко всему, что представляет силу, благородство и величие тех религиозных общин, которые исповедуют Распятого Господа. Он — естественный, прирожденный враг всего, на чем покоится их незыблемость, благоденствие, процветание и слава».

«Вероломно стремясь к тому, чтобы, через смешение с христианами в тайных сообществах, обращать их деятельность на пользу Израиля, — еврей, с давних времен, всегда и прежде всего, норовит примыкать к таким шайкам, которые поставили себе за-

дачею ниспровержение существующего порядка. — При этом, для еврея безразлично, каков собственно данный режим, равно как и то, ради чего именно другие стараются поколебать его».

«Еврею все годится, раз оно имеет целью ниспровергнуть, во-первых, трон, а во-вторых, алтарь, или, — что для него еще лучше, — сначала религиозные, а затем и государственные установления».

«Ему доставляет истинное наслаждение, когда в смутах революции гибнет и вихрем бешеных перемен рассеивается все, что в христианской цивилизации есть высокого, чистого и прекрасного!..»

VII. Искажая все благородное и великое, это врожденно и бесповоротно развращенное племя, эти священные воры, как их называли древние Германцы, давно извратили самое понятие о свободе в произвол для евреев совершать преступления безнаказанно. Возводя в свой исключительный культ монополию монополий, они всегда и повсюду делали жизнь туземцев невыносимой, когда получали господство. Сыны Иуды становились везде поработителями, когда сами не бывали порабощены; — они истребили бы целые народности, если бы их собственному размножению не было полагаемо границ. Рабья служба окоченелому авторитету есть древнейшая основа иудейского гражданского строя, по крайней мере в той же степени, как и неизлечимое в них притяжение к серебру и золоту египтян. Корпуса же еврейской печати стоят всегда наготове, ожидая команды, чтобы, за надлежащую плату, тотчас выступить за всякое дело и против всякого дела. Поэтому антигебраизм, облыжно именуемый евреями антисемитизмом, дол-

жен быть начертан на всяком — истинном знамени свободы...

VIII. От времени до времени, хроническое страдание еврейства маниею величия переходит в буйное помешательство, главным образом вызываемое несоразмерностью между целью и средствами Израиля. Кровавые, озверелые ужасы тогда становятся нормальным проявлением иудейской природы. Не говоря о завоевании Ханаана или об осаде Иерусалима, либо о прелестях нынешнего «освободительного» движения, не мешает для образца припомнить хотя бы о восстании сынов Иуды под предводительством одного из самых свирепых лжемессий — Бар-Кохебы (132—135 гг. по Р.Х.). Злоупотребив доверием местных жителей, евреи вырезали в Египте, на о. Кипре и в Кирене до полумиллиона греков-христиан, пожирали мясо несчастных, лизали их кровь, обматывали себя их внутренностями и, сооружая гекатомбы из их черепов, плясали *danse macabre* вокруг!..

— *Indocti discant, et ament meminisse periti...*

IX. Мудрено ли, что в искусстве создавать к себе ненависть евреи не знали соперников (профессор Грановский) и что уже в древнем мире на еврея смотрели, как на опасного сумасшедшего, против которого необходимы крайние меры защиты...

«Обусловив необходимость участия в осаде Иерусалима таких двух полководцев, как Веспасиан и Тит, а также лучших легионов римской армии, — укрепления этого города были выстроены с столь несокрушимой силою как бы в предвидении последствий той ненависти, которую сами же евреи, среди окружающих народов, возбуждали веками». (Тацит.)

И что всего поразительнее?! Эксплуатируя всякую

революцию и, без замедления, перебегая на сторону сильнейшего, — еврейство преследовало свою основную политическую задачу и чрез Бар-Кохебу. Под предлогом преследования христиан, которое нередко совершалось по доносам или при участии евреев, питало их злорадство и неизменно приводило их в восторг, они рассчитывали усыпить бдительность римских властей — с целью разлить огонь революции и, в общем крушении, достигнуть не только гибели ненавистного им христианства, но и восстановить независимость Иудеи.

«Если недостатки римского провинциального управления республиканской эпохи были в самом деле вопиющими, то столь же несомненны и грандиозные результаты, достигнутые, благодаря существенным улучшениям, которые в эту отрасль администрации были внесены Империею. С учреждением принципата, водворяются периоды постепенно усиливающегося, в течение 200 лет, процветания Галлии и Испании, Греции, Малой Азии и Сирии, Египта и бывшей Карфагенской территории. Запад быстро и прочно латинизируется — Греческо-Восточный мир пользуется обильными привилегиями. Везде господствует мир и порядок; повсюду растет благосостояние и довольство римским правительством; всюду последнее свою задачу поняло, стало быть, правильно и выполнило ее искусно».

«Только в одной стране все усилия Рима ввести целесообразный режим оказались неуспешными, только с одним народом справиться нормальными способами римлянам не удалось. Этой страной была Палестина, — этим народом являлись евреи».

«На евреях Рим перепробовал чуть ли не все мыс-

лимые формы международных и правительственных отношений, — от дружественного нейтралитета до грубого милитаризма, и, в конце концов, был приведен к убеждению в необходимости разрушить Иерусалим и выселить жителей из их родины».

«Иными словами, вековой опыт и природная политическая мудрость не подсказали римлянам иного решения еврейского вопроса, чем то, к которому некогда вынуждены были прибегнуть Салманассар и Навуходоносор».

— Жид не сие, не оре, та обманом бере!.. — Жид обманом живе, та все з нас тягне!..

«Греки были истинным народом Божиим» — говорит Фурье — «между тем, как евреи, нынешние потомки которых все еще дерзают присваивать себе этот титул, были прямым исчадием ада, летописи которого исполнены вопиющими и гнуснейшими злодеяниями. Не оставив ни одного памятника в области искусств и наук, сыны Иуды запятнали себя упорным стремлением к варварству, когда бывали независимы, и к фарисейской теократии, когда бывали порабощены!..»

Х. Эксплуатация чужого горя и нищеты — излюбленная профессия евреев. Но они не могли выдумать ничего более совершенного, чем «буря смятения» на бирже. И сама земля Ханаанская не приносила прекраснейших «урожаев»! Сверх того, эти бури тем хороши, что вконец сбивают с толку гоев. Действительно, куда заберутся евреи, там поднимается такая кутерьма, что и кошка не распознает своих котят!..

XI. Напрасны были все усилия исправить или обезвредить евреев. Макиавеллизм, иезуитизм, мартинизм — только бледные оттиски талмудизма, цель которого,

на пути веков, неизменно заключалась в стравливании гоев для завоевания ими же самими собственного рабства.

Таков, без сомнения, и основной тон нашего «освободительного» движения, как политического мошенничества сынов Иуды — с целью грабежа большой скорости («магер-шелал-хаш-баз» — см. Исаии, VIII, 1.).

Таковы же, в свою очередь, и наглые уверения евреев, будто кишиневский, а за ним и дальнейшие погромы организуются правительством, — при благосклонном участии полиции и войск. Здесь, хотя бы по поводу тех, действительно продсланных евреями в Ханаане, зверств, которые облыжно приписывались Милюковым в Америке кишиневским погромщикам — уже в отношении самих евреев, не излишне, по данным судебного следствия и приговора Одесской Судебной Палаты, с участием сословных представителей, удостоверить, что: а) страшный экономический гнет, равно как бесстыдные и предерзостные издевательства сынов Иуды над русским населением были исключительными причинами погрома в Кишиневе; б) еврейство, особенно чрез свою «самооборону», изувечило более 60-ти, убило здесь свыше 12-ти русских раньше, чем началось возмездие в виде погрома; в) явною клеветою было утверждение еврейской печати о распарывании животов у беременных евреек, забивании гвоздей в голову «старейшинам многострадальной синагоги» и размождении о камни иудейских младенцев; по надлежащем исследовании, — как сейчас же вслед за этой ложью, так и затем, пред Палатою, еще в 1903 году, местный врачебный инспектор Перетяткович, другие врачи и сам главный доктор еврейской больницы, Слуцкий, засвидетельство-

вали, что ничего подобного не было; однако и это не помешало, так сказать, даже на днях, «шаббесгою» Милюкову повторять указанную, дерзкую клевету за океаном... Единственно, на что мог указать Слуцкий, это на изнасилование жены какого-то Когана; — факт «богохульства», пожалуй, ибо по объяснению Слуцкого, Коганы суть потомки Аарона и в этом качестве сохраняют право благословлять «народ» в синагоге. Отсюда же, конечно, и немецкая поговорка: «Божие благословение у Когана» («Gottes Segen bei Kohn»).

XII. Далее, сам признавая, например, что 18-го — 21-го октября 1905 г., в Одессе, всем был известен факт недопускания полицией босяков из порта и город, именно в предупреждение погрома, «Западный центральный комитет самообороны — Поалле-Цион»¹, тем не менее, клеветает на правительство в том же смысле, как и по кишиневскому делу, лукаво стараясь отождествить свои рабовладельческие поползновения с химерами социальной революции и предательски заманивая «шаббесгоев» на «защиту» еврейства, якобы во имя свободы в России. «Знай-те, — наставляет комитет, — что чем царизм будет слабее, тем он сильнее будет устраивать погромы». «Отряды (вооруженные другими революционными партиями и состоящие не из евреев), борющиеся с царизмом, должны быть каждую минуту готовы воевать и с громилами».

XIII. Злостно и цинически, т.е. буквально по-еврейски, относясь ко всему иноплеменному, а в особенности к русскому, и подробно разрабатывая во-

¹ См. его издание «Одесский погром и самооборона». «Tueries d'Odessa et la Self-Defense». — Librairie Albert Schultz. Paris 1906. — «Поалле-Цион» — социал-демократическая фракция сионизма.

просы рекрутирования, снаряжения, вооружения и обучения, равно как «тактики и стратегии» иудейской самообороны в России, т.е. организации и маневрирования национальной армии Израиля на русской земле¹, — комитет, однако, с виду иронически, а по существу предательски — даже в отношении собственных «союзников», т.е. с змеиным замыслом обезоружить их, — возвращается к «райской мечте» о городской милиции. Как известно, она весьма затевалась одесской, московской и некоторыми иными «прогрессивными» городскими Думами. Завершает же «комитет» свои упования так: «городская милиция, состоящая из общественных элементов, а не из наемников, хотя бы и на городской счет, станет возможною только, когда в ней нужды не будет, т.е. после перехода войска на сторону народа и свержения устраивающего погромы царизма...» Выдвинув такие руководящие положения, комитет удостоверяет, с другой стороны, что на громадных митингах в одесском университете, особенно в октябре 1905 г., предпринимались революционными организациями сборы денег на покупку оружия, — конечно, не только для обороны, но и на случай вооруженного восстания; повествует о том, что, имея несколько сот револьверов, из которых 150 было доставлено профессором, «очень бравым человеком» (Щепкиным), университет был главным штабом, казармою, цитаделью и арсеналом революции, где полевым ее судом истязались, а затем и казнились «хулиганы»; захлебывается от восторга пред победами «освободительных» команд и поет дифирамбы прекрасно действовавшим

¹ Эта армия состоит, по крайней мере, из 150 000 вооруженных, а частью и обученных «молодых евреев».

мореходным классам, «ученики которых были, разумеется, все русские» и, что всего удивительнее, «почти не затронутые пропагандою». «Университет же внутри был забаррикадирован на случай нападения войска».

XIV. Что же касается, наконец, общего вывода, то он, без сомнения, трогателен: «сознательные революционеры, интеллигенты и рабочие, — говорит комитет, — защищают нас, где могут и сколько могут, так же мужественно и самоотверженно, как и мы сами!..»

XV. Воистину, нет ничего презреннее, но ничего нет и надменнее еврея. *Nihil est Judaeo miserius aut superbius!..*

**В. Дальнейшее исследование путей
еврейства, преимущественно в России. —
Иосиф Прекрасный. — Пурим. — Мировая
тирания сынов Иуды. — Эммануил Кант**

«Кто любит гоя, тот ненавидит своего Творца».

Талмуд

Мать городов русских — Киев, «откуда пошла есть Русская земля», является для еврейства, с политической точки зрения, особенно заманчивым. Завладеть Киевом и его древними святынями, где, продолжаясь веками, прилив и отлив волн народных как бы и доныне отражают биение русского сердца, — значило стать на него ногою, т.е. доставить иудейскому злорадству неувядаемое торжество.

Главенство в Одессе и по всему югу России хотя и вселяло в евреев кроткую надежду взбунтовать Черноморский флот, а при его содействии разлить огонь

революции на весь Новороссийский край, но и этот замысел не мог бы иметь дальнейшего успеха, пока еврейство не захватит древнего Киева. С другой стороны, хотя, посягая на власть русского Монарха, революционные элементы Петербурга готовы падать ниц пред каким-нибудь Гессеном или Винавером, а «первопрестольная» Москва даже прославилась, как главная опора «ка-дет», — этой лейб-гвардии «шаб-бесгоев» международного кагала, — тем не менее, все это не могло быть прочным, пока власть его не признана в Киеве открыто.

Наконец, именно в Киеве стоит памятник Богдану Хмельницкому, и здесь еще жив героический дух «славного лыцарства Запорожского низового»:

«Воля, ретязем повита,
В плавнях спочивае, —
Слава, кровью перелита,
По свиту литае!..»

Отсюда могут снова выйти Гонта и Железняк. На юге борьба много труднее, но зато и победа гораздо слаще для евреев, чем на севере России, где их так еще мало знают...

С другой стороны, однако, могущество иудаизма стало безграничным, и он вправе, *mutatis mutandis*, позволить себе, через порабощение Киева, свести счеты с малороссами обеих сторон Днепра. Так, по крайней мере, казалось сынам «избранного» народа...

Не в Киеве ли расцвела и та кагальная археология, по которой евреи, мнящие себя потомками хозяйничавших здесь некогда хозар, готовы утверждать, что государственная власть принадлежит им здесь по праву?..

Действительно, осведомившись, как надлежало,

но отнюдь не обрадовавшись, что «жи́ды хозарстии приидоша», еще Владимир Святой, «поплевав довольно, иудейские обычаи отверже!..» Однако уже при Святополке Окаянном, как говорит летописец, евреи имели в Киеве великую свободу и власть, через что многие купцы и ремесленники вконец разорились. После смерти Святополка II, — «Кияне разграбиша двор Путятин, тысяцкого, и идоша на жи́ды и разграбиша я»¹. Когда же, почти вслед за сим, прибыл в Киев Владимир Мономах, «мятеж преста», но киевляне, всенародно, просили великого князя об управе на евреев, что отняли все промыслы у христиан. По зову Владимира, другие князья съехались на совет, и у Выдобыча, по долгом рассуждении, установили закон таков: «Ныне, из всея Русския земли всех жи́дов выслать и впредь их не впускать; а если тайно войдут, — вольно их грабить и убивать. И послали по всем градам о том грамоты, по которым везде их немедленно выслали. С сего времени жи́дов на Руси нет, а когда, который приедет, народ грабит и побивает»².

К сожалению, в соседней Польше, герцог Болеслав, уже в XIII веке, дал убежище гонимым и в Западной Европе евреям. Избыток их в Польше стал быстро отливать и в юго-западные русские княжества, а затем и в Литву.

Из свидетельства писателя XVI века, Михаила Литвина, видно следующее: «В страну нашу собрался отовсюду самый дурной из всех народов — иудейский. Он распространился по всем городам Подолии, Во-

¹ Русская летопись, с Воскресенского списка.

² «История Российская с самых древнейших времен» — В.Н. Татищева. Напечатана при Императорском московском университете, 1773 г. Книга II, стр.: 45, 65, 212, 213 и 405.

лыни и других плодородных областей. Народ вероломный, хитрый, вредный, который портит наши товары, подделывает деньги, подписи, печати; на всех рынках отнимает у христиан средства к жизни; не знает другого искусства, кроме обмана и клеветы».

В конце того же XVI века, католический епископ в Киеве, Иосиф Верещинский, писал еще и так: «Жи́ды выщедили из нас все имения. Они околдовали нас, как цыгане, и заразили своим дыханием, как волки. Разоряют нас как хотят, и, к стыду нашему, всех — от низшего сословия и до высшего — водят за нос!..»

Таково было положение евреев на западе России, невзирая на то, что еще в 1495 году Александр Ягеллончик, великий князь литовский, приказал «всю жи́дову выбити вон из земли».

Увы! Несмываемым пятном на поляках лежит истязание ими Украины через евреев. Вековая борьба казачества с Польшей резюмируется в таком виде. Торжествуют казаки, и в мирный договор вносится условие об изгнании евреев из всей Украины. В самый разгар борьбы один из подчиненных Богдану Хмельницкому вождей, Кривонос, писал главному польскому воеводе на Украине, князю Острожскому: «А жи́дов, ваша княжеская милость, благоволите препроводить до самой Вислы, потому что они прежде всех виноваты, — они и вас с ума свели»!.. Торжествуют поляки, пишется другое условие: евреям дается право быть обывателями и арендаторами в имениях королевских и шляхетских. Так тесно были связаны между собой интересы польских панов, верховодивших всем в государстве, с интересами евреев-арендаторов, заправлявших всем в их имениях...

Говоря в частности о том, как евреи в Малороссии издевались над народом, через откуп у польских па-

нов в аренду самых церквей, а равно как, с особою нормировкою, монополизировали они печение куличей и пасох в Светлый праздник, — Костомаров приходит к выводу: «Итак, производя жидовство над христианами, на их же собственной земле, такую тяжкую наругу (поругание), сами между тем свои пейзажи отправляли свободно и проклинали христиан и веру их в синагогах своих, на Русской же земле построенных, невозбранно»...

Ту же картину, но уже сквозь слезы и скорбь поэтической народной души, мы видим как в «Тарасе Бульбе» Гоголя, так и в «Гайдамаках» Шевченко.

«Разве не от блуда, лжи и лицемерия произошло и само поколение Иуды?» (Бытие XXXVIII, 23—27).

Что же касается высказанного на суде профессором ветеринарии в политехникуме, Ивановым, мнения, будто евреи служат к благополучию Киева, развивая торговлю и кредит, то по этому предмету не мешает заметить, что: а) если иудейский кредит есть поддержка, то, без сомнения, такая же, как веревка для повешенного, и б) Киевская Русь — без евреев вела обширную торговлю с незапамятных времен; древнейшие договоры с Греками, к нам дошедшие, относятся уже к IX веку; в том же столетии Русь имела торговые сношения, помимо греческого, с латино-германским и западно-славянским мирами; от половины IX столетия есть известия еврейского путешественника Ибрагима ибн-Якуба, который говорит о приходе русских торговцев с товаром, через польский Краков, в чешскую Прагу; дошедший же до нас Рафельштетинский таможенный устав (начало X века) сообщает, что в IX веке довольно оживленная торговля велась между Киевом и Регенсбургом, а также иными баварскими, подунайскими городами. Независимо от сего,

предприимчивая Русь торговала и с мусульманским Востоком. Так, к первой половине IX века относятся известия арабского писателя Хордадбега о том, что русские купцы привозили тогда на верблюдах свои товары в Багдад, где их соплеменники, — славянские невольники, — служили им переводчиками. Наконец, не следует забывать и о транзитной, через Киев, торговле Новгорода, Пскова и Юрьева, равно как варяжских и ганзейских земель с теми же — Царьградом и Востоком.

Вмешательство евреев отравило все эти сношения, подорвало кредит киевских купцов и повело к угнетению местного населения незванными пришельцами, как это мы знаем даже из времен Святополка Окаянного, а отчасти и из «Русской Правды» XII века.

С другой стороны, в Киеве, уже при Владимире Святом и его ближайших преемниках, культура стояла весьма высоко, а пути сообщения были таковы, что, выехав из Чернигова утром, Владимир Мономах успевал к вечеру прибывать на свидание с отцом своим Всеволодом, сыном Ярослава Мудрого, в Киев. Чудные мозаики на сохранившейся доныне «Нерушимой стене» — в Софийском соборе и такая поэма, как «Слово о полку Игореве», сами за себя говорят. Этого не было в те времена ни в Польше, ни даже на Западе.

А чем же, за данную эпоху, могли бы похвастаться евреи?..

Увы, — в наши дни, «избранный» народ захватил в Киеве почти всю торговлю и промышленность, коммерческий и поземельный кредит, а если политически еще не властвует официально, то в экономическом отношении, уже совсем не церемонясь, тиранизирует

как самый источник благосостояния народного — земледелие, так и все остальное вокруг.

К сожалению, выходит за пределы нашей проблемы хотя бы краткий обзор истории евреев в Велико-россии и других странах, на пути веков, как бы он ни был поучителен. Но сведущий и вдумчивый читатель согласится, что изложенная выше сжатая картина иудейского поведения в киевской земле — лишь конспект того, что содеяли евреи на всем пути своей истории.

Да и что можно сказать о тех, кто и самого рая не может себе представить без золота (Бытие II, 11 и 12)? Чего ждать от народа, который, придя в Египет — в количестве 70 душ, вышел, через четыреста лет, уже в составе 600 000 — одних способных носить оружие, т.е. в общем итоге не менее, как в 3 000 000 душ, и, невзирая на такое размножение, сохранил лишь неистовые проклятия для страны, которая ему дала такое благоденствие!..

В самом начале своего пребывания в Египте, тогдашний Витте, знаменитый в Израиле — Иосиф Прекрасный, скупив хлеб за счет египтян, будто бы про запас — на случай голода, затем не только лишил их движимого и недвижимого имущества, но и обратил всех в рабство (Бытие, XLI, 36, XLVII, 14—21). И, наоборот, Иосиф Прекрасный не только не делал того же относительно своих родственников, а снабжал их, — снова за счет египтян, всем потребным, да еще и поселил в лучшей части земли египетской (Бытие, XLVII, 11 и 12). Конец же своего пребывания в Египте евреи ознаменовали тем, что сами и через жен своих выманили у египтян и египтянок серебряные и золотые вещи и одежды, после чего, обобрав своих хозяев, скрылись... (Бытие XV, 14, Исход III, 21 и 22, XI, 1—3 и XII, 35 и 36). Пример Египта знаменателен, в особен-

ности, потому, что на нем мы наблюдаем полный цикл пребывания евреев в стране, — его начало и конец. А дабы не сомневаться, что такая же судьба ждет и всякий иной народ, оказавший сынам Иуды гостеприимство, надо помнить, что, по неискоренимому убеждению евреев, таково и общее правило, — что так всегда было и будет впредь.

Мы не имеем возможности, да и не видим надобности ни цитировать далее, ни указывать на то, как означенные тексты истолкованы в Талмуде. Это увлекло бы нас чересчур далеко. Но и сказанного достаточно, чтобы уразуметь, почему первое историческое упоминание о евреях в Киеве, за 1113 г., является и указанием на первый же здесь еврейский погром. А ведь, кажется, тогда не было ни «провокации», ни «организации» погрома правительством (ведь, как объяснено, после смерти Святополка Владимир Мономах даже не успел прибыть в Киев), ни тем паче — «попустительства» чинов полиции или войск.

«Палестинцы, которые живут среди нас, — говорит Эммануил Кант, — привлекли на себя внимание своим ростовщическим духом и репутациею плутов, хорошо обоснованною в большинстве случаев. Строго говоря, казалось бы нелепым воображать себе нацию, где каждый человек вор. Но не менее странно видеть и такой народ, который состоит исключительно из торгашей, пренебрегающих честью быть добрыми гражданами страны, их приютившей, и, взамен того, предпочитающих наживу, которую они добывают, обманывая жителей этой самой страны».

Таковыми немногими, но вразумительными указаниями глубочайшего мыслителя дело о погромах разъясняется без всяких, — для самого же еврейства заведомо ложных, басен о «провокации», «организации» etc.

А если и засим потребовался бы высокий по этому вопросу, но и отнюдь не враждебный евреям, авторитет, то мы сошлемся хотя бы на Ренана, который, в своем «Антихристе» удостоверяет: «бедный Израиль всю свою жизнь провел от погрома к погрому!»

Оставаясь по поводу этой «бедности» при особом мнении, но, разумеется, не уступая Ренану в авторитетности, историк Мишлэ, в свою очередь, резюмирует историю евреев так: «От пощечин к пощечинам, — и вот они на троне мира!..»

Возвращаясь же к Киеву, напомним и другую сторону в характере сынов Иуды, быть может, даже более для них опасную. Как было удостоверено на суде, «сознательные» студенты университета св. Владимира, — вскоре после растерзания Великого Князя Сергея Александровича в Московском Кремле бомбою, делили между собою часть военного пальто, залитую кровью страдальца... Одновременно с этим, там же, в университете, продавались и фотографические карточки Каляева — убийцы Великого Князя. Защищали же Каляева, в Московском Военно-Окружном Суде, — Мандельштам, а в Главном Военном Суде, Мандельштам и Беренштам. Таков один из еврейских подвигов в «русской» революции, прежде всего направленной против сильных врагов Израиля.

Дабы уразуметь весь ужас этого факта, а также в поучение всем, кто имеет дело с евреями, никогда не следует забывать о «Пуриме»¹, равно как и о том, что

¹ История Гамана и Мардохея, с невероятным бешенством злобы празднуемая евреями вот уже 2500 лет (см. кн. Эсфирь), а в настоящем году — 20 февраля. Она имеет своим предметом зверское истребление сынами Иуды 75 000 именно сильных врагов Израиля, в 120-ти провинциях Персии, при царе Артексерксе Лонгимане (кн. Эсфирь VIII, II, IX, 16).

сейчас названное, иудейское торжество из торжеств явилось наградой не одной Эсфири, которая гнушалась лежать не обрешенных и всех иноплеменников, а и Мардохею, искавшему добра лишь своему народу и говорившему во благо племени своего (Эсфирь, IV, 17 и X, 3).

Но и «Пурим» сполна вразумителен лишь при сопоставлении с нижеследующим.

Не может быть сомнения, что, по основному верованию евреев, следующие тексты имеют для них силу не только в прошлом, но и в настоящем, а еще более — в будущем:

«Ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы, и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать» (Второзаконие, XV, 6). — «Ты будешь насыщаться молоком народов и груди царские сосать будешь» (Исаии, LX, 16). — «И придут иноземцы и будут пасти стада ваши, и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями». (Исаии, LXI, 5). — «Сыновья иноземцев будут строить стены твои и цари их будут служить тебе. И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем, ни ночью, чтобы приносимо было тебе достояние народов и приводимы были цари их» (Исаии, LX, 10—11). — «И будут цари питателями твоими и царицы их — кормилицами твоими. Лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих» (Исаии, XLIX, 23). — «Ибо народы и царства, которые не захотят служить тебе, — погибнут, и такие народы совершенно истребятся» (Исаии, LX, 12). — «Будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их» (Исаии, LXI, 6).

«И предаст тебе Господь Бог царей в руки твои, и истребишь их из поднебесной» (Второзаконие, VII, 24).

«Не можешь поставить над собою царем иноземца, который не брат тебе» (Второзаконие, XVII, 15).

Г. Несколько слов о ходе «русской» революции — при благосклонном участии сынов Иуды

Евреи любят колоть сахар на чужой голове!..

Немецкая поговорка

Государственный человек может предвидеть, что за разгромом извне обыкновенно следует революция внутри страны. Нет также ничего удивительного и в том, что враг пользуется предателями. Понимая кое-что в этом, Бисмарк даже заметил, что он не знает, для чего бы могли существовать евреи, если не для того, чтобы служить шпионами. Но все это не относится к России, ибо наша революция явилась не результатом, а одной из важнейших причин торжества Японии. Сыны же Иуды, равно как ползавшие у их ног «освободители», — свои и чужие, — не только содействовали нашим поражениям, как и чем могли, но и, стремясь к порабощению залитой слезами и кровью русской земли, поздравляли себя телеграммами на имя микадо!..

Теперь, «избранный» народ утешает вас похвалой, что под Мукденом и Цусимой он рассчитался за Кишинев и Гомель. Но и в 1903 году, госпожа Адам, — в «Revue Bleue», предостерегала об этом всякого, кто еще не понимал сатанинского заговора, Великобританиею, масонством и всемирным кагалом расчи-

танного на гибель России. Дерзкое вмешательство Рузвельта в «судьбу» кишиневских евреев само по себе, впрочем, показывало, что дело обстоит отнюдь не благополучно. Иудейская же петиция, поданная Гею, «расцвела именно на маньчжурской почве», — пророчески указывала г-жа Адам...

В свою очередь, члены центрального еврейского комитета в Кишиневе, повествуя перед Палатою (ноябрь 1903 года), что «даже китайцы в Нью-Йорке жертвовали», никак не могли, однако, дать отчет в собранном «на пособия» иудеям миллионе, хотя и бросались десятками тысяч рублей, — на словах, конечно. Действительно, около половины этой суммы, по крайней мере, должно было найти свой «исход» в тех «бескорыстных» затратах «освободителей» на «русскую» революцию, которые сейчас, по-видимому, уже ни для кого не составляют тайны.

Не следует забывать, далее, и того, что, — подготавливаясь к «освободительному движению», иудаизм развивал свои силы с достаточным коварством. Раньше, чем в Кишиневе же успело открыться заседание Палаты по кишиневскому погрому, в Минске собрался «всероссийский конгресс сионистов» (20-го — 25-го августа 1903 г.). Его разрешил министр внутренних дел Плеве, должно быть, не сознавая значения этого факта, как не постигал он и той свистопляски кагала вокруг «подстрекательной» на погром телеграммы, которая еще недавно была навязываема ему же, Плеве, скромным собеседником Милюкова в Civic Forum'e, литовским евреем Уларом, подписавшим, как он говорит, уже 300 смертных приговоров, в том числе и самому Плеве...

Принимая, засим, во внимание, что «сионизм» основан Герцлем только в 1897 году, а свирепый «Бунд»,

его спутник, возник лишь в 1898 году, нельзя не признать, что, — и помимо указанных, для нас крайне опасных, условий, — разрешение «конгресса», уже в 1903 году, достаточно свидетельствует как о степени нашей прозорливости, так и о «величии» Израиля. А дабы никто не сомневался в замыслах иудаизма, вскоре же за тем пытавшегося отрицать за русским народом и самое право на существование, отметим: во-первых, что, на «конгрессе», были установлены: национальные цвета евреев — белый и голубой, особый сионистский знак (сродный масонству), национальный же клик — «гейдод!» сионистский гимн, и, наконец, — еврейская национальная гвардия; и, во-вторых, что едва закрылся «конгресс» в Минске, как произошли (29-го августа 1903 г.) убийства евреями христиан в Гомеле — при злодейском, разумеется, соревновании обучавшихся под Гомелем же отрядов иудейской «самообороны», а это, в связи с действиями «жидовского батъки», полицеймейстера Раевского, вызвало (1-го сентября того же года) доныне оплакиваемый сынами Иуды «гомельский погром».

С другой стороны, самое рассмотрение кишиневского процесса создало еврейству только новый случай пролить в заграничной печати целые потоки крокодиловых слез, тем более трогательных, что русские люди были обречены на молчание, так как, по распоряжению министерства юстиции, дело, из-за которого наша родина была, вдобавок безнаказанно, оклеветана с таким вопиющим цинизмом, слушалось при закрытых дверях.

Здесь, с особою силою, надлежит отметить факт, что уже в то время, то есть прежде, чем «избранному» народу, — через ту же прессу, «русскую» и иностранную, удалось составить погромщикам репутацию ху-

же каторжников, а затем и достигнуть исключения их из амнистии 21 октября 1906 года, всемирный кагал, через «шаббесгоя» Струве (впоследствии, наравне с Пергаментом, ставшего депутатом Государственной Думы), объявил *orbi et urbi*, что эти «погромщики» лишаются самого права защиты. «Пусть их Шмаковы защищают!» — вопиял Струве в «Освобождении».

Надо ли повторять, что эта зверская угроза не осталась мертвой буквою!..

Еще в XIII веке, либерально мысливший монарх и покровитель еврейских ученых, император Фридрих II (1215—1250 гг.), оказался вынужденным совершенно устранить сынов «избранного народа» от общественных должностей, справедливо заметив, что «как только иудею дана власть, так он сию нагло злоупотребляет». В XVIII столетии, из собственного опыта, к тому же выводу пришел Фридрих Великий, а за ним, уже на наших глазах, и другие многие...

1904 год и половина 1905 г. прошли среди ужасов войны. Наши «освободители» радовались, когда мы плакали!.. Двое же лучших «друзей России», Троцкий и Мартов, оказавшиеся жидами Бронштейном и Цедербаумом, с особым усердием разрабатывали, так сказать, теоретически, программу немедленного превращения нашего Отечества в социал-демократическую республику...

9-го января 1905 года расцвела «Гапониада», а в 4 часа утра 15-го июня, новейшей конструкции и самый сильный из броненосцев Черноморского флота, «Потемкин», уже бомбардировал Одессу, — под командою еврея Фельдмана. Наравне с другими единоплеменниками своими Фельдман вскоре бежал, как скрылся в Австралию и другой еврей — Руттенберг, убив Гапона, когда в нем уже не оказалось надобности...

27-го августа последовала автономия университетов в политехникумов. Революция приобрела, таким образом, экстерриториальность, по крайней мере для своих главных центров. Засим, 18—24 октября, состоялось вооруженное восстание в Одессе, дав России не только образчик иудейского «конвента» в местной городской Думе, но и таких двух «депутатов» Государственной Думы, как профессор «захватного» права Щепкин и президент Черноморской республики Пергамент. Дерзнувший же им противиться градоначальник Нейдгардт едва избежал арестантских рот.

В ноябре Россию порадовал новый бунт, в Севастополе, «великого» Шмидта, также пытавшегося улизнуть, впрочем, для дивертисмента, — как мать родила. Наконец, для кагального апофеоза, сподобились пережить, в декабре, вооруженное восстание и мы, в Москве, — за счет Японии и князей Израиля, равно как при соучастии Финляндии и под командою столь же быстро прибежавших из Швейцарии, как и поспешивших «удрать», жидовских «генералов», вроде главнокомандовавшего на Пресне «Седого», он же Завулон Левин, и иные прочие...

Spectatum admissi, risum teneatis, amici!..

Независимо от сего, если Гапон, еще в начале 1905 года предсказывал бунт на юге России — к июлю того же года, то действительное осуществление плана, обдуманного революционерами заранее, и самая общность их мероприятий удостоверяются всем дальнейшим. За Севастополем, как известно, дали себя знать Кронштадт и Свеаборг. Все шло к «лучшему» — в этом лучшем из миров, как, вдруг, — в самый развал «свобод», т.е. в октябре и ноябре 1905 года, среди железнодорожной, почтово-телеграфной и всяких иных

забастовок, дни 17—22-го октября были, «страшно сказать», отмечены в летописях революции так называемыми погромами.

Покинутый властями, истязуемый, унижаемый и расстреливаемый, в куски разрываемый «освободителями» русский народ обратился, наконец, к самозащите.

Он покарал врагов отечества: в Томске и Николаеве, в Великих Луках и Ростове-на-Дону, в Орше и Новозыбкове; в Аккермане и Горбатове, в Ярославле и Кутаисе, в Лодзи и Екатеринбурге; в Одессе и Вологде, в Вязьме и Житомире; в Балашове и Белостоке¹, в Саратове и Нежине, в Тифлисе и Седльце...

Если бы ему не мешали, народ сам расправился бы и с тем «русским правительством», которое, *ad maiorem Israeli gloriam*, дирижировало революцией из Петербурга, в лице «совета рабочих депутатов», с такими делегатами «всемирного кагала», — как названный выше «товарищ» Сруль-Ицка Бронштейн и Рухля-Фейга Маянц, во главе. Носарь являлся такою же пешкою «благочестивого» кагала, какою, под командой Винавера, Бака или Гессена, доныне служит Милюков. Пора же, наконец, уразуметь нам факт, почему и председателем «всемирного конгресса социалистов», — не далее, как в прошлом году, был немецкий жид Зингер, а «представительницею российского пролетариата» — являлась польская еврейка Роза Люксембург, не взирая даже на то, что она не Роза и не Люксембург...

¹ Дабы не сомневаться, чем именно обуславливался погром в Белостоке и каково было расследование о нем, произведенное первою Государственною Думою, через ее депутатов, еврея Якубзона, армянина Араканцева и женатого на еврейке Щепкина, припомним, что все производство об этом, из самой же канцелярии Думы, — исчезло.

В результате же иудейских забот о русском народе уже первая Государственная Дума блистала такими «избранниками» России, как Винавер, Каценеленбоген, два Френкеля, Червоненкис, Левин, Котловкер, Иоллос и Герценштейн...

Эти позорные и беспримерные факты не могут, однако, быть предметом лишь негодования с нашей стороны. Их надо понимать хотя бы для того, чтобы не допускать повторения.

В Сиаме водится змей — гамадриада. Он не только принадлежит к породе удавов, но и так ядовит, что укус его для слона смертелен в четыре минуты; пред ним туземцы трепещут, страшась больше, чем тигра или черной пантеры... Тем не менее, естествоиспытатель должен не гневаться, а изучать гамадриаду. Таково и наше положение относительно кагала кагалов. Справедливо замечено, что влияние иудаизма на любой преступный замысел — это действие тропического солнца на полярную растительность. То же мы видим и в «русской» революции. Она подготовлялась издавна, многими причинами и получила сильный толчок из далекой Маньчжурии. Но лишь кагальная сплоченность, ограбленные у нас же евреями деньги, наглость, упорство, жестокость, вероломство и деспотизм сынов Иуды дали те ужасающие результаты, которые едва не погубили Россию...

Уразуметь ход событий, хотя бы с некоторою ясностью, значит не забывать о заветах истории. Евреи были, как известно, ближайшими родственниками финикиан и карфагенян.

Подводя итоги многовековой борьбы семитов с арийцами, историк Курциус заключает свои размышления так: «Греция воспрянула только, когда ей уда-

лось ниспровергнуть господство семитизма финикийского, — Рим заложил основы мирового владычества лишь в войнах на жизнь и смерть, которые он завершил победою над семитизмом карфагенским».

18-го же октября 1905 года, именно под командою двух иудеев, Шлихтера и Ратнера, расцвечал вооруженный бунт в Киеве. Показания свидетелей, как и все обстоятельства дела, установленные на суде, приводят к убеждению в том, что в ночь на 19-е октября город был бы покрыт баррикадами, а с рассветом «самооборона» и союзные ей боевые шайки пособников кагала, шаббесгоев-«освободителей», залили бы кровью мать городов русских, превратив Софийский собор, церкви св. Илии, Десятинную и Андрея Первозванного, а затем, без сомнения, и Киево-Печерскую Лавру в жидовские цитадели... Ведь «избранный» народ, как повелитель, не позволил бы, разумеется, поступить иначе, если собственные «школы» и синагоги он не жалеет отдавать под склады оружия и бомб, равно как для организации, снаряжения и вооружения «молодых евреев», т.е. такой надежды Израиля, перед которою «презренные гой» повинны не рассуждать, а трепетать...

Увы, еврейство обсчиталось на этот раз!..

Потомки «славного лыцарства Запорожского низового», сыны многострадальной Украины, двинулись против кагальных браунингов, парабеллумов и маузеров с пустыми руками, но с львиным сердцем. Мгновенно обратив негодяев-«освободителей» в бегство, они кинулись в погоню. Разгоняя «горе-героев» из самых потаенных убежищ, — сокрушили и, в несколько часов, долой смели жидовскую революцию...

**Д. Очерк революционных событий
в Киеве, пред Всемилоостивейшим
Манифестом 17 октября 1905 г.
и до передачи генерал-губернатором
полномочий по охране порядка —
военным властям**

Если бы Бог жидов слушал, — давно
бы все христиане перевелись!

Народная поговорка.

Общий характер, преемственность и самое содержание Киевских событий в существе таковы¹:

I. Основным фоном картины послужили, без сомнения, растерянность и беспомощность власти. Но

¹ Основаниями дальнейшего изложения являются: а) письменные доказательства, представленные защитой; б) мотивированные объяснения самих подсудимых и в) показания свидетелей, главным образом, тех, которые, по просьбе защиты, были вызваны уже во время судебного следствия. К той и другой категории относятся свидетели: Корочанский, Миллер, Зинкевич, Кулицкий, Щерица, Корнилович, Харитоненко, Тиханович, Челюскин, Миронченко, Крыжановский, Кучеров, Семешко, Армфельд, Шукайло, Васильев, Дворников, Ламакин, Войтюк, Шиманский, Ткаченко, Гуковский, Ковальчук, Москалев, Рудь, Мельниченко, Сапрыкин, Зданевич, Сильченко, Шушерин, Госочинский, Филькин, Нефедов, Козловский, Варивода, Кореняк, Саенко, Котов, Ралота, Сенькин, Позняков, Новицкий, Рылов, Кожуховский, Максимоджи, Кошма, Столитенко, Калуга, Раенко, Кочупалов, Ивженкова, Грецкий, эксперт доктор Белявский, Рябченко, Зыков, Чикунов, Плохий, Писарев, Марио Алессандри, Вышинский, Муругий, Захарчук, Эру, Зряков, Литвинов, Мельницкий, Шредер, Кучеренко, Эйхельман, Зяблов, Свиргунов, Петрушенко, Хагельман, Мищенко, Бошно, Трофимович, Мушников, Попов, Гляз, Кобец, Щербаков, Макаров, Разумихина, Пирожков, Савенко и другие, — равно как показания свидетелей по обвинительному акту и со стороны гражданских истцов. Часть этих последних свидетелей, впрочем, указана выше; затем идут преимущественно евреи, или служащие у них русские, а также: Карвовский, Гене, Соляков, Матюшенко, Страшевский, Истомин, Фаломин, профессора политехникума: Рузский, Иванов, Нечаев, Лучицкий и иные многие.

если, при этих условиях, ее местные агенты медлили и колебались в свою очередь, то зловещая политика Витте ставила их прямо — в безвыходное положение. Этим отлично пользовались евреи, придавая себе значение, для которого, быть может, и не усматривалось достаточной подготовки. Все это, вместе взятое, с особою силою отражалось на людях «потерянных». Представляя нередко большинство в органах местного управления, они, в предвидении случайностей, усердно заигрывали с революцией. Еврейские же газеты и митинги, деморализуя невежественные массы и обещая никуда негодными средствами все возможное и невозможное, довершали хаотическое состояние государства. Новая Россия стала готовиться в жидовских лабораториях. Самооплевание же и самоунижение наши, наряду с бесстыдством и наглостью евреев, обеспечивали свободу для них одних. Железная дисциплина кагала и его вековая организация, равно как изобилие звонких аргументов, добытых обманом и насилием, непрерывно увеличивали полчища мстительных и разъяренных шаббесгоев. Параллельно с этим, чем ужаснее были невзгоды войны и чем оскорбительнее для русского достоинства являлись поражения, тем нахальнее становилось еврейство. Мукден же и Цусима вывели иудейскую продерзость из всяких пределов...

II. Пользуясь изложенными обстоятельствами всю, сыны Иуды устремились на «дезорганизацию» общественных сил и на «координацию» собственных. «Разве политическая забастовка не есть вооруженное восстание?!» — восклицал «товарищ» Бронштейн. Насильственная приостановка торговли, закрытие водопроводов, стачка аптек, не говоря о прекраще-

нии движения трамваев и о принудительном закрытии фабрик и учебных заведений, — все было применимо в Киеве уже за несколько месяцев до 18-го октября 1905 года. Разбои же и убийства шли, разумеется, своим чередом. Повальные тревоги в населении, грозная неуверенность в завтрашнем дне, звериный вой «освободительной» прессы, скорбь и паника, слезы и кровь — создавали ту атмосферу, в которой свирепый кагал и не менее озверелый «Бунд» распропагандировали чернь, заманивая ее безумными видениями «диктатуры пролетариата»...

— Жид обманом сыт.

III. Страшною загадкою для будущего историка явится вопрос, как могла наша интеллигенция пасть жертвою кагала столь наивно? Не время, конечно, и не место развивать эту проблему сейчас. Но мы не можем не напомнить о горестной судьбе наших высших учебных заведений. Устремившись сюда целыми толпами, евреи быстро захватили власть. Сперва, «избранный» народ был представляем только студентами, затем — обладателями фальшивых аттестатов зрелости и, наконец, — бесчисленными проходимцами обоих полов. Переодеваясь то солдатами и чиновниками, то офицерами и рабочими, евреи на митингах обманывали с той же дерзостью, как они лгут в своих газетах. «Автономия», сама по себе, подсказывала дальнейший образ действий. Испуганные или лукавые, раболепствующие перед бунтарями или ведущие двойную игру, профессора оказались лучшими союзниками «освободительного» студенчества, а затем были вынуждены стать и на его защиту. Невзирая на оппозицию социалистов-революционеров и «Бунда», социал-демократы в Казани и Харькове, в Петербурге и Одессе, в Москве и Киеве настояли на

открытии университетов и политехникумов, как наилучших пунктов концентрации сил — исключительно в целях революции. Произносились кровожадные речи, припасалось оружие, а нередко и бомбы. Здесь производились сборы на милицию и прокламации; отсюда распространялась бунтарская и порнографическая литература, сюда же, — в заключение, заглядывали и «сознательные» экспроприаторы.

Плохо жить, когда жид набежит...

IV. Одновременно с изложенным, шло развитие иудейской «самообороны». Еще летом 1905 года, замечалась по вечерам, на Большой Васильковской и прилегающих улицах г. Киева, как бы по тревоге, мобилизация кагальных сил.

В черных блузах, кожаных поясах и мягких шляпах собирались вооруженные — «молодые евреи». Совершая бесчинства, избивая, а то и увеча прохожих, они разбегались не менее, как перед сотнею казаков. Позже, а особенно перед 18-м октября, в Орше, Новозыбкове, Одессе и других местах, — между прочим, в Киеве, такая мобилизация распространялась уже и на окрестные города и местечки. Целые гостиницы бывали переполнены «молодыми евреями», шайки которых, под видом защиты от громил, предательски обстреливали патриотические манифестации и просто мирных обывателей, а также полицию и отряды войска. Это происходило в Киеве — 18, 19 и 20-го октября, когда еврейская «самооборона», отчасти рекрутируемая и студентами не-евреями, стреляла из запертых дворов с балконов, из-за углов, равно как из приотворенных подъездов, с чердаков и крыш, а также из-за прикрытых ставнями окон. Иногда убийцами являлись отдельные, хорошо вооруженные евреи. Так, мы знаем злодеяния, учиненные Григорием Брод-

ским, его братьями, «панычами» Мишею и Юзею, сыном доктора Вишнепольского и другими сынами Иуды. В Киеве, на Подоле, существовала даже особая — «ярославская биржа», где еврейство сговаривалось, а подчас и открыто торговало оружием, патронами и материалами для снаряжения бомб. Со своей стороны, не дремал и «Бунд», вменяя приобретение револьверов евреям в обязанность. К 18-му октября 1905 года в Киеве уже были вооружены многие евреи, — молодые и пожилые, мужчины и женщины, а так называемые «шлюхательницы» — чуть ли не поголовно.

Не следует забывать, в другом направлении, что: а) организация еврейства облегчалась существованием профессиональных (а не одних приходских) «школ» и синагог; б) в этих «молитвенных» домах оно пользовалось неограниченным «правом» сходок и подготовки всяческих замыслов, и в) недоступный для «гоев», еврейский жаргон исключал возможность какого-либо надзора — даже, когда начинала грозить нам опасность государственная. Только этими условиями и отсутствием предателей, беспощадно караемых смертью (по Талмуду), мыслимо объяснить те единство действий и всеобщность плана, которые сразу обнаружились, на путях революции, по всей России...

«В уме зело остры, великого пронырства и мрачного зла преисполнены!..» — сказал бы Петр Великий...

V. Памятуя, что толпа движается не идеями или принципами, а подтасованными образами или фактами, кагал не терял случая инсценировать «кроважность» русского правительства. Так, в Стародубе, с революционными атрибутами, евреи хоронили случайно умершего в октябре рабочего, а Москва едва ли скоро позабудет о роковом для нее скандале похорон ветеринарного еврея Баумана. То же самое мы видим

и в Киеве, — 1-го октября 1905 года, на похоронах адвоката, крещеного еврея же, Куперника, умершего без всякой «кровожадности», просто от болезни. Окруженный толпами единоплеменников, изукрашенный революционными орифламмами и предшествуемый флагом с надписью: «Честному гражданину от К.К.П.С.Р.» (киевского комитета партии социалистов-революционеров), — гроб Куперника был пронесен по улицам Киева с неистовыми бунтарскими песнями. Был даже момент, когда евреи заплясали вокруг гроба, а на возражения отвечали: «Нам лучше известно, что приятнее покойнику!..» Прискучив же, наконец, слушать церковное пение: «Со святыми упокой!», — когда священник пошел по одной улице, сыны Иуды унесли гроб по другой. Вблизи кладбища они оттеснили скромную христианскую процессию с гробом скончавшегося члена Окружного Суда, ворвались на кладбище и открыли стрельбу из револьверов, причем была убита еврейка. Само собою разумеется, что в университете был созван митинг для торжественного погребения этой «новой жертвы русского произвола». Еврейство настаивало на своем, даже когда установлено было, что извлеченная из трупа убитой пуля относится не к револьверу Смита и Вессона, каковою системою, однако, вооружены околоточные и городовые, а к браунингу «освободителей». Только предание тела еврейки земле, по распоряжению власти, положило предел издевательствам кагала...

VI. Тем временем митинги шли своим чередом. Еще до объявления «автономии» (27-го августа 1905 года) скопища евреев и шаббесгоев происходили в так называемом «Литературно-Артистическом» обществе, на Крещатике, — впрочем, именно на «съезде психиатров», как это, в свою очередь, происходило и

в Москве — на так называемом «пироговском съезде», который евреями же был превращен в какой-то дьявольский шабаш. Не успел закрыться «съезд психиатров», как в том же «Литературном» обществе, на лекции Водовозова, дерзко порицавшего существующий государственный строй, был дан кошачий концерт приставу и городовым, — с поранением одного из околоточных. Приветствиями же вроде: «Царский холоп», «опричник», «злодей», «кровопийца»... евреи отнюдь не затруднялись встречать полицейских чинов, солдат и казаков, на улицах, походя. Бывали случаи иудейской стрельбы по городовым и полицейским чиновникам, даже в домах и гостиницах. На Подоле «молодые евреи» попадались и с бомбами, а также расстреливали войска и полицию, — залпами из нескольких домов подряд, и, для дивертисмента, вооруженною силою нападали на полицейские участки. С 18 по 20 октября, одним приставом Рапотою, именно ввиду такой «мирно-ликующей» стрельбы, было составлено 18 протоколов. На суде еврейство отговаривалось, конечно, «самообороною» или «провокациею», а то еще, например, и тем, что какой-то ребенок нечаянно разбил пистон...

VII. Митинги в политехникуме и в университете св. Владимира все разрастались, — особенно после объявления «автономии». В огромном большинстве, — надо ли повторять, — преобладали евреи и еврейки, но бывали, разумеется, и «сознательные» пролетарии, а, в частности, — рабочие с железной дороги и заводские, с киевского предместья — Демиевки. В университете, уже 7-го сентября, собралось до 3000 человек. Они потребовали актовый зал, в котором происходил совет профессоров для выбора деканов и секретарей факультетов. Часть толпы, с евреем-студентом

во главе, ворвалась в названный зал, взломав запертую дверь и объявив «постановление», что университет должен служить для целей пропаганды и для борьбы с существующим государственным строем. Сообразно с таким дебютом шло и дальнейшее течение этого первого «автономного» митинга, наряду с которым не мешает упомянуть хотя бы об одном из «мирных академических» сборищ в политехникуме. Здесь, ввиду приближения полиции, были устроены, под командою студентов, баррикады, а часть скамей была собрана на втором этаже, с целью сбрасывать их вниз, если полиция войдет в вестибюль. Полицеймейстера же Цихоцкого, в холодный осенний день, у здания политехникума, студенты обливали из брандспойта, и притом — струей такой силы, что вышибли у него портфель из рук. «Счастливо отделался полицеймейстер!» — так показывал на суде один из профессоров политехникума. Действительно, кроме арсенала скамеек, Цихоцкому и сопровождавшим его чинам полиции, как только они вошли бы внутрь здания, грозил не один запас скамеек, кидаемых со второго этажа, но и арсенал браунингов, который, на этот случай, заботливо припасли студенты-«боевики», притаившиеся в ближайших коридорах. Правда, по словам того же профессора, даже социалисты-революционеры, среди студентов, отличаются «мягким и нежным сердцем»; тем не менее, и он не скрывал, что, кроме названных образцов добродетели, в том же студенчестве политехникума имеются фракции социал-демократов, бундистов и анархистов, кротость которых еще не доказана, по крайней мере с такою же очевидностью... Следует ли напоминать, что как здесь, так и в университете, брали верх евреи — своею дерзостью, бесстыдством, шантажом и жестокою мсти-

тельностью? Однако, проникая во все партии, желая иметь козырей во «всех мастях» и повсюду являясь коноводами, сыны Иуды, с неподражаемым цинизмом, к себе гоев вовсе не допускали. Заседания Бунда были закрытыми и даже при участии лишь одних — еврейских главарей.

VIII. Параллельно с развитием столь «идеальной» свободы, — не менее пышно, в университете и политехникуме, процветало и домашнее воровство. Таскали галоши, шапки, пальто; воровали друг у друга лекции, книги и абонементные билеты на обед; расхищались учебные пособия в лабораториях и кабинетах; крали серебряную и платиновую посуду, а однажды стащили даже 7 пудов ртути... Число же посетителей на митингах все росло, как расширялась и программа. В целях террора «сознательных пролетариев», отнюдь не допуская ее на митингах и на «выборах» — у себя, евреи-коноводы вменяли, однако же, «четыре хвостку» (всеобщую, прямую, равную и тайную подачу голосов) в первую обязанность будущего социального строя¹. В беззаветном же, идеальном стремлении осчастливить нас «диктатурою пролетариата», они проповедовали равенство обоих полов,

¹ Для подобающего восхваления наших «освободителей», не мешает, — наряду с этим, припомнить, что как в первой, так и во второй «Государственных Думах», именно через открытые голосования, главари «сознательных пролетариев» тиранизировали их, без всякого стыда. Крестьяне-депутаты жаловались на прямые угрозы со стороны евреев, которые, как известно, в обеих Думах, заправляли всем. Поневоле скажешь, что дикарь южной Африки, бушмен, вел себя добросовестнее, так как был, по крайней мере, откровенен. На вопрос, что такое добро и что есть зло, он отвечал: когда я украду чужую жену, — это добро, а если мою жену украдут, — это, разумеется, зло!..

требовали созыва учредительного собрания и социал-демократической республики в России.

Как на сборищах и забастовках в управлении Юго-Западных жел. дорог, так и на упомянутых митингах, председательствовал конторщик управления, социал-демократ, еврей Шлихтер, — «много потрудившийся» для революции в Киеве. В свое время он, разумеется, скрылся. Невзирая на такую доблесть, присяжный поверенный Кальманович и его товарищи, другие поверенные гражданских истцов, всячески старались на суде освободить Шлихтера от принадлежности к «избранному» народу, — и даже, *horribile dictu*, — производили его в лубенские казаки!.. Это тем более забавно, что, по заявлению г. Кальмановича, «он сам имеет честь быть евреем» и что столь же высокую «честь» как он, так и его товарищи, всемерно навязывали своему недругу, а, в их глазах, — и злостному изменнику перед Израилем, подсудимому Гольдеру, хотя сей последний от нее упорно отказывался.

IX. В октябре 1905 года, митинги перевалили уже за 10 000 человек. Будучи одним из организаторов всеобщей железнодорожной забастовки, Шлихтер, на митинге 13-го октября, через переодетых евреев, — без сомнения, в доказательство иудейского величия, равно как и во имя правоты своих утверждений, выставил, на кагальную потеху, уже целый маскарад — из 14-ти офицеров разных воинских частей!.. Памятуя о предыдущей (эпизод «Потемкина») и последующей (бунты в Севастополе и Свеаборге) трагикомедиях, поставленных на «русскую» сцену «избранным» же народом, невольно скажешь еще раз, вместе с немцами, кое-что понимающими в этом отноше-

нии: Wenn die Christen miteinander raufen, — machen die Juden die Musik dazu!..

Речи произносились, главным образом, представителями социал-революционной партии и членами Бунда. Рисуя, наконец, современное политическое состояние России, Шлихтер уверял присутствующих, что в Петербурге уже созвано учредительное собрание, а войска в Петергофе и Царском Селе сложили оружие и перешли на сторону революционеров. Как бы в подтверждение этого, раздавалась, в массе копий, будто бы полученная из Петербурга телеграмма такого содержания: «Открытый здесь съезд делегатов конституционно-демократической партии, после долгих дебатов, объявил себя учредительным собранием. Рабочий и служебный Петербург стал. Рельсы разобраны. Столица отрезана. Заседания конституционно-демократической партии происходят под охраной тысяч рабочих. Собранные войска бездействуют. Мы у порога великих событий!» — Наряду с Шлихтером одним из главных ораторов этого митинга был помощник присяжного поверенного, — всеконечно, еврей же — Ратнер¹.

Х. Того же 13-го октября, на соединенном митинге помянутого сейчас скопища и сходки студентов политехнического института, не только производился усиленный сбор на оружие, но и определено было, во-первых, начать с 14-го октября всеобщую забас-

¹ См. «Всеподданнейший отчет» сенатора Турау, стр. 11—12. — Надлежит, с другой стороны, иметь в виду, что, еще на днях, за всех членов первой Государственной Думы, осужденных по делу о выборгском воззвании, залогов внес еврей Гольдштейн, — по поручению бюро конституционно-демократической партии.

товку и, во-вторых, организовать троякого рода отряды: а) для насильственного прекращения работ, занятий, торговли, равно как всякого обыденного движения в Киеве; б) для вооруженного сопротивления полиции и войскам, когда понадобится, и в) санитарные — для подачи помощи раненым и другим пострадавшим чинам организации.

XI. Дальнейшие же постановления «соединенного митинга» явствуют из следующего. В ночь на 14-е октября 1905 года киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, генерал-адъютант Клейгельс, известил временно-командующего войсками Киевского военного округа, генерал-лейтенанта Карасса, так: «По достоверным сведениям, сегодня, 13-го октября, на сборе в университете, толпою в 10 000 человек, организовавшеюся в революционную партию, решено 14-го октября, к 10-ти часам утра, всем собраться вооруженными в университете, а оттуда идти на важнейшие общественные здания и учреждения: вокзал, где предположено соединиться с рабочими Юго-Западных ж. д., городской театр, Думу, все среднеучебные заведения, полицейские участки, начиная с Лукьяновского¹, и т.п. Имея в виду, что осуществление этой программы есть не что иное, как вооруженное восстание, я, согласно № 16 Правил о содействии войск гражданским властям, передаю полномочия военному начальству — с 14-го октября, 7 ч. утра».

XII. Немедленно, генерал-лейтенант Карасс отдал следующий приказ: «Предлагаю генерал-лейтенанту Драке принять самые энергические меры к подавле-

¹ В этом участке находится и тюрьма.

нию беспорядков. В случае надобности, — употреб-
лять в дело оружие. Словом, с 7-ми часов утра 14-го
октября, власть к обеспечению порядка в городе пе-
редается Вам»¹.

Е. Дальнейший ход иудейского бунта в Киеве. — Евреи и Витте. — «Великая революция» и ее заслуги пред всемирным кагалом. — Еврейский иезуитизм

«Люди сами хотят, чтобы их обманы-
вали, — так пусть же обманываются...»

Павел IV, папа Римский

А. Итак, с утра 14-го октября 1905 г. Киев был, в
сущности, объявлен, на военном положении. Как же
власть привела себя к этой необходимости? Почему
не было принимаемо целесообразных мер вовремя,
хотя, как показали события 18-го октября, предупре-
дить вооруженный бунт вовсе было не трудно? Чем
объясняется, что задуманная евреями и «шаббесгоя-
ми» политическая и социальная революция в России
развивалась открыто и почти беспрепятственно, —
да еще в казенных помещениях и за счет того самого
правительства, которое она же умыслила ниспро-
вергнуть?..

На эти вопросы нелегко дать ясный ответ. Много
еще воды утечет, пока на «русской национальной вы-

¹ Засвидетельствованные копии этих извещения и приказа, по
получении их из штаба Киевского военного округа, защитник под-
судимых А.С. Шмаков представил особому присутствию киевского
окружного суда, в заседании по настоящему делу. Раньше о них в
деле не было даже упоминания.

ставке» будут экспонированы крапленые карты издававшихся над нами политических шулеров и та, заранее подтасованная обстановка, среди которой они обыгрывали и «сознательных пролетариев», и «черносотенцев» наверняка.

Утверждая, что подготавливаемые историческим путем элементы революции и жалкий позор войны с Японией представлялись достаточными для взрыва самих устоев многовековой жизни нашей страны, — мы только приблизились бы к истине, но далеко не раскрыли бы ее во всей наготе.

Б. Уразуметь ход грозных событий возможно не иначе, как — среди многого другого, доныне туманного, загадочного, а отчасти даже неведомого... Впрочем, мы и теперь не совсем лишены возможности прозреть, если примем к сведению хотя бы один, беспримерный в летописях мира и даже невероятный, но, увы, действительный факт. Именно в эту, еще невиданную людьми, эпоху, председателем русского совета министров оказался человек евреев, муж еврейки и едва ли не масон. Будучи сам только второстепенным орудием иноземной и свирепой интриги, — Витте исполнял свою роль усердно, но, быть может, не совсем понимая ее. Превознесенный иудейскою печатью выше облака ходячего, он, — даже по уму, — далеко не являлся, однако, тем исчадием ада, каким его хотят видеть иные, так как сам же погубил свою дальнейшую, изумительную карьеру. Если он шел по заранее начертанному другими плану и если благоприятные условия, таинственными путями, для него готовились, по-видимому, всемирным кагалом и масонством, заранее, — в гармонии с английским камертоном, то это еще не значит, что он же

был и заведомым автором всех результатов, которые отсюда последовали. В одном лишь не может быть сомнения: творя волю наших врагов, он не знал ни стыда, ни жалости. Огромная власть, которою он располагал, без сомнения, налаживала, поддерживала и прикрывала революционные замыслы. Тем не менее, с другой стороны, нередко, его зловещая деятельность выражалась только пассивно — в соответственном подборе лиц, как агентов правительства на местах, с расчетом лишь устранять противодействия «освободителям». Наряду с этим, невзирая на грозность событий, нельзя не признать, что, для нашего усыпления, — бездействием власти, придавался упомянутым замыслам вид чего-то временного и как бы маловажного.

В. Весьма достойно сожаления и то, что мы не знаем ни всемирной, ни даже собственной истории. Говоря о положении сынов Иуды в Средние века, Дюринг заметил: «Евреи все поработили бы, если бы сами не были поработщены». И вот, — уже вслед за первым разделом Польши оказалось, что в Белоруссии, где еврейство не было поработщено, оно действительно явилось поработителем. Свидетельствуя об этом, могилевский губернатор, генерал-поручик, а впоследствии генерал от инфантерии и граф, М.В. Каховский, с редким мужеством боровшийся против еврейских деспотизма и коварства, — писал, в 1773 году, генерал-губернатору Белоруссии Чернышову:

«Евреи — народ хотя и трезвый, но ленивый, плутовской, суеверный, к чистоте не приобыклый. Все они — прищельцы и умножаются там, где правление слабое и не наблюдающее правосудия. Живут обманом и трудами крестьянскими. Находят все средства

задолжать обывателям, и тем, по принуждению, терпимыми себя быть заставляют. Должны всем, у кого только занять было можно, а напоследок умышленно делаются банкротами. Хитрым и ласкательным вымыслом входят в милость и покровительство у знатнейших здешнего края жителей, дабы только кредит свой подкрепить, так и в судах, через протекцию, дела запугать. — Народ несправедливый, злобный. С воорами и разбойниками имеет сообщение. — Из них всякий на все в состоянии покушение сделать. — С их сообщества, в здешнем крае умножаются преступления. Они подлых людей умышленно подговаривают промышлять воровством. Им дана здесь воля и все способы к изнищанию крестьян доставлены. Без трудов, — одним обманом, они в сих местах пропитание имеют. — Обманов еврейских такое множество, что их описать трудно, — а короче сказать так: что ни еврей, то и новый вид обмана!..»

Таково было первое, так сказать, личное знакомство русской власти с польскими евреями, — увы, заполонившими, в наши дни всю Россию и подчинившими себе, — *risum teneatis, amici*, — «матушку-Москву».

Но если «размах» еврейства стал теперь несравненно шире и глубже, чем в иные времена, то сущность кагальных замыслов не изменилась.

По свидетельству Тацита: «Иудейский культ нелеп и мрачен. У них все запятнано, что для нас священо, и, наоборот, почитается ими то, что в наших глазах нечестиво. Это племя погрязнет в распутстве. С их точки зрения, нет для них ничего недозволенного, — ко всем же другим народам они питают лютую ненависть».

Между прочим, говоря о Востоке, Тацит замечает о давнем и всеобщем презрении к евреям.

«Евреи не могут пользоваться свободой, — говорит Дюринг, — без того, чтобы не грозить опасностями другим народам. Как бы ни было, однако несомненно, что, кроме прирожденной рабской морали, которой никогда не изменял народ Моисеев, народ египетских рабов, — в нем, на средневековой почве, где условия были несомненно лучше, чем в Египте или Вавилоне, развилась, тем не менее, еще одна непривлекательная сторона рабского состояния. Успевая пронырством втираться между презиравшими его новыми национальностями, «избранный» народ задался целью эксплуатировать собственное рабство, дабы, в конце концов, захватить золото и серебро своих властителей. При этой, новоявленной задаче, которою определилась и доныне обуславливается деятельность евреев, их исконная мораль ничего, разумеется, выиграть не могла!..»

А что и самое рабство евреев, да еще весьма призрачное, отнюдь не оправдывает их репутации, — это показал уже Вольтер: «Баниане в Индии — то же, что евреи в Европе. Их обособляет от других народов религия, столь же древняя, как летописи мира, а связывает торговля, в которой они играют роль факторов. Эти баниане и гебры не уступят евреям ни в древности происхождения, ни в богатстве. Между тем, их повсюду встречают радушно, тогда как евреи внушают отвращение всем народам, среди которых живут...»

Историк и географ I века по Р.Х. Страбон говорит так: «Иудеи захватили все города, и трудно назвать место на земле, где бы не было этого племени или, лучше сказать, которым оно не завладело бы. Египет,

Киренаика, много других стран, переняли их нравы, тщательно соблюдают заповеди их и достигают больших выгод из принятия их национальных обычаев. В Египте, — им разрешено жить на законном основании, и им же предоставлена большая часть города Александрии¹. Там у них свой этнарх, который управляет их делами, творит правосудие, наблюдает за исполнением договоров и духовных завещаний, как будто он состоит главою независимого государства».

Подтверждаясь изложенным, то, что уже мы знаем о евреях вообще, находит за себя свидетелей в лице других историков, поэтов и государственных людей древнего мира. Касаясь только его, мы руководствуемся фактом, что это была эпоха дохристианская, когда о религиозном предубеждении против евреев не могло быть и речи. Но сочетание проблем по еврейскому вопросу остается неизменным и во все последующие времена; нельзя не признать даже, что на пути веков он продолжал лишь развиваться, становясь все более сложным и опасным.

Гомер, Аристофан и Плутарх; Набу-Куддур-Уссур и Антиох Епифан; Катон и Птоломей Филопатор; Тацит и Ювенал; Полибий и Аммиен Марцеллин; Авл Геллий и Диодор Сицилийский; Иероним и Дион Кассий; Полибий и Рутилий Нумантийский; Персий и Цицерон, Марциал и Тит Ливий; Помпей и Веспасиан; Тит и Луций Квиета; Сципион Африканский и Ад-

¹ Здесь не мешает припомнить, хотя бы по Иосифу Флавию, о борьбе жителей Александрии против тирании евреев, отразившейся в знаменательном турнире Аппиона с Филоном, а также о посольстве Филона в Рим, при Кае Каллигуле — с крайне, впрочем, неудачным замыслом овладеть привилегиею окончательного порабощения египтян.

риан единогласно удостоверяют, что все народы древности ненавидели и презирали евреев.

В особенности поучительны отзывы великих поэтов (Марциала, Персия, Ювенала, Петрония и др.), отражающих настроение современников с недоступною для других силою.

Что же касается пренебрежения самих сынов Иуды к законам страны, где они пользуются гостеприимством, то, независимо от многих иных авторов, назовем хотя бы Сенеку, Ювенала и Цицерона. Речь Цицерона за Флакка должна быть читаема в наших гимназиях, ибо, по точным данным, устами такого оратора, как Марк Туллий, и на такой сцене, как форум, — рисует живой образец того неимоверно быстрого (в одно столетие) захвата евреями власти в самом Риме, какого второй пример мы видим разве теперь, на пути XIX века, хотя уже и в целой Европе. Глубокий историк вечного города, Моммсен, не даром сказал, что, появившись в Италии не далее, как после войн Помпея, сыны Израилевы успели, однако, достигнуть здесь таких результатов, что пропреторы и проконсулы римских провинций вынуждены были за время своей службы нежно обращаться с местными иудеями, если не желали сподобиться кошачьих концертов, а то и предания уголовному суду — по возвращении в Рим.

Они так и поступали, обыкновенно. Только один, — правитель Малой Азии, Луций Валерий Флакк, не поддался ни звонким аргументам, ни отчаянному шантажу «избранного» народа. Понимая, что ежегодный вывоз евреями золота из Италии и провинций в Иерусалим, — т.е. такое сосредоточивание иудейских сил, которое, как явная опасность для римского вла-

дычества не может быть терпимо, — Флакк своим израильтянам запретил эту национальную их профессию.

Но едва лишь истек срок его службы, — и Флакк вернулся на берега Тибра, как сыны Иуды, никогда не забывающие «помогать своему счастью», не только дали Флакку несколько кошачьих симфоний, но и упекли его под суд. Отыскав тогдашнего Золя, именем Лелия, они, по своему, испытанному рецепту, снабдили его достаточным количеством лжесвидетелей и фальшивых документов, подкупили важнейших свидетелей защиты и, предъявив позорные обвинения, равно как «надлежащие» иски, целыми шайками сбежались к форуму. Здесь, наподобие хотя бы «инсценирования» кагала постановки «Контрабандистов» в наши дни, евреи теснились, галдели и кричали с трогательною надеждою отнять у обвиняемого самую возможность быть услышанным судьями, т.е., иначе говоря, стремились лишить Флакка права защиты, точно так же, как, под звериный вой «шаббесгоя» Струве, они, с невероятным цинизмом, еще недавно, проделывали это в отношении «погромщиков»...

Увы, превосходный гешефт не выгорел. После речей Цицерона и Гортензия Флакк был оправдан. Вновь обращая внимание, кого подобает, на прозорливую речь первого оратора в Риме, мы, к сожалению, должны ограничиться из ее содержания разве следующим. Обращаясь к шаббесгою-обвинителю, Цицерон не раз намекал на то, что лишь за еврейские деньги пришел сюда Лелий и только ради жидовского золота старается. Говорил и так: «Тебе ли не знать, как тяжела у них рука, какова сплоченность и чего

это стоит в наших народных собраниях?!» («Scis quanta sit manus, quanta concordia, quantum valeant in concionibus!..»)

Закончил же Марк Тулий громовыми аккордами: «Еще когда Иерусалим был независим, а евреи находились в мире с нами, — священнодействия их религии уже пылали отвращением к блеску нашей державы, величию нашего имени и учреждениям наших предков. Поскольку же нетерпимее стало все это теперь, когда, подняв против нас оружие, названное племя раскрыло свои понятия о нашем могуществе и когда, благодаря милости бессмертных богов, оно увидело себя побежденным, изгнанным из отечества и обращенным в рабство».

В заключение мы снова переходим к Ренану. Вот что свидетельствует он (см. «Антихрист») о евреях.

«Лучшие из людей были евреями, — коварнейшими из людей были тоже евреи. Еврей оказал этому миру столько услуг и причинил столько зла, что справедливо отнестись к нему невозможно. Непреодолимая потребность в волнениях обуславливалась для еврейской среды мессианическими упованиями. Когда люди присваивают себе всемирное царство, им нелегко мириться с незаметною действительностью. Мессианские теории сводились к пророчеству, которое, как говорили, было извлечено из Священного Писания и согласно которому, около этого времени, «должен выйти из Иудеи царь — владыка вселенной». С такими надеждами спорить нечего. Очевидность не в силах бороться с химерою, — особенно, когда народ с нею уже сроднился всеми силами души».

«При этих условиях, жгучее недоброжелательство к евреям было в древнем мире столь всеобщим, что

не требовало поощрений. А когда народ, в течение ряда веков, преследуют все другие народы, — можно быть уверенным, что на это есть какое-нибудь основание. И в самом деле, — повсюду, где еврейство добивалось господства, жизнь язычников становилась невозможной. Никакая жестокость не могла превзойти еврейскую. С другой стороны, надо было стать совершенством, чтобы суровая исключительность, высокомерие, враждебность к греческой и римской цивилизации, наконец, недоброжелательство евреев ко всему человеческому роду не вызывали, повсеместно, крайнего раздражения».

«Таким образом, между римскою империею и правоверным еврейством существовала непримиримая вражда, и, чаще всего, дерзкими, задорными, нападающими бывали сами евреи. Принципы их экзальтации, касавшиеся отказа от уплаты податей, сатанинского происхождения всякой языческой власти, идолопоклонства, запечатленного во всех действиях гражданской жизни по римским формам, брали верх именно в рассматриваемую эпоху. И тогда, как и до наших дней, еврей вкрадывался повсюду, домогаясь равноправия. В действительности же, он никакого равноправия не хотел. Сохраняя свои особые уставы, он требовал таких же гарантий, какими пользуются все, и, сверх того, — исключительных для себя законов. Еврейство хотело пользоваться всеми преимуществами нации, не будучи ею и не принимая никакого участия в исполнении национального долга. На это никогда и ни в каком случае не мог пойти какой-либо народ. Иностранец может быть полезен и на чужбине, но при условии, чтобы он не завладевал страной».

«Если бы евреям удалось сплотить вокруг себя всех недовольных на Востоке, римскому господству здесь наступил бы конец. На деле оказалось противоположное. Возмущение сынов Иуды вызвало со стороны народностей Сирии удвоенную верность Империи. В сирийских городах — со смешанным населением, евреи составляли наиболее состоятельный класс. Богатство их отчасти имело причиной вынужденную несправедливость, что евреи были устранены от военной службы. Греки и сирийцы, среди которых набирались легионы, чувствовали себя уязвленными тем, что люди, лишенные права исполнения гражданской обязанности и самую терпимость Рима принимавшие за привилегию, стоят, однако, выше легионеров. Ненависть же, которую надменные иудеи внушали соседям вообще, имела тот результат, что, во время кажущейся дремы римской мощи, перед «избранным» народом оказались другие враги, — не менее опасные, чем римские легионы...»

«Разумеется, и евреи действовали не спустя рукава».

«В период между Нероном и Веспассианом Империя переживала самый серьезный во всей своей истории кризис. Его как бы знаменовали страшные явления природы, завершившиеся в 79 г. по Р.Х. извержениями Везувия, от которого погибли Помпея и Геркуланум. Физическая история земли в эту эпоху доставила немало материалов самому автору Апокалипсиса. Казалось, — Бог Отец покрыл лик свой. Не-чистые демоны, чудовища, вынырнувшие из какой-то таинственной тьмы, бродили по земле. Все верили, что живут накануне неслыханных событий. Мир бредил иллюзиями и чудесами. Никогда люди так много

не занимались прорицаниями. Верования в знамения времени были распространены повсеместно, и едва ли сотня-другая развитых людей понимала тщету их. Хвастаясь умением разъяснять предзнаменования, шарлатаны, «халдеи», евреи, — одним словом, хранители более или менее подлинных, ветхих бредней — Вавилона, эксплуатировали окружающее, повальное невежество. Совпавшие с этим моментом дожди болидов производили сильнейшее впечатление. Кометы, затмения, ложные солнца, северные сияния, в которых чудились короны, мечи, потоки крови; знойные облака, где в пластических формах рисовались людям сражения, волшебные животные, — все это с жадностью примечалось и, быть может, никогда так сильно не влияло на массы людей, как в эти трагические времена. Только и было разговоров, что о кровавых ливнях, об удивительных действиях молнии, о реках, поднявшихся против течения, о целых потоках слез...»

«Под влиянием ассирийского искусства нарождались видения, т.е. многообразный символизм, где отвлеченные идеи передавались посредством химерических воплощений, создаваемых вне всякой действительности».

«Не запомнят другого момента, чтобы кора древнего материка так ужасно волновалась, как в этот период. Земной шар содрогался в конвульсиях. Уже в течение двух столетий почва Малой Азии колебалась непрерывно. Городам то и дело приходилось перестраиваться. В иных же местностях, как, например, в Филадельфии, подземные удары стали, наконец, повторяться чуть не ежедневно. Траль постоянно лежал в развалинах. В 17 г. по Р.Х. произошло разрушение

14 городов в области Тмола и Мессогиса; то была самая потрясающая из катастроф этого рода, о какой только слышали до этих пор. Затем, однако, 23, 33, 37, 46 и 53 годы были отмечены еще бедствиями в Греции, Азии и Италии. Антиохия не переставала страдать от подземного огня. Далее, начиная с 59 года, не было в Азии почти ни одного года, который не ознаменовался бы опять какою-нибудь новою бедою. В 60 г. была уничтожена вся долина Ликейская, а в частности расположенные там христианские города Лаодикея и Колоссы. Если подумать, что здесь именно и был центр идей миллениаризма, — сердце семи церквей, колыбель «Апокалипсиса», — невольно приходится допустить, что между откровениями с Патмоса и переворотами земного шара существует тесная связь».

«Вообще же говоря, среди изложенного мы имеем дело с редким примером взаимодействия между историею человечества и материальной жизнью земного шара».

«Действительно, наряду с указанными явлениями природы и обуславливавшимся ими состоянием умов происходили ужасы на сцене политической. В Риме, — один за другим следовали Каллигула, Клавдий и Нерон, на мрачном сладострастии и свирепом безумии которых как бы отражались физические бедствия эпохи. Кровь повсюду текла ручьями. Самая смерть Нерона, в стольких отношениях казавшаяся избавлением, явилась исходным пунктом многих гражданских войн. Восстание по ту сторону Альп и борьба Галльских легионов под командою Виндекса и Виргиния были ужасны. Галилея давно уже стала театром беспримерного истребления народа. Не напрасно

про Ирода выразился историк, что «он взобрался на трон, как лисица, царствовал, как тигр, и подход, как бешеная собака...» Война Карбулона против парфян была сопряжена с бесчисленными убийствами. Благодаря казням амфитеатр обратился в ад. Жестокость военных и гражданских нравов стерли с земли всякое милосердие. «Христиан — львам!..» пронеслось, как роковое проклятие тогдашнего мира над самим же собою...»

«Раскаленная атмосфера римской истории была, наконец, отравлена и событиями в Иудее. Всем еврейством овладел припадок бешенства, который можно сравнить только с тем, что овладел Францией во время революции 1871 года. Сверхъестественные недуги, от которых отреклась древняя медицина, стали, казалось, обычным положением иудейского народа. Наблюдая евреев, можно было бы заключить, что они пошли на все и хотят всех в человечестве превзойти неистовствами».

«Глубокою осенью 64 или в начале 65 года после Р.Х., на место Альбина, — прокуратором Иудеи был назначен Гессий Флор, женатый на подруге императрицы Поплеи Сабины, Клеопатре. Вскоре же евреи стали для него невыносимыми из-за их подозрительности, привычки кляузничать по пустякам и недостатка уважения к римским военным и гражданским властям. Эта неприязненность перешла в суровое напряжение, так что ничтожного повода было достаточно, чтобы произошел взрыв. Такой именно повод вызвал, 16 или 17 мая 66 года, столкновение между войсками Флора и евреями. Прокуратор выбыл в Цезарею, оставив только одну когорту в башне Антония. Удаление Флора с Агриппою разожгло иудейское само-

мнение. Доводя до крайности принцип, по которому жертвы могли приноситься только евреями и для евреев, сын первосвященника Анании, «комендант храма» Элиазар, заставил упразднить молитвословия за императора и за благоденствие Рима. Бунт разгорался».

«Отчаявшись что-либо поделать с «распропагандированными» народными массами, высшее духовенство и аристократия просили Флора и Агриппу вернуться, но, говорит Иосиф Флавий, — Флору нужна была война, на пути которой погибла бы еврейская нация, и он отказался. Между тем евреи, под командою Элиазара и Менахема (сына того Иуды Гавлони-та, который за 60 лет до этого впервые взбунтовал евреев), осадили покинутую Флором когорту. Долго защищались в своей башне римляне и хотя, наконец, голодом, были принуждены капитулировать, но сдались, только получив обещание Элиазара, что их жизнь будет пощажена. Разумеется, Элиазар тотчас же велел перебить их всех, кроме начальника когорты Метилия, обещавшего дать себя обрезать...»

«Императорский легат в Сирии, Цестий Галл, быстро двинулся с войском к Иерусалиму из Антиохии. Исконная ненависть местного населения к евреям и страх — ввиду тех успехов, которые летом 66 года удалось достигнуть их революции, доставили Галлу значительные, хотя малонадежные подкрепления. Сначала все шло хорошо. Но 24 июля императорский легат был разбит бунтовщиками в Габаоне (10 верст от Иерусалима), так что лишь 5 ноября мог двинуться на город вновь и хотя, по словам Иосифа Флавия, имел бы несомненный успех, однако 8 ноября 66 года от-

ступил и, преследуемый мятежниками, не без труда спасся в Антипатрию».

«Если принять во внимание обстоятельства того времени, — междоусобица, восстания в Галлии и Германии, несчастную войну с парфянами и общее состояние умов, то кровные оскорбления, нанесенные ему в Иудее, казалось, должны были положить конец владычеству Рима в Сирии и Палестине. Но, — по закону всех движений этого рода, еврейская, в свою очередь, революция только и делала, что сама себя убивала. Без всякого консервативного балласта, — корабль, отданный во власть безумствующему экипажу, не мог не стремиться к собственной гибели».

«Однако сама по себе ярость «избранного» племени против Римской империи была еще недостаточна. Евреи не замедлили пожать и плоды своей ненависти к человеческому роду. Едва Галл успел отступить из Иерусалима, как по всему Востоку пронесся какой-то общий лозунг, вызывая повсюду страшные избиения евреев. Сирийцы и греки решили сами покончить с ними. Как только обнаружилось, что между Иудеею и Римом началась война, так, в особенности сирийцы, заключили, что могут безнаказанно резать евреев. В Цезарее и Скифополисе сыны Иуды были истреблены поголовно, в течение нескольких часов. Образовав вооруженные отряды, евреи, со своей стороны, вырезывали сирийцев в Филадельфии, Гезебоне, Пелле, Герасе, Аскалоне, Себасте, Акведоне, Газе и др. местах. Сирийцы отвечали в Акре, Тире, Гадаре, Гиппосе, Гавлотиниде, Декополисе и т.д. Эпидемия «погромов» распространилась до Египта. Здесь ненависть между евреями и греками достигла кульмина-

ции, — особенно в Александрии, где, образуя настоящую, независимую республику, сыны Иуды угнетали и отравляли все вокруг».

«Тем временем засияла звезда Флавиев, и сперва Веспассиан, а за ним Тит решили покончить с Иерусалимом. Уже в Скифополисе часть евреев сражалась на стороне сирийцев против собственных единоплеменников. Тита окружали евреи же: Агриппа II, Вероника, Тиверий Александр и Иосиф Флавий, — подобно тому, как иудейские актеры и актрисы льстили и заискивали перед Нероном, жена которого, Пoppея Сабина, даже была благочестива, — как выражается Иосиф Флавий, т.е. сама иудействовала. Кроме названных легитимистов-эмигрантов, хотя и невольными союзниками Тита являлись коноводы разных, враждовавших еврейских партий. Они преследовались и истреблялись взаимно с таким ожесточением, какое можно встретить разве только в иудейской среде. На справку же, довольно вывести хотя бы кровавую дуэль шаек Иоанна Гискальского и Симона, сына Гиоры. Еврей всегда жесток, когда в его руках сила, а ради утоления своей ненависти он не затруднится в отречении и от Моисея...»

Не входят в нашу задачу картины осады Иерусалима. Мы хотели показать лишь, в общих чертах, какова еврейская революция — даже по описанию Ренана, друга евреев. Параллель с 1905 г. в России напрашивается невольно, а этого с нас достаточно. Жаловаться на киевлян «избранному» народу, во всяком случае, не приходится. Пусть он лучше вспомнит результаты своей революции 60—70 г. по Р.Х. и, утешая нас «иллюминациями» и бомбами, не забывает, что уже были времена, когда на евреев охотились, как на

диких зверей. А дабы не сомневаться в этом, да и во многом другом из описанного сейчас периода, не мешает перечитывать еврея же, — Иосифа Флавия.

Для оценки еврейства вообще, т.е. в частности и для проверки сведений генерала Каховского о евреях в Белоруссии можно было бы привести отзывы таких, например, мыслителей, как Фурье и Песталоцци, Паскаль и Гёте, В. Питт и Шлоссер, Виктор Гюго и Фейербах; Моммсен и Шопенгауэр, Туссенель, Дрюмон и Гладстон. Но дело само за себя говорит, а потому мы считаем возможным ограничиться хотя и не столь тяжелою, но все же довольно вразумительною научною артиллериею.

Наравне с другими, частью известными уже нам авторами, историк древности Диодор Сицилийский удостоверяет: «В какую бы страну ни пришли евреи, они, как свое наследство, приносят с собою ненависть к человечеству».

Засим, к хору язычников, — греков и римлян, через несколько веков, присоединился и мусульманский мир. Коран обращается к правоверным с повелением: «Непрестанно обличай ложь Израиля. Обманщик этот народ, до единого!»

Религиозный реформатор новых времен не отличается в своих взглядах на евреев от Магомета: «Я сужу о евреях прежде всего по их писаниям, — говорит Лютер. — Они с ненавистью называют нас гоями, а в своих школах и молитвах молят о ниспослании нам всяческих несчастий. Они грабят наши деньги, разоряя процентами, и, где только могут, строят нам козни. Так никогда не поступали, и прежде даже, язычники, и никто так не поступает теперь, потому что сам дьявол наставляет евреев».

Не путая нечистого в тот же вопрос, другой знаменитый германец, Фридрих Великий, издал в XVIII столетии целый ряд указов против «народа процентщиков»: «Мы повелеваем, чтобы бездельники евреи из маленьких городов, особенно из тех, что лежат в средней части государства, где такие евреи совершенно бесполезны и даже вредны, — при всех удобных случаях и при малейшей возможности, были удаляемы оттуда... Пусть они торгуют, но не может быть терпимо, чтобы, например, в Бреславль шли целые еврейские племена и превращали этот город в Иерусалим».

Современник великого короля, сначала его друг, а потом — ожесточенный враг, Вольтер, примыкает в оценке еврейства к Лютеру: «Гуроны в Америке, дикие ирокезы — были философами и проповедниками человечности по сравнению с Израилем!»

Мнение Наполеона I (речь, сказанная в Эльзасе, перед государственным советом): «Евреи, со времен Моисея, были ростовщиками и угнетателями. Надо законными мерами предупредить самосуд, к которому рано или поздно, а доведется прибегнуть по отношению к ним. Они рискуют, что в один прекрасный день их вновь перебьют, как это уж не раз бывало с ними, — и почти всегда по их вине. Надо запретить евреям торговлю, вследствие их злоупотреблений, как воспрещают золотых дел мастеру его ремесло, когда он пускает в продажу фальшивое золото. Евреев нельзя сравнивать с протестантами и католиками. О них нужно судить на основании государственного, а не гражданского права, ибо они не граждане. Мне не хочется делать ничего такого, за что потомство могло бы порицать меня, и все мои советники не мог-

ли бы меня заставить совершить что-либо подобное. Я не хочу приносить благо французских земель в жертву какому-нибудь метафизическому или эгоистическому принципу».

Отзыв мирного философа вторит характеристике, сделанной завоевателем: «Евреи должны пользоваться правами человека, — пишет Фихте, — хотя они сами же отказывают нам в этом. Ведь они люди, и их неправда не может позволить нам быть несправедливыми... Но дать им все права гражданства?.. Для этого я не вижу иного средства, как в одну прекрасную ночь отрубить всем им головы и приставить потом другие, в которых уже не было бы ни одной еврейской идеи!»

«Я не враг евреям, — заметил Железный Канцлер, — и даже, если они враги Бисмарка, — я им прощаю!.. Я готов дать им все права, кроме одного: в христианском государстве они не должны занимать ни одной высшей должности».

По убеждению известного композитора Франца Листа: «Наступит момент, когда все христианские народы, с которыми живет еврей, должны будут признать, что вопрос, — оставить ли пришельца или удалить, — будет для них вопросом жизни или смерти: вопросом здоровья или затяжной болезни, общественного мира или постоянного брожения, вечной лихорадки!»

У евреев очень немного друзей. Кто в этом виноват? Проходили века, менялись религии, исчезали народы, изменялась сама поверхность земная, — а отношение к еврейству почти не встречало перемен. Вот как пытается объяснить это чистокровный еврей Гейне: «И дела, и нравы еврейства далеко не со-

всем известны миру. Думают, что знают евреев, потому что видели их бороды, но ничего, кроме этих бород, не разглядели. В остальном они, как и в Средние века, — странствующая тайна».

Наконец, вот отзыв о его соплеменниках и самого Карла Маркса: «Не станем допытываться тайн еврейства в его религии, — наоборот: будем искать тайну их религии в самих же евреях. Что, в сущности, является основанием еврейства во всем мире? Практические потребности, корыстолюбие. Из чего делает себе культ еврей? Из всевозможных гешефтов и торгашества. Какой у него бог? Деньги».

Если бы мы больше внимали поучениям суровой действительности, — не усыпили бы нас ни активные, ни пассивные затеи врагов, как бы ни усердствовал для них Витте.

Отзывы, приведенные выше, и другие многие, которые, в любом количестве, не трудно указать еще, достаточно вразумительны.

Но — лучше поздно, чем никогда. Сейчас, насколько возможно, русские люди знают о его «заслугах перед отечеством», и молчать, уж наверное, не станут...

В сжатом очерке нет, конечно, средств осветить сказанное надлежащими фактами. Но сейчас в этом, кажется, нет и надобности. Они столь известны и многочисленны, а убеждение русского народа в такой мере глубоко, что едва ли история существенно изменит уже состоявшийся о деятельности Витте приговор.

Г. Обращаясь, в частности, к Киеву, немыслимо отрицать крайнего безразличия властей ко всему, что происходило здесь, — хотя бы с конца августа до вечера 18 октября 1905 г. Летописи революций никог-

да не видели ничего подобного. На пути веков, никто не укажет второго примера столь поразительной симпатии в действиях правительства и его лютых недругов, какой мы были скорбными очевидцами. А что касается киевских евреев, то, уже по данным судебного следствия, невозможно сомневаться в систематической подготовке «избранного» народа, его «шахматистами», к тем продерзостным торжествам, какими он рискнул ознаменовать свою победу. От великого до смешного, говорят, — один шаг. Вглядываясь в жалкое невежество наше перед замыслами кагала, нельзя не заметить, например, что, вместо ребяческого затуманивания поражений, которые, то и дело, нес Чигорин на международных шахматных турнирах, было бы много умнее, с нашей стороны, вовремя обратить внимание на факт, что над ним, обыкновенно, брали верх сыны Иуды...

Равным образом, и в том сатанинском злорадстве, которым, 18-го октября 1905 года, запятнали себя, в Киеве, именно евреи, — нельзя не видеть доказательства, что они к этому стремились заведомо, а в достижение своей цели верили неуклонно.

Д. Чтобы не спорить об этом, возьмем ближайшие указания опыта.

Произведенная, главным образом, извне, масонами и евреями, так называемая «Великая революция» стремилась к террору логически. Ясно, что для своей, — чуждой туземцам — победы, она должна была сокрушать действительных, природных французов и заменять их пришельцами и проходимцами. Отсюда, естественно, вытекали две ее основные задачи: а) следовало провозгласить не обязанности гражданина, а права человека, и б) под предлогом охраны этих прав,

т.е. во имя «свободы», необходимо было уничтожить цехи и союзы, корпорации и ордена, сословия и общественные организации, одним словом, — все, что создавалось веками на защиту слабого от сильного.

Буквально это мы и видим в действительности.

А когда разбитые по одному, превратившиеся, так сказать, в песок и лишенные предохранительных связей французы довершили вероломный замысел своих «освободителей», через ужасы Конвента и наполеоновские войны погубив цвет собственного юношества, а путем невероятного обогащения «династии» Ротшильдов твердо заложив фундамент нынешней иудейской тирании, тогда, уже без новых забот страшнейшей из всех тайных организаций, — всемирного кагала, — «прекрасная Франция» стала его жертвою тем легче, чем с большим коварством он отрицал и самое существование свое...

Вот почему, уже в 1848 г., после третьей французской революции, Прудон имел право воскликнуть: «Мы только жидов переменили!»

С наступлением же, — на деньги Ротшильдов, — нового режима Наполеона III, Маленького, когда раздался продиктованный ему акулами и удавами биржи клич: «Обогащайтесь» — для сынов Иуды начались такие чудесные «жатвы», каких никогда не приносила земля Ханаанская.

Что мы видим на патентованной родине революций — Франции, того не могло, конечно, не происходить и в других странах. А кто перечитает хотя бы «Комедию всемирной истории» Иоганна Шерра или же «Психологию социализма» Густава Лебона, тому не трудно быть скептиком уже при виде всяких «свобод»...

Последствия «Великой революции» теперь очевидны, начиная с той же Франции. «В 1791 г., бродячие евреи пришли нищими в нашу цветущую страну, — говорит Дрюмон, — сейчас, одни евреи богаты в этой самой стране, но ими же вконец обездоленной!»

При таких условиях, еврейство могло, наконец, позволить себе и сионизм, и Бунд, а в апофеозе — и приобретение государственной территории. Разумеется, такая, вновь обетованная, земля лежит уже не в Палестине, для этого совсем непригодной, а в России, — где проживает и размножается 65% всего количества евреев на земном шаре.

Е. Применяя те же приемы, как и во дни «прав человека», сыны Иуды, — сообразно успехам, каких они достигли в течение XIX столетия, — приняли у нас только другой, несравненно больший, отчаянный масштаб.

На пути тысячелетий, обоготворяя неправду, черпая силу в единстве, беспощадно истребляя предателей в собственной среде и, наконец, поднявшись до провозглашения своего верховного национализма, — еврейство не могло не видеть, что, по отношению к нам, достаточно приложить обратные начала.

В своем неизреченном милосердии, кагал рассудил облагодетельствовать Россию и такими премиями, — не в счет абонементов, как социал-демократия, револьверы и бомбы... Обеспечить же их провоз он мог лишь путем высокого искусства контрабанды — в прямом и переносном значении этого излюбленного еврейством института.

Посему, и отнюдь не в шутку, евреи решили снабдить наше отечество «партией народной свободы» —

с «американцем» Милюковым напоказ, но с Винавером, Гессеном, Баком и К^о в качестве действительных «канторов»; поручили «профессору» Карееву вычеркнуть из географии самое наименование «Россия» и, в заключение, объявили уже не «равноправие», а — «полноправие» свое.

Смысл этого, крайне ядовитого, факта обнаруживается из разнесенного кагалом же по лицу нашей земли возгласа «Долой Самодержавие!».

В существе, это значит: «Долой Россию!», «Долой Русский народ!».

Не требуется указывать вновь, какими изменническими, звериными средствами задумано было на-верное достигнуть цели. Ведь, кагал хорошо видел, что после этого с ним в жмурки играть уже не будут... Но мы не должны умолчать о замаскированном здесь, исходном принципе.

Отражаясь в различных видах издевательства и глумления над Царскими изображениями, дерзость иудейская повсюду стремилась к одной цели: осмеять и унижить святыню русского народа, а свое «полноправие» возвеличить и превознести...

Созыв «учредительного собрания» и введение «социал-демократической республики» — взамен Самодержавной Монархии, как основная задача «русской» революции, — ни для кого уже не тайна. Ясно, что в вероломных еврейских кликах «Долой Самодержавие» надо слышать предательский же расчет на уничтожение Монархии в нашем отечестве, т.е. умысел на самую его жизнь, — злодейский обман на погибель русских людей!

И мы на самом деле видим, что не руководимые

евреями «освободители», а сами же евреи, прежде всего, направляли свои коварные, гнусные, предерзостные посягательства на портреты Государя Императора и на величие его Священной Особы, как на олицетворение могущества и самого бытия России. Так именно надлежит разуместь эти ужасающие события в «освободительном движении». Таковы были суровейших кар достойные злодеяния сынов Иуды — по самым удаленным друг от друга концам нашего отечества, и, главным образом, в Киеве. Здесь, в особенности, столь отвратительные ничтожества, как Шлихтер и Ратнер, изрыгали самые неистовые хулы на величайшие святыни русских людей — их любовь к Государю и родине.

Увы, — тем более поразительною и вопиющею о законном возмездии становится роль Витте!..

В ней, преимущественно, следует искать объяснения того, что киевские власти находились в жалкой, загадочной летаргии, а своекорыстный бунт евреев и «шаббесгоев» развивался с нигде еще невиданным дерзновением...

Ж. Объявленное так внезапно военное положение, разумеется, не соответствовало планам «освободителей», и власть могла бы дать им быстрый отпор. Но, по странной, — чисто масонской «случайности», самое распоряжение генерал-губернатора Клейгельса от 14-го октября представлялось незаконным, с формальной стороны, как ввиду того, что полномочия генерал-губернатора и вообще не могли быть передаваемы командующему войсками округа, так и потому, что ни командующий войсками, ни корпусный командир, ни даже кто-либо из начальников во-

инских частей, хотя бы и равный гражданскому губернатору по должности, не мог быть поставляем в зависимость от него, а тем более — от чинов полиции. Между тем, за силою «Правил о содействии войск гражданским властям», именно эти последние, а следовательно, и чины полиции решают вопрос о применении военной силы. Вследствие чего, собственно, необходимость обратиться к оружию для подавления восстания в Киеве привела к этой, а не иной мере и какое, в действительности, значение играл здесь «граф Полусахалинский», — говорить теперь бесполезно. Но что военное положение не могло быть введено генерал-губернатором, — это являлось несомненным.

К довершению невзгод, в ночь на 18-е октября; генерал-лейтенант Клейгельс был уволен от должности генерал-губернатора, а в 11 часов утра, 18-го же октября, он сдал эту должность, за отсутствием командующего войсками, генерал-адъютанта Сухомлинова, его помощнику, генерал-лейтенанту Карассу, — кажется, недостаточно подготовленному для таких чрезвычайных обязанностей.

Столь загадочными событиями не приминули, конечно, воспользоваться «Всемирный кагал» и Бунд, — еще в особенности потому, что, наряду с означенным, юридическим исходом вопроса, бесплодным оказалось и фактическое его течение.

Задача «избранного» народа разрешалась тем печальнее, что — вместе с отсутствием генерал-губернатора, не было в Киеве и губернатора, а, в свою очередь едва лишь назначенный, вице-губернатор Рафальский отличался уже полною неопытностью.

Результаты не замедлили обнаружиться, начиная, разумеется, с «истинно еврейских» газет.

Генерал-адъютант Императора Александра I, Ламберт, отметил, уже в свое время, основную черту «политики» кровожадного Альбиона: «Жизнь англичан — это естественная история акул. Всегда на стороже кораблекрушений, они никогда не чувствуют себя лучше, как после штормов и бурь...».

Но если эта характеристика верна для «просвещенных мореплавателей», то, быть может, она еще справедливее для «избранного народа». Что же касается иудейских газет, то их, уже без сомнения, нельзя ни с чем сравнить ближе, как именно с акулами. Спокойное плавание государственного корабля для них убийственно, — то ли дело хорошенький ураган!... Впрочем, не дурны бывают крушения и в простую бурю, а когда и ее нет, — можно пустить в корабль финляндскую бомбу или японскую мину. Истинно еврейские газеты отдают себя этому благородному делу, как своей изысканной специальностью...

Вследствие соглашения «издателей, редакторов, сотрудников и наборщиков», — газеты: «Киевские Отклики», «Киевское Слово», «Киевская Газета» и «Киевские Новости», уже 14-го октября, не вышли, объявив, что временно прекращаются и ограничатся печатанием телеграмм по «освободительному» движению. Один лишь «Киевлянин» появился обычно. В свою очередь, как бы выжидая наступления заведомого, решительного события, «сознательные пролетарии» избегали только столкновения с полицией и войсками. Но с тем большим, чисто еврейским нахальством

они стали принуждать мирное население к забастовкам. Врываясь в учебные заведения, фабрики, мастерские, даже в аптеки, они повсюду требовали закрытия и прекращения занятий, работы и торговли. Где увещания не действовали, там «летучие» отряды революционеров прилагали силу: вышибали окна, избивали и калечили людей, в вагонах трамвая отнимали у водителей рукоятки от моторов, перерезывали соединения с роликами, уничтожали стекла в вагонах, ранили пассажиров, — наконец, сбрасывали и самые вагоны с рельсов.

Пятнадцать адвокатов пытались, — на память потомству, — прекратить деятельность судебных учреждений, и если не успели в этом, то исключительно благодаря твердости председателя Окружного Суда. Другая толпа агитаторов, беспрепятственно, проникла в почтово-телеграфную контору, на Большой Владимирской улице, и предложила служащим, — «во имя гражданских мотивов», прекратить занятия, угрожая явиться с бомбами и заставить это сделать силою. На требования начальника конторы, командовавший охранным взводом фельдфебель возразил, что, не имея инструкций, он не знает, как ему быть. Такое же, впрочем, отсутствие распоряжений замечалось и по отношению к другим воинским частям, которые во весь этот день, хотя для прекращения беспорядков и двигались по городу до крайнего утомления, но без всякой пользы для дела¹.

3. Между тем, бунт ревел и разгорался. И, чему нельзя не удивляться, так это — факту, что ни сами «осво-

¹ «Всепоподданнейший доклад» сенатора Турау, стр. 14 и 15.

бодители», конечно, ни военные или судебные власти, и поныне, не затрагивали вопроса о том, как могли произойти события 18 октября, когда охрана порядка в Киеве, — уже с 14 октября, была передана войскам?!

Наоборот, не говоря о предварительном следствии, — даже на суде, от времени до времени, — без сомнения, по инициативе представителей гражданских истцов и вопреки распоряжениям председателя, контрабандою проскальзывали показания евреев и шаббесгоев о «попустительстве» войсковых частей «погромщикам». В переводе на русский язык, этим выражался гнев кагала на то, что и сами войска не спешили принимать его сторону, т.е. не помогали революции. Таким образом, не довольствуясь бездействием властей, доведшим до публичного глумления сынов Иуды над святынями России, кагал, — себе на потеху, продолжал, в сущности, «дело освобождения», да еще и перед теми самыми «подсудимыми», которые, по справедливости, должны бы являться свидетелями к обвинению кагальных же старейших в «организации» государственной измены...

То же, что изложено выше о событиях 14 октября, происходило, разве лишь с некоторыми вариантами, и в последующие дни — 15-го, 16-го и 17-го октября, — невзирая на решение военных властей не допускать, с 15-го октября, митингов в университете и политехникуме, которые, с этой целью, были даже оцеплены войсками. Начались столкновения студентов с военными чинами — на почве взаимных оскорблений. Шайки еврейских агитаторов, всяческими

насилиями, продолжали воспрещать занятия и торговлю. Стал, наконец, собираться и праздный люд. На улицах показалось много любопытных, причем среди всей этой массы распространялись слухи — об успехах революционного движения.

Попытки конных воинских частей рассеивать скопища встречали уже открытое противодействие.

В казаков кидали камнями, — те отвечали нагайками, но оружия не употребляли. Среди толпы, откуда евреи бросали камни в казаков, был задержан приват-доцент университета Леонтович — с пятью студентами и доктором Женевского университета Екатериною Керкес. При обыске в «Петербургской» гостинице, выстрелом из браунинга, неизвестный еврей тяжело ранил околоточного надзирателя Вольского, но и сам был убит караульным солдатом.

Гармонируя с общею безнаказанностью «выступлений», — еще 15-го октября, под председательством Шлихтера, в университете, происходил митинг, а в актовом зале был выставлен большой красный флаг с инициалами партии социалистов-революционеров. Оттуда исходили все исполнительные распоряжения. Туда же направлялись группы студентов и воспитанников средне-учебных заведений, равно как еврейская молодежь всевозможных профессий. На университетском же дворе, составлялись отряды забастовщиков и рассылались по всему городу Киеву.

В ночь на 16-е октября, при арестах социал-демократов и социал-революционеров, был пойман и отправлен в тюрьму принимавший злодейское участие в митингах, помощник присяжного поверенного, «на-

родный предводитель» и уже бесспорный еврей — Ратнер. Что же касается «казака» Шлихтера, то его нигде и никак найти не могли, — он скрывался в одной из университетских квартир...

Впрочем, и Ратнер «страдал за народ» недолго. По распоряжению генерал-губернатора, — должно быть, в качестве лебединой его песни, вице-губернатор Рафальский, 18-го октября, дал полную свободу не только всем, кто был арестован на митинге «Литературно-Артистического» общества 14-го сентября 1905 года, но также Леонтовича и Ратнера.

Надо ли пояснять вновь, что и вообще, при указанных обстоятельствах, главенствующее участие в революции принимали, и, по талмуду, верховодили ею сыны «избранного» народа — евреи и еврейки. В требованиях же прекращения учебных занятий, торговли и движения трамваев вели себя, с отменным бесстыдством, прежде всего, именно «шлюхательницы» и жиденята. А что относится до более взрослых детей Иуды, то, не безобразничая открыто на улицах, многие из них поддерживали «освободительное» движение тем, что из окон и с балконов размахивали платками, шапками, лапсердаками, — даже юбками...

Вообще же говоря, еврейство держало себя победоносно и глумилось над христианским населением возмутительно. Софийский собор евреи грозили превратить в синагогу, а русских министров обещали заставить «подавать чай евреям же тряпичникам». Кагал мнил себя владыкою, а иудейская революция «царствовала» по-своему, т.е. нагло и бесчеловечно.

«Жида издевались над нами, осмеивая и оплевывая все и вся», — говорят свидетели.

Впрочем, *quod erat probandum!* — Евреи действительные господа Юго-Западного края.

Поработив местное население, они, до поры до времени, лишь скрадывали это. А если на все, тогда содеянное, они решились осенью 1905 года, то потому, что, не сомневаясь в своей силе и раньше, кагал, в своих же расчетах, не видел цели разоблачать ее. Если же, с другой стороны, «тупоумные гои» не разуме-ли этого, то для самого «избранного» народа факт был вполне очевиден. Провозгласив, таким образом свое господство, евреи, со своей точки зрения, не сделали ничего нового. В горестную для нас минуту, они только объявили во всеуслышание то, что, по общему ходу их истории, должно быть гоим известно давно.

И. Уныние и паника, горе и стыд, скорбь и отчаяние стали в Киеве уделом русских людей. Никто не дерзал жидам противиться, так как смерть непокорному грозила с первого еврейского чердака, из любого окна, подъезда или балкона. До крайности же невыносимым и «для гоев» унижительным оказывалось нахальство еврейских подростков. Их дерзости уже во-все не было границ...

Как бы перенесенный с «Лысой горы», — в Киеве происходил сатанинский шабаш...

Жизнь города остановилась. Все пряталось и умол-кало.

«Наша цель: в области политики — республика, в хозяйственной сфере — коммунизм, в религиозной — атеизм», — заявил в германском рейхстаге Бебель. А кто

же не знает, что еврейство и социал-демократия находятся в преступном сожитии?!

Но чем горестнее было затравленным «черносо-тенцам», тем презреннее и ужаснее держали себя «освободители».

И, что хуже всего, ни откуда не виделось просвета. Власти бездействовали, — телеграфировать же Витте могли с успехом разве евреи да их сторонники.

1. Иудейская «самооборона» и ее «шаббесгой», в свою очередь, готовились к решительному натиску. Мобилизация приезжих бундистов переполняла гостиницы на Большой Васильковской, на Подоле и в других частях Киева. Субсидируемая одним из Бродских, газета «Киевские Отклики» любовно открывала помещение своей редакции передовым деятелям «освободительного» движения, главным образом, разумеется, — евреям и полякам, при благосклонном участии и некоторых профессоров политехникума...

Сюда, в этот генеральный штаб «освободителей», стекались известия о «провокации», «организации» и «попустительстве» погрома. Отсюда же явились затем на Суде главные свидетели за «честь еврейства». Здесь, наконец, принимались меры к обеспечению «мирных упований революции» — если не через совершенное удаление из Киева войск, то путем ходатайств: о предоставлении распоряжаться в городе упомянутым «передовым деятелям», об устранении полиции с путей шествия «радостных» манифестаций, равно как о запрете посылать на улицы драгун, а, в особенности, — казаков.

**Ж. Всемиловейший Манифест 17-го
октября. — Разгар еврейского бунта
18 октября. — Митинг у здания Киевской
городской думы. — Перекрестный огонь
евреев по отрядам войск. —
Кагально-освободительная прогулка
с детьми по Днепру. — Параллели между
революционными событиями в Киеве
и в Одессе**

«Джек Кэд, — суконщик, помышляет
выворотить, вылощить и выделать за-
ново общественное благосостояние»...

Шекспир. «Король Генрих VI»

1. Около часа ночи на 18-е октября в Киеве был, наконец, получен изданный накануне Высочайший Манифест.

Утром он появился в «Киевлянине». Остальные газеты, как выше сказано, не выходили, но в неограниченном числе экземпляров распространяли по городу оттиски Манифеста. «Киевская» же «Газета» предположила ему, крупными буквами, и собственное заглавие: «Конституция».

Строго говоря, неопределенность положения была и вообще такова, что, распоряжением власти, не только отряды войска, а и чины полиции были удалены с улиц и площадей...

Очевидно, по заранее обдуманному плану, толпы за толпами — с красными и черными флагами, революционными надписями и песнями, собирались к зданию городской Думы, запружая Крещатик и соседние улицы.

II. «Долой самодержавие!», «Долой Царя!», «Да здравствует революция!», «Слава борцам, павшим за свободу!», «Ура, социал-демократическая республика!..», то и дело пестрели на флагах, — причем, иной раз, буквы были нарисованы или вышиты, несомненно, заранее. Русские национальные флаги срывались. Ими салютовали толпам бунтовщиков, — склоняя их перед черными или красными флагами. Затем, белый и синий цвета истреблялись или затаптывались в грязь, а красный шел у евреев в дело, как «знамя свободы», или же разрывался в свою очередь на банты и ленты «освободителям». Впрочем, такие же банты делались и из еврейских юбок, а в этом, наперебой, усердствовали прелестные «шлюхательницы». Этого мало: из еврейских домов выбрасывались куски, а то и целые штуки кумача — для тех же «освободительных» бантов и флагов.

III. Нет, в этой юдоли плача, двух или многих евреев, есть только один еврей, но зато в миллионах экземпляров. «Все евреи за одного и один за всех!» — таков девиз «Верховного кагала» («Хабура Кол Изроэль Хаберим»). И кому же, как не евреям, знать, что деспотизм нигде не чувствует себя лучше, как под эмблемами свободы? Поэтому, наравне со столь любезною еврейству порнографией, жонглирование «либеральными» и анархическими идеями составляло излюбленную профессию сынов Иуды — как в древние, так и новые времена. Отсюда естественно, что к «молодым иудеям» фанатически присоединялись и старшие поколения Израиля. Пожилые евреи и еврейки не только с злорадством приветствовали «манифестантов», но и лично принимали яркое участие в шествиях к городской Думе, равно как «изъявляли

всенародную радость» у самого здания Думы. Завладеть же Крещатиком жидам было тем «опереточнее», что по этому именно пути Древняя Русь, при св. Владимире, шла креститься в Днепр...

IV. Согласно показаниям проф. Рузского, Иванова и Нечаева, в то же утро 18-го октября, ученая коллегия собралась в политехникуме для взаимных поздравлений с конституциею. Затем, — по приглашению студентов, она отправилась к ним в аудитории и здесь возвеселилась совместно, без сомнения, с подобающими речами. После сего, профессора и студенты двинулись к университету, откуда решено было, уже соединенными силами, идти к Думе.

Уверив офицера, командовавшего отрядом пехоты, расположенном близ политехникума, в безобидности своих намерений, двигавшееся отсюда, в количестве 700 или 800 человек, скопище приняло в свою среду рабочих и, разделившись на группы с криками «ура!», пением революционных песен и красными флагами, направилось к Крещатику. По дороге, какие-то девочки надевали профессорам и другим «радующимся» красные банты...

V. Тем временем, у зданий университета, образовалась многотысячная толпа, состоявшая главным образом из учащихся в высших и средне-учебных заведениях, а также из значительного числа еврейской молодежи обоего пола. Здесь же, на площади, выделились ораторы, начались речи, раздались революционные песни, появились красные флаги, ленты, розетки и платки.

По требованию сборища, — «не зная, по-видимому, об его настроении», ректор университета Св. Владимира приказал открыть парадные двери главного

здания. Часть толпы ворвалась в университетский зал, мгновенно уничтожила Императорские портреты, разорвала красное сукно, покрывавшее пьедесталы, и, сделав из него флаги и ленты, раздавала их прохожим на улице. Другая часть толпы уничтожила инициалы Государя Императора на главном подъезде университетского здания и заменила их красными флагами...

Наконец, уже исключительно еврейская шайка проникла в лежащий близ университета Николаевский парк, сорвала инициалы и повредила надписи на памятнике Николаю I. Затем, евреи и на сам памятник накинули аркан, стараясь свалить статую Императора с пьедестала. Не успев в этом, они взлезли на памятник и пытались укрепить в руке статуи красный флаг. Посторонних же людей, проходивших мимо, кагальная толпа принуждала снимать перед флагом шапки.

Всем «парадом революции» командовал Шлихтер. Обращаясь к публике, он кричал: «Армия — наша... Идем!»

VI. Однако «церемониал», строго предписываемый Талмудом для уничижения гоев всеми зависящими от евреев средствами, едва, — по страшному недосмотру либералов «Бунда», не был нарушен в корне. Требовался апофеоз кагала, и вот, — прежде, чем двинуться, еврейство объявило «шаббесгоям», что перед Шлихтером, как жертвою произвола, надо пасть на колени.

Тогда, ближайшие ряды «освободителей», действительно, опустились на колени перед Шлихтером...

VII. «Манифестация» тронулась — «радоваться», надо ли это еще повторять, — с красными и черными

флагами, криками и песнями «мирного» содержания. На пути к Думе, «молодые евреи», под звуки Марсельезы, сбивали шляпы с частных лиц и даже снесли камиллавку у одного, случайно подвернувшегося протоиерея; пробовали снимать головной убор у полицейских и даже у жандармского офицера, а, в заключение, украшали и их бантами из еврейских юбок. Повстречавшихся же четырех солдат оплевали.

Все это вызывало глубокое негодование русских людей. «Мы дали Вам Бога, дали свободу, дадим и Царя!» — кричали, ничтоже сумняшся, евреи...

«Надо проучить жидов!» «Покажем им свободу!..» — стали уже поговаривать русские.

VIII. На Крещатике «казаку» Шлихтеру «подвели коня», то бишь — извозчичью клячу, которую два еврея же волокли за собою. Восседая на этом «коне» в красных, очевидно, «донских» лентах и с красными флагами, Шлихтер признавал необходимым, от времени до времени, обращаться к «народу» с поучением. Останавливаясь, он говорил, что борьба с правительством далеко не закончена и должна продолжаться до тех пор, пока существующий государственный строй не будет заменен демократическою республикою. В ответ на это из толпы слышались жидовские крики: «Долой самодержавие!» «Долой кровопийц!» и многое другое, повторением чего мы не решаемся оскорблять русских читателей.

В дополнение картины попеременно раздавались крики: «Да здравствует социал-демократическая республика!» и «Мы дадим вам царя!..» Они служили яркою «иллюминациею» той дерзости противоречий, на которую, кажется, одни евреи способны.

Под эти возгласы Шлихтер двигался далее, чтобы

затем сказать новую речь. Окружая его целыми чесночными гирляндами, дочери Израиля танцевали и аплодировали ему. «Божественный Шлихтер!», «Божественный Шлихтер!» — восклицали они, в припадках кагального умоисступления.

Выделяясь из общей массы, некоторые шайки «освободителей» пытались набрасываться и на полицейские участки. В их же среде раздавалась команда: «Идти на тюрьму!» или «На жандармское управление!». Покорные кагалу, «шаббесгой» действительно норовили шествовать и туда, но были разгоняемы войсками.

Между тем, еще невиданный древним Киевом, но отменно «радостный», триумфальный кортеж Шлихтера прибыл, наконец, к городской Думе; — и вот, сам «божественный» появился на ее балконе. Он обратился к многотысячной толпе с заявлением, что события 17-го октября лишь первый этап и что все, достигнутое поныне, вырвано у власти пролетариатом; что, памятуя об этом, — нельзя останавливаться ни перед какими средствами для созыва учредительного собрания и учреждения социал-демократической республики. Главным же образом, этот отчаянный еврей коварными приемами и в гнусных выражениях стремился предать поруганию все, что для русского сердца велико и свято. Даже при закрытых дверях заседания иные свидетели не решались сообщать Суду того, на что осмеливался Шлихтер — во всеуслышание. Впрочем, наряду с ним, были и другие «ораторы», — преимущественно евреи же, с фонарных столбов, трамвайных вагонов и т.п. изощрявшиеся в том же направлении...

IX. Толпа у здания Думы также состояла, в огромном большинстве, из молодых и старых евреев и ев-

реек, — хотя разумеется, в ней находились и разные «шаббесгой», — а также студенты и гимназисты, ученики коммерческих и других училищ. Здесь же присутствовали и профессора политехникума: Нечаев, Иванов и Рузский. Но, явившись для «всенародного изъяснения радости», они, к удивлению, вовсе не слышали здешних же речей — или потому, как показывали они на суде, что «беседовали со знакомыми», или же потому, что «никакая речь не могла выразить тогдашнего настроения». Наконец, у Думы замечались и люди посторонние «манифестантам», частью попавшие случайно. Не вынося такого унижения родины, многие из них уходили прочь; другие — в отчаянии страдали и мучились, но перед вооруженною и организованною толпой переживали горе, лишь скрепя сердце; третьи, не постигая, как все это могло происходить столь постыдно, нагло и безнаказанно, плакали...

Тем не менее, уже и в этот период бунта, не было недостатка в мужественных сердцах и суровых угрозах. Но безумие, неизменно тяготеющее над еврейством, стихийно увлекало его к той каре, которая, в результате, составляет его заслуженный, конечный удел...

Х. Вскоре, еще шайка «освободителей» на руках принесла только что освобожденного из острога Ратнера. Выйдя на балкон, он облобызался с Шлихтером. Затем, очевидно по их приказу, с наружной стороны балкона были сломаны Царские вензеля, — несколькими евреями и «шаббесгоями», причем, в особенности, старался какой-то подвязанный, рыжий жид.

В качестве «народного предводителя», Ратнер, дерзостью и цинизмом, оставил за собою даже Шлихтера. Свидетели на суде, при закрытых дверях, утверж-

дали, что речи Ратнера были еще бесчестнее и возмутительнее, если это возможно, чем то, что говорил Шлихтер.

Некоторые из свидетелей, содрогаясь в негодовании, просили освободить их от повторения наиболее позорных выражений Ратнера. Общий же смысл его речей как, впрочем, и у Шлихтера, клонился к вооруженному восстанию, ниспровержению Императорской династии и учреждению социал-демократической республики.

Террор победы кагала, — «Великой революции» во Франции, и «участь Людовика XVI» были для «народного предводителя» основными, главенствующими темами¹...

Один из свидетелей, недавно вернувшийся с войны унтер-офицер, с двумя «Георгиями», показал на суде: «Ратнера я готов был ударить камнем, и жена меня едва увела...» «Тебя на войне не убили, так здесь убьют!» — справедливо говорила она.

Действительно, в озверелой толпе, согнанной к Думе евреями и простиравшейся, по словам свидетелей, до двадцати или же двадцати пяти тысяч человек, не только производились сборы денег на оружие, милицию и революцию, но и открыто совершался торг браунингами, парабеллумами и маузерами. Само же

¹ Невзирая на все изложенное, Ратнер, — «при благосклонном участии» судебного следователя по особо важным делам, Яценко, предан уголовному суду не был. Этого мало. Именно он являлся обвинителем русских людей, то бишь, — «гражданским истцом» по Белостокскому делу, где, как известно, следователями, — к вящей славе Израиля, — оказались, в свою очередь, — Щепкин, Араканцев и Якубсон... Невозбранно продолжая свою «освободительную» деятельность дальше, Ратнер защищал на суде социал-демократов и, как уже было напечатано, собирается выступить на защиту «бомбосцев» в Полтаве... Истинно-еврейская пресса трубит ему хвалу.

еврейство бесновалось в каком-то умопомрачении. Наряду с криками: «Долой самодержавие!» и другими, еще более ужасными, слышалось: «Что?! Наша взяла!», «Наш здесь верх!», «Мы теперь властвуем над вами!», «Из нас будет Царь!..» и т.п.

Все это, без сомнения, не мешало факту, что «освободительными» деньгами кагалыные сборщики делились где-нибудь здесь же, за углом. С другой стороны, практический социализм, — в виде «экспроприаций» с браунингами и бомбами, Герценштейновских «иллюминаций», повального, многомиллионного воровства на железных дорогах и разрыва бомбами же детей, — не даром цветет столь «махрово» по всему лицу «освобожденной» им России...

XI. Среди этих, зловещих обстоятельств, поведение окончательно растерявшихся и куда-то попрятавшихся властей было воистину непостижимым...

Присланную же сюда, — как бы на потеху жидам, полуроту Камчатского полка разместили так, что толпа, — несомненно, по вероломному приказу кагала, успела окружить и перемешать ее с собою, оттеснив офицеров от солдат... Гармонируя с сим, из здания Думы, где в это время происходил митинг, стали раздаваться выстрелы. Оказалось, что на выручку полуроты приближается небольшой отряд (120) конных артиллеристов.

Увы! — Они сами не замедлили жестоко пострадать и отступить...

Подробности этого печального события не замедлят раскрыться перед нами. Для полного же выяснения как всего, уже в деле известного, так и того, что будет дальше изложено о ходе Киевского бунта вооб-

ще, надо предварительно ознакомиться еще с некоторыми частными его эпизодами.

XII. Итак, мирные и радостные манифестации 18-го октября 1905 года в Киеве дошли, — в упоении «конституциею», наконец, до воспоминаний об участии Людовика XVI и до изменнического же обстрела войск.

Чаша терпения народного переполнилась. Неистовство евреев и их рабов само жаждало возмездия. «Надо проучить жидов!..» «Мы покажем им правду-истину, — зададим им свободу!» — Эти и подобные клики стали носиться в воздухе.

Между тем, «жидовские демократы», в роде Василия Портянки и К^о, все еще терроризировали город. Человек двадцать полицейских, — офицеров и городовых, — были вынуждены скрываться в гостинице «Бельвю», на Крещатике, и, увы, — просить воинской охраны для своего спасения...

Но чаша позора для нас, русских, все еще кажется, была не полна...

«Мирно ликующая» шайка евреев и «шаббесгоев», вломившись, excusez du peu, в Военно-Окружной Суд, стала требовать, чтобы председатель его, — генерал Богданов, лично отправился в городскую Думу депутатом, и даже хотела тащить его силою. Больной и дряхлый генерал не нашелся приказать бывшему здесь же караулу из 14-ти рядовых при унтер-офицере разогнать негодяев оружием. Напротив, уступая наглости какого-то рыжего еврея, — коновода шайки, генерал Богданов согласился на предложение капитана Калачевского заменить его, в качестве депутата от Военного Суда. Выйдя на улицу, капитан надел красный бант, поздравил «народ» со свободой, и, — окруженный евреями, двинулся к Думе. Не довольст-

вуюсь этим, по своему обыкновению, сыны Иуды, в довершение срама, усадили капитана на лошадь, чтобы его видели все, а на думской площади Шлихтер даже стал показывать его «сознательным пролетариям», именно — «как депутата того Суда, который столько лет расстреливал и вешал борцов за свободу!..»

Одновременно, — в иных местах Крещатика, студенты и «шлюхательницы», под общей командой Бунда, собирали деньги «на гроб Николаю II»...

Другие члены «избранного» народа пили водку в Киево-Печерской Лавре — «за упокой Николая». В Лаврском странноприимном доме, еврейская же шайка, обещая закрыть Лавру на три года, распевала порнографические и бунтарские песни. На жалобы русских, городской отвечал, что он один бессилен, «да и говорят, — прибавил он, — что им конституция вышла!..» Со своей стороны, иеромонах Филарет только разводил руками и восклицал сквозь слезы: «Господи, Боже мой, — до чего мы дожили?!..»

XIII. Внизу, с Крещатика на Подол, согласно кагальному церемониалу, двигалась тысячная толпа — почти исключительно еврейская. Но она уже представляла некоторый вариант с тем, что происходило на Крещатике. Там, впереди одного из скопищ, два студента-«шаббесгоя» на плечах несли еврея, надо полагать, — «изображавшего свободу»; он держал флаг с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Здесь, впереди толпы, шел черный еврей — с большим красным флагом, на котором значилось: «Вставай, подымайся, рабочий народ!» Несколько сзади, два рыжих еврея, в дышло, тащили с горы, на повозке, старую еврейку, разумеется, с красным же флагом в

свою очередь, а на нем блистала надпись: «Русская свобода».

Эта старая еврейка, очевидно, изображала юную свободу России...

XIV. На Подоле, местная, вооруженная толпа евреев ворвалась в полицейский участок и освободила пайку соплеменников, т.е. «политических» арестангов, причем один еврей, схватив за горло, едва не задушил городского. Еще и еще сыны же Иуды распевали «Вечную память», а из сплошь населенных единоплеменниками же их домов: Ворнаба, Горелова, Балабухи, Вишнепольского и иных, главным образом, конечно, с чердаков и крыш, — опять-таки иудейские же шайки расстреливали полицейских и прокожих.

По улицам, бегали собаки с крестами или иконами на шее, — даже на хвосте. Попадались с иконою или же портретом на хвосте и свиньи!..

XV. Таковы были деяния иудеев и их сторонников в страшные дни «свободы» этих зловещих паразитов и самой революции!..

Впрочем, кто изучал еврейство, тому здесь, строго говоря, нечему удивляться. Этого мало, — все происшедшее не трудно было бы, в общих разумеется чертах, предсказать, без большой ошибки, заранее. Разврат и разбой — вот, в двух словах, вся еврейская революция!..

XVI. Как удостоверяет современная история Запада, хотя бы за период 1860-1880 годов, — жида вышито так «искренно» готовыми служить «делу свободы», когда взяли верх, что показали себя самыми ревностными агентами и восхвалителями политического рабства. Наряду с этим, иудейское бесстыдство по окле-

ветанию других народов было всегда беспримерно и безгранично. Стремясь же поработить Россию и яростно кидаясь на ее правительство, евреи, прежде всего, алкали унизить его и осрамить. Меряя других только по самим себе, они, в особенности, через своих «не-помнящих родства» газетчиков, приписывали ему все отвратительнейшее, что могли когда-либо изобрести.

Сюда, например, относится заведомо ложное обвинение кагалом властей в избиениях неповинных младенцев. Эта картинка несомненно готовилась и в Киеве. Ближайшим же образцом для нее могла послужить Одесса.

Там, в 4 часа дня 14-го октября 1905 года, был назначен, в университете, «митинг учащихся средне-учебных заведений». Через подстрекательство и насилие студентов, равно как под гнетом своих же преподавателей, среди которых выдавался наставник механического отделения одесского училища торгового мореплавания Придатко, — ученики нескольких училищ, в том числе и малолетние, были согнаны к женской гимназии Березиной, на Канатной улице. Здесь «руководители» несчастных детей, выдвигая их вперед, издевались над полицией, кидали в нее палками и камнями и, невзирая на ее требования, шли напролом. А когда, наконец, городовые рассеяли толпу, то сами же «наставники», первыми спотыкаясь и убегая, вновь явились не только зачинщиками, а и ближайшими виновниками несчастий с детьми. Тем не менее, одесские «освободительно-газетные» жи-ды поспешили устроить властям громоносный скандал — именно «за избиение детей», а начальник училища мореплавания Гавришев, чуть ли не одним из

первых, в свою очередь, даже явился с жалобой к сенатору Кузьминскому...

Подобный же дивертисмент был затеян и 18-го октября, в Киеве, членами попечительного совета 2-го коммерческого училища: Л.И. Бродским и его подручным Д.С. Морголиным. Вопреки неоднократным возражениям директора училища Кобеца и таких преподавателей, как Щербаков и Макаров, равно как невзирая на запрет председателя совета Самофалова и в явное противоречие с волею родителей, евреи Бродский и Морголин, уже и раньше всем здесь верховодившие, устроили «освободительную» прогулку для детей, но вдали от чужих глаз, — на пароходе по Днепру. Собрав массу учеников — 1 и 2-го коммерческих училищ и воспитанниц торговой школы Володкевич, Бродский и Морголин, на пароходе сего последнего, повезли детей «радоваться конституции». Само собою разумеется, что национальный флаг с парохода был немедленно сорван и заменен красным. Затем началась «Марсельеза», пошли «мирные» речи, — в особенности за завтраком, где среди «преподавателей» отличался весьма злобный «шаббесгой», — Чаговец. Впоследствии, он же, из зала Суда, прославлял еврейство в своих «отчетах» и лакейских статьях, на страницах лапсердачного органа — «Киевская Мысль». В кагальном апофеозе, Чаговец должен был явиться еще и свидетелем за «честь еврейства», если бы настояния поверенных гражданских истцов по этому предмету достигли цели, — чего, однако, не допустил Суд.

18-го октября, на пароходе было выпито изрядно. Да и как не выпить, когда и «освободительные» бутылки были перевязаны красными лентами?.. Оттеснив учениц Володкевич, ученики, в большинстве евреи,

хватали со стола бутылки и перепились в свою очередь. «Торжество конституции» закончилось тем, что Бродский и Морголин всеконечно скрылись, а пьяных мальчиков и девочек отвезли на берег Днепра, в сад дачи Морголина...

Довольно поздно, когда уже начался погром, пароход вернулся в Киев. Шатаясь и путаясь, «дети» разбегались по домам, иногда попадая в полицейские участки, а о некоторых родные не имели вестей по два-три дня...

Увы, к глубочайшей для кагала печали, примешать сюда правительство все-таки не удалось. Наоборот, гнев родителей на самую «прогулку» и ее авторов отразился в нескольких письмах на страницах «Киевлянина» и даже вызвал ревизию из Петербурга. Впрочем, талмуд выручил. Правда, в результате, — несколько «освободителей» из преподавательского персонала потеряли места, но «благочестивые евреи» — Морголин и Бродский остались «попечителями». Им, сверх того, удалось почти что искоренить преподавателей-«черносотенцев». Такова, впрочем, участь всех непочтительных перед лицом Израиля.

XVII. «Жид сорвал царскую корону!» — с ужасом восклицали русские люди у городской Думы, когда, на выручку полуроты Камчатского полка, как было сказано выше, стал приближаться конный отряд артиллеристов, сформированный впопыхах, лишь накануне, — должно быть, из любезности к евреям.

Ведь, как мы уже знаем, «генеральному штабу революции», заседавшему в «Киевских Откликах» Бродского, неудобны были драгуны, а тем паче — казаки. Здесь, по-видимому, надо искать причину того, что отряд из 120-ти человек первого дивизиона 33-й ар-

тиллерийской бригады не только был малообучен, но и оказался на лошадях, только что приведенных по мобилизации и совершенно невыезженных. Едва он подошел к Думе, как раздались окрики вроде: «Позор! Остановитесь!» и т.п. Напрасны были просьбы начальника дать возможность проехать куда приказано; толпа отвечала угрозами. «Уезжайте отсюда!», «Позор артиллерии, долой ее!», «Мы вас не пустим, будем стрелять!» — кричали вокруг.

Началась канонада бутылками в головы лошадей. Перепуганные и окровавленные, несчастные животные, прижимаясь друг к другу, сбивались в беспорядочные кучки. Встревоженные и неопытные всадники ранили себя взаимно — шпорами и стремянами... Затем, едва только капитан Шредер скомандовал трубачу «рысь!» и раздался первый сигнал, как с балкона Думы последовал револьверный выстрел, вскоре же, — еще два, три выстрела сзади.

После третьего сигнала трубача, началась уже еврейская сигнализация, — флагами из окон и с балконов. Отряд немедленно подвергся перекрестному расстрелу. Прежде всех, были смертельно ранены ветеринарный и медицинский фельдшера — Санин и Проскурин, последний, невзирая на то или, лучше сказать, как раз потому, что имел повязку и сумку со знаками «Красного Креста». С другой стороны, еврейская же, главным образом, толпа, видимо спешила обстрелять также и санитарную линейку.

Эти, — уже сами по себе знаменательные, факты приобретают, однако, полное освещение, лишь когда мы еще вспомним, что, как удостоверено за тот же период, — среди вооруженного восстания, в Одессе, а затем и в декабре 1905 же года, в «благотепной» Мос-

кве, так называемые, «санитарные отряды» революционеров занимались не одним шпионством, но и развозкою оружия и зарядов бунтарям. Не излишне принять к сведению, далее, что, завладевая аптеками и устраивая в них забастовки, — как в Одессе и Киеве, так и в Москве, — сыны Иуды обращали их в «перевязочные пункты» исключительно для целей революции.

Варварский запрет лекарств для больных или раненых, — даже ни в чем неповинных, наряду с дьявольским же распространением взрывчатых веществ — для снаряжения бомб, представляются несомненными, логическими результатами перехода большинства аптек в руки евреев. Только их адская мстительность была способна это задумать и лишь их кагальная организация могла осуществить. Упорство же евреев в достижении цели обуславливало и доведение этих «директив» до конца...

Ясно, таким образом, почему те же «освободители» начали свою «самооборону», прежде всего, — с обстрела у артиллерийского отряда санитарной линейки и с убийства ветеринарного и медицинского фельдшеров...

Понятно далее, отчего, — при означенных условиях, в Киеве, у Думы, было поранено и несколько лошадей. И здесь жестокий расчет сынов Иуды оказался верным. — Началась скачка обезумевших животных, ужасная при этих обстоятельствах...

На углу Николаевской улицы, пришлось, вдобавок, брать барьер: поперек мостовой, частью разобранной, предусмотрительно поставлены были ломовой и легкой извозчики. Под револьверными залпами «самообороны», лошади падали, а люди изувечива-

лись. У Прорезной, «эскадрон» удалось, наконец, остановить, кое-как привести в порядок и отправить раненых людей и лошадей. Людей было ранено — 9 (из них двое смертельно: Санин умер 19-го, а Проскурин 20-го октября), а лошадей — 7. Потом, отряд снова возвратился к Думе, куда прибыли и другие войска. Толпы уже не было и «эскадрону» пришлось играть пассивную роль. Тем не менее, лишь в 3 часа ночи ему удалось вернуться в казармы. Подсчет патронов, оказавшихся в целости, удостоверил, что солдатами не было сделано ни одного выстрела.

Свидетельствуя об изложенном в «Киевлянине», бывший с отрядом офицер заключает так: «Теперь уже, по странной иронии судьбы, не бранят войска, по крайней мере, — в глаза. Тогда, в те «светлые» дни, когда на долю погибших от так называемого «жестокоего произвола войск» выпадали восторженные гимны и хвалебные панегирики в печати, на долю наших злополучных товарищей, — уже действительно погибавших от бессмысленного произвола, не хватало ни жалости, ни уважения. Вместо рыдающего «прости!», — убийцы из толпы или из-за угла забрасывали их свежие могилы грязью и, однако, с гордостью именовали себя защитниками поработщенного народа».

XVIII. Для полноты впечатления, заметим, что в те же «веселые» октябрьские дни, когда, «по просьбе профессора Щепкина»¹, гарантировавшего при таких условиях порядок, градоначальник снял городских с постов (перед этим, впрочем, революционерами ору-

¹ Показание директора училища торгового мореплавания Гавришева, — будто бы со слов градоначальника Нейдгардта, сенатору Кузьминскому. — См. «Материалы по истории русской контрреволюции». СПб., 1908 г.

жие было отнято у 22-х, ранено 10 и убито два городских), а заменила их милиция из студентов, наводившая ужас на мирных жителей, и когда, с другой стороны, цитадель и застенок революции — университет — был снабжен от городской управы и того же Щепкина револьверами, тогда еврейство не замедлило раскрыть и свои дальнейшие добродетели.

Застигнув, например, городского или околоточного, шайка евреев и евреек принималась истязать его. Еврейки прокалывали ему руки и ноги булавами от шляп, «молодые же евреи» ударами ножей или кинжалов точили из жертвы кровь, а то и собственной шашкою городского рубили ему пальцы. Одного из околоточных заставляли есть землю, другому — выкололи глаза. Вообще, проделывали невероятные зверства. Многих полицейских чинов жида-«освободители» расстреливали, обыкновенно, в спину, т.е. сзади.

В заключение, истерзанных и окровавленных чинов полиции «шаббесгой»-студенты тащили в университет, — на еще более свирепые мучения и «казнь»...

Сопровождаемый такими двумя вооруженными студентами, городской Ревенко был лишен надежды на спасение еще и тем, что ему обвязали голову какою-то зловонною тряпкою. Вдруг, на его счастье, повстречался пехотный караул. Сквозь незамеченную «освободителями» щелку тряпки, Ревенке блеснуло сверкание штыков. Выбросив одного палача-студента из пролетки и обливаясь кровью, городской кинулся к солдатам и был спасен...

Не такова была участь другого городского — Губия. Долго пытала его шайка евреев и, наконец, отрубив ему на руке пальцы (которые затем и были найде-

ны на лестнице одного из еврейских домов), отправила страдальца на растерзание еврейскому же, конечно, инквизиционному судилищу, в университет.

Что ожидало здесь Губия, — можно себе представить...

Между тем, ректор Новороссийского университета Занчевский, с несколькими профессорами, лично «ревизовал» полицейские участки, требуя освобождения угнетенных евреев, то бишь, — «политических». Каков был «почетный» караул у этих «ревизоров», не трудно заключить из того, что отлично вооруженные за счет города жида-«бундисты» и их презренные «шаббесгой» — студенты университета не только обстреливали участки, но и у находившихся здесь пехотных отрядов даже покушались отнимать пулеметы. Когда положение Губия стало известным его начальству, — Занчевский, «снисходя к просьбам», соблаговолил помиловать его, — в обмен на «политических», которые и были затем освобождены из-под стражи повсюду.

Замученный же в университете Губий, — невзирая на все усилия врачей спасти ему жизнь, к утру, в больнице, скончался...

XIX. А дабы изложенное не показалось баснею, мы можем добавить хотя бы следующее. В ночь на 18-е октября 1905 г., по приказанию градоначальника Нейдгардта, помощник одесского полицеймейстера Кисляковский, — с приставом Погребным, тремя околоточными надзирателями, 10-ю городскими, сотнею казаков, эскадроном драгун и двумя ротами пехоты, — был командирован в еврейскую больницу взять там пять трупов убитых (трех евреев и двух христиан), для немедленного погребения. Стало быть, мобилизация еврейской «самообороны» была столь вра-

зумительна, что потребовался уже целый отряд войска для похорон нескольких человек. Едва, однако, задача была исполнена, как, с разрешения обезумевшего начальства, 18-го октября, утром, еврейские и христианские тела были вырыты из земли и доставлены в одно из гнезд революции, — университетскую клинику, еврею, доктору Пурицу, ибо кагал решил похоронить их торжественно.

Еврейский спектакль а la Бауман не удался! Того же 18-го числа означенные трупы были снова, тихо погребены.

XX. Многое, — и весьма поучительное, следовало бы еще привести для объяснения нелепой возможности этих изумительных событий.

Благодаря самому же кагалу, материала достаточно. Жаль, — рамки очерка принуждают ограничиться наиболее знаменательным.

Утром, 19-го октября 1905 года, с пением «Боже, Царя храни» и «Спаси, Господи, люди Твоя», совершенно мирно, не трогая и не задевая евреев, шла в Одессе русская патриотическая процессия. Тем не менее, — на Соборной площади, шайка еврейской «самообороны» встретила ее револьверными выстрелами, причем были убиты именно лица, несшие икону и портрет Государя.

19-го же октября, около 2-х часов дня, на углу Почтовой улицы и Александровского проспекта, в такую же процессию, со стороны Овчинниковского переулка, евреями была брошена бомба. Убитыми и ранеными оказались многие. Другая бомба разорвалась, опять в процессии, против здания старой семинарии; взрывом убито несколько человек и два солдата ранены. Еще бомба, — для патриотической же процессии «бундистом» припасенная, на углу Пушкин-

ской и Дерибасовской улиц, близ «Парижской» гостиницы, — разорвала уже собственного «оруженосца». Затем, на Большой Арнаутской улице, освободив из озверелой еврейской толпы околоточного надзирателя, полусотня казаков встретила, дальше, на Прохоровской улице снова шайку евреев, стрелявшую по русским; она не замедлила перенести огонь на казаков; при этом другие евреи, перекрестным огнем, поддерживали своих единоплеменников с балконов, из окон и с крыш. Сцепившись, полусотня дала два залпа. В поддержку казакам, была направлена рота пехоты, — мгновенно также обстрелянная перекрестным огнем. После пяти ответных залпов войска, толпа, унося раненых, кинулась врассыпную; однако, в роту была еще брошена бомба, к счастью не разорвавшаяся. Наконец, 20-го октября, бомбою же был разорван нижний чин 57-го запасного батальона, сопровождавший, в числе других, походную кухню с обедом для своей роты, а три нижних чина были изранены пулями.

XXI. Вот каковы оказались уже ближайшие результаты бездействия власти перед исступленным бунтом сынов Иуды.

Увы, даже среди таких событий, местные власти как бы все еще ставили себе в заслугу порадовать евреев. Наряду с полною свободою революционных манифестаций, русским людям, к их невыносимому горю и стыду, были, вскоре же, запрещены процессии молитвенные и патриотические!..

Это значило унижать Россию и, однако, лишь поджигать ярость кагала.

Наряду с «освободительными» бомбами, предательский расстрел войск, патриотических процессий, чинов полиции и вообще русских людей «бун-

дистами», самообороною «Поалле Цион» и «воспитанниками» ректора Занчевского стал совершаться уже 17-го — 25-го октября, на улицах Одессы, повсеместно¹. Не зевали и отдельные «освободители». Между прочим, — «шлюхательница» Левин ранила конного жандарма, из револьвера в грудь, навывлет, а генерал Лишин, выходя из своей квартиры, получил тяжкую рану из револьвера же, когда гимназист Таубеншлаг выстрелил в упор.

XXII. Помимо временных войсковых нарядов — раньше и после указанного периода, непрерывное в течение 4-х суток, пребывание войск в городе до крайности изнуряло и озлобляло людей.... Свидетельствуя обо всем происшедшем, — в рапорте военному министру от 12-го ноября 1905 г. командующий войсками Одесского военного округа удостоверяет, что стрельба по войскам из окон и с крыш домов, равно как бросание в войска бомб, весьма затрудняли прекращение погрома.

XXIII. Так знаменовали себя «радости свободы». И, что ужаснее всего, они, без всякого сомнения, были кагалом предумышленны, в глубокой тайне, но тщательно подготовлены и, сверх того, рассчитаны, так сказать, на два фронта. С одной стороны, бомбы должны были внушать «спасительный страх» погромщикам и спутывать мысли начальства, что и выразилось в запрете патриотических процессий, а с другой, — подготовляли... не тяжкую ответственность, — нет, а издевательство евреев даже над войсками в предстоявшем Суде, за «их соучастие» в погроме. Независимо от сего, что сыны Иуды намерены действовать бомбами, это явствовало уже из той, беспримерной — да-

¹ См. II и III Приложения.

же для евреев — дерзости, с которою они истощали терпение русских...

В расчете уже исключительно на свои силы, «избранный» народ, очевидно, требовал грозных для себя мер устрашения еще в тот момент, когда — на одной из бойких улиц Одессы, кагалом же, разумеется, была поставлена, в апофеозе, и следующая картина: среди гогочущих еврейских шаек, бежала собака, — увенчанная короною на голове и с русским национальным флагом — на хвосте...

«Бей жидов!» — разнеслось вокруг, и... начался одесский погром!

Да, — русский народ карал евреев и сокрушил в Одессе их революцию, невзирая на то, что, безоружный, сам подвергался как расстрелу и бомбам со стороны евреев же, так и стрельбе с фронта русских воинов¹. Обусловливаемая же требованиями государственного порядка, необходимость для оскорбленных кагалом войск действовать, хотя бы косвенно, — против подвижников за отечество, да еще и охранять самых лютых его врагов, была воистину трагической!

XXIV. Сокрушаясь, тем не менее, о своей неудаче, «благочестивые» евреи — о своих жертвах, т.е. о погибших русских людях, выражаются так: «Громил убито много. Никто их не считал и не интересовался узнать точное их число. Во всяком случае, как уверяют, их не менее сотни...»².

¹ «Материалы для истории русской контрреволюции». Изложенное об Одессе взято нами, главным образом, из этого, — впрочем, несомненно еврейского издания.

² «Одесский погром и самооборона», «Les Tueries d'Odessa et la Self-Defense», изд. Западного центрального комитета самообороны «Поалле-Цион». Париж. 1906.

3. «Митинг» 18 октября, внутри здания Киевской городской Думы. — Изорвание евреями и их шаббесгоями портретов Русских Государей. — Погром сынов Иуды в Киеве

— Если бы где-либо, на ярмарке, продавался стыд, я отдал бы все свои деньги евреям, — пусть бы они, хотя сколько-нибудь, купили себе этого продукта!..

Лютер

Возвращаемся еще раз к Киеву.

А. Параллельно с тем, что происходило на площади перед городской Думой, шел митинг и внутри ее здания. Здесь, — мечтая, вероятно, о славе Герострата, заместитель киевского городского головы, Плахов, раскрыл двери Думы «сознательным пролетариям», без сомнения с расчетом, что они его удостоят избранием в председатели. «Презренный гой!», — он не понимал своей роли перед величием Израиля...

Шлихтер и Ратнер не только лобызались в Думе, но приказали сломать Царские вензеля и заменить русские национальные флаги красными. Как же не видал этого Плахов? А если он видел и дерзнул покушаться на первое место внутри Думы, то «честь еврейства» сурово требовала «согнуть его в дугу». И вот, «по непререкаемому праву своему», председателем митинга был «избран» гласный от колена Иудина — Шефтель.

Но евреи умеют быть благодарными — Плахова почтили избранием в секретари. Он не перенес этого и удалился. Тем хуже для него.

Далее, если брошюра — «Кровавый Царь» распро-

странялась, с 18 же октября, «избранным» народом в Одессе, публично, то чего же не мог он позволить себе внутри здания Киевской городской Думы? Это вполне очевидно, а потому, не останавливаясь без цели на данной стороне вопроса, укажем лишь на важнейший здесь «подвиг» кагальных благодетелей России.

Четыре большие портрета Императоров: Николая I, Александра II, Александра III и Николая II были евреями и «шаббесгоями» истерзаны в клочья. Пятый, — меньшего размера, портрет ныне царствующего Государя, увы, был, в свою очередь, прорван рыжим евреем — при обстоятельствах, уже выясненных раньше.

Корона, скипетр и держава — на всех портретах оказались также изломанными в куски...

Учиняя такие злодеяния, сыны Иуды, в своем безумии, должно быть, излишне, рассчитывали на свою лапсердачную «самооборону», а потому и не предвидели той кары народной, какая ожидала их.

Изорвание Царских портретов являлось тем страшным ударом по русскому сердцу, за которым следует грозный, стихийный взрыв народного негодования. Всесокрушающий ураган возмездия пронесся по древнему Киеву. Ничто, — никакая сила не могла бы остановить его, как ничто иное не могло бы его создать!...

Вид истерзанных Царских портретов производил столь потрясающее впечатление на массы народные, что и сама власть русская вынуждена была сжалиться над жестокими и ничтожными иудеями. Останки портретов Императорских были, поэтому, наконец, взяты у патриотических процессий и отнесены в Софийский собор...

Б. Тем не менее, евреи даже на суде искали не раскаяния, а лишь формального изворота. Увы! — Сама

поддержка профессоров политехникума не помогла сказке об изорвании портрета каким-то Ваською Григорьевым. Возникнув на судебном следствии впервые, эта жалкая сказка не годилась, однако, и потому, что касалась лишь одного портрета, тогда как их было изорвано пять. С другой стороны, евреи и не пытались просить о вызове Григорьева на суд или, по крайней мере, об его розыске. И понятно почему. Насколько известно, — Васька Григорьев собственными «товарищами» по острогу был убит еще осенью 1907 года, о чем, как говорили, имеется в Суде справка.

Таким образом, и этот, скверно подтасованный, бессмысленный, крайне наглый еврейский обман не удался.

В. Что же касается поведения «освободителей» в думском здании вообще, то они оставили по себе мерзость, не поддающуюся описанию. «Это были не люди, а свиньи!» — возмущались свидетели-очевидцы.

Впрочем, для удостоверения в таком результате не требуется конкретных доказательств. Физическая, а в особенности нравственная грязь и ложь, — наравне с отвратительным цинизмом, — неизменные спутники «избранного» народа.

Г. Уничтожив портреты Русских Государей, еврейство и его поклонники поняли, что им нет возврата, и, — как бы предвосхищая затею «Хлестаковых из Выборга», открыли из здания Думы стрельбу. Сначала одиночные, выстрелы затем все учащались, пока, наконец, — около 5 час. вечера 18-го октября, властями не решено было положить «мирному ликованию» предел.

На площади уже появились новые отряды войска, и по «освободителям» была открыта пальба залпами...

Эффект был мгновенный и поразительный!..

Свирепые, но подлые трусы, они бежали без оглядки, причем, разумеется, — прежде всех удрали евреи...

Напрасно из окрестных зданий: биржи, «Литературно-Артистического» общества, зубоврачебной школы Хацкеля Табака и разных других — столь же публичных, иудейских «заведений», притаившиеся за стенами и дверьми, а то и на чердаках, «молодые евреи», шаббесгой и «плюхательницы», предательскою стрельбою по войскам, старались ослабить панику. Рвань лапсердаков, шляпки и башмаки, накидки и пальто, юбки и зонтики, красные банты, ленты и флаги сплошь покрывали думскую площадь...

Что же касается убитых и раненых, то все они, понятно, оказались — русскими.

Д. Осерчал русский народ и стал бунтарей учить уму-разуму!.. Из многотысячной толпы, приукрашенной «знаками свободы», не осталось, в несколько минут, никого. Не только красный бант, юбка или лента, а и студенческая фуражка или тужурка исчезли с глаз долой.

Горе было попадавшемуся с красною тряпкою! Да и «воспитанникам» университета или политехникума приходилось «брать рекорды» еще невиданной резвости...

Все окружающие Думу дома, чердаки и подвалы, — даже места уединения, были переполнены «гражданами социал-демократической республики». Но многих и оттуда призывали к ответу...

Потомки сподвижников Гонты и Железняка дали «избранному» народу первое предостережение... Они, — напомнили, как «жидова» и духу Запорожского боялась!..

Е. «Еврейское царство настало!.. Если власти ничего не делают, то мы сами должны защищаться!»

«Эта гульня скоро переменится!..» «Оцэ дожили, що жидаы рвут Царские портреты! Що ж дальше будэ?!..»

«Бей жидов, дуй крамольников!» — гремело в воздухе... «Евреев надо всех уничтожить!» «Мы им покажем свою правду — истину!» «Постоим за нашего Батюшку-Царя!» «Вам бы защищать Царские портреты в Думе, а не жидовские лавки!» «Стреляй! — А где ты был, когда рвали портреты в Думе?» «Как-таки, — разорвали портрет Царя-Батюшки, и все — жидаы? Бей их! Они изменники!» «Ты берешься защищать жидов, — ты тоже из красных?!» «Эх, вы, жидаы паршивые!..» «Ты кто, — жидовский наймит, что защищаешь евреев?» «Посмотри лучше, как в Думе портреты разорвали и разломали вензеля!» «Ты нас разгоняешь, — а где ты был, когда в Думе разрывали портреты?».. «Бей жидов!».. — Вот что слышалось по всему Киеву, 18—21-го октября 1905 года.

Ж. Между тем, еще около 7 часов вечера, 18-го октября, на Троицкой площади, встретив полусотню казаков, «бундисты», выстрелами, убили одного, а другого ранили. Казаки не замедлили с ответом и у магазина Брашкина убили приказчика Полляка.

На Крещатике, положение было таково, в свою очередь, что войска, как уже сказано, вынуждены были оставаться здесь до 3-х часов ночи на 19-е октября.

Тем не менее, как и в Одессе, «благочестивое» еврейство все еще не каялось. Его «самооборона» продолжала ранить и убивать русских людей, — еще несколько дней. «Молодые евреи» поддерживали предательскую стрельбу, в особенности с чердаков и крыш, нередко по чинам полиции, войсковым отрядам и пат-

риотическим процессиям. Стреляли даже по городскому, который вез ребенка в больницу...

— Русь в мешке, — кричали сыны Иуды, — надо его только покрепче завязать!..

Как и в Одессе, наряду с целыми жидовскими шайками, — о чем мы уже знаем, не отставали и отдельные евреи.

Именуя себя «Царским охотником», а, в действительности, будучи только членом Императорского общества охоты в Киеве и лишь в этом качестве получив разрешение иметь оружие, — Григорий Бродский злодейски убил двоих русских. Скрывшись за границу, он объявился много позже, впрочем, для того, чтобы стать гусаром!..

В свою очередь, его братья, — «панычи Миша и Юзя» подстрелили находившегося в пехотной цепи солдата, тяжело в пах, а пристава Дворцового участка, Челюскина, не менее тяжело — в голову.

Со своей стороны, еврей, сын доктора Вишнепольского, на Подоле, из-за ставен окна квартиры своего отца, охотился на казаков и полицейских чинов вплоть до того, пока сам не был ранен основательно.

Сверх того, при исследовании дела Судом, — не взирая на игнорирование событий этого рода предварительным следствием, — обнаружались разные иные убийства евреями русских людей.

И в Киеве, разумеется, попадались евреи с бомбами, но им ни разу не удалось применить свое искусство так же «счастливо», как в Одессе.

3. Околоточный, наблюдавший за митингами, затем, конечно, превращенный евреями в обвиняемого, но Судом оправданный, — Бруско, едва не был убит в киевском политехникуме, еще до 18-го октября. Не мало приходилось страдать и другим чинам полиции —

то от кагальных пуль, то от иудейских ложных доносов. Киевский полицеймейстер Цихоцкий, пристав Подольского участка Лященко и его помощник Пирожков, ввиду главным образом еврейских же показаний, были сенатором Турау не только устранены от службы, но и привлечены к уголовной ответственности. Лишь впоследствии, с большим трудом, удалось им ниспровергнуть обвинения. «Святой» кагал нелегко расстается с своими жертвами.

И. Главные же усилия евреев были направляемы на выдающихся патриотических деятелей, — без сомнения, с целью предания и их Суду, за «подстрекательство или соучастие в погроме». Тяжелых, в свою очередь, усилий стоило некоторым обвиняемым избежать участи, подготовленной для них «благочестивыми евреями» — по всем правилам талмудической оркестровки, да еще и в процессе столь исключительной важности для «избранного народа».

Ряд же других «обвиняемых» этого рода вынужден был, — хотя бы и с надеждою на оправдание в Суде, пробыть около двух лет под следствием предварительным, а затем, — на судебном следствии, в ожидании приговора, еще полтора месяца просидеть на скамье подсудимых...

«Есть разница как в образе действий, как и в судьбе народов, — говорил, защищая киевских «погромщиков», присяжный поверенный А.С. Шмаков. — «Северо-Американские Соединенные Штаты послали своим патриотам в Калифорнию, — чрез Магелланов пролив, такую эскадру, что и Япония притихла. Мы, даже после Мукдена и Цусимы, предаем своих патриотов уголовному суду, с каторгою в перспективе, а евреев допускаем в качестве обвинителей и пострадавших — даже от погрома в Киеве...»

Возможно ли удивляться тому, что, еще в самый разгар событий 18—21-го октября, иудейская злоба стремилась прекратить, а затем, как тогда же, так и на суде, пыталась осмеять и унижить наши патриотические процессии»! Разве, для этой цели, «молодые евреи» могли жалеть патронов, а старые — ложных показаний?!

I. Естественно, далее, что, в развитие того же замысла, еврейство на суде не останавливалось ни перед чем, дабы остаться правым, да еще — за счет местных властей, полиции, войск и самого русского правительства. Стараясь не только выйти сухими из воды, но, согласно приказу талмуда, и позабавиться над нами, — сыны Иуды норовили навязать тому же правительству организацию и подготовку погрома, а местным властям, полиции и войскам — попустительство и даже соучастие. Дерзость противоречий и наглость неправды в кагальных показаниях явно глумились над текстом присяги, которым, однако, еврей обязывается свидетельствовать — не по иному скрытому в нем смыслу, а по смыслу и ведению Суда.

С другой стороны, невзирая на все их лукавство, подкуп свидетелей евреями был достаточно очевиден. Подчас же, обнаруживались и прямые тому доказательства. Так, выяснилось, что Хайкель Шварцман и Лейзер Кривой подкупали свидетеля Мурутого, а Рухля Гольдбардт и Аарон Золотницкий — свидетеля Хагельмана, разумеется, столько же на погибель обвиняемым, как и на радость кагалу.

В гармонии с этим, черною неблагодарностью (например, Перец Сатановский — Маринушкину, Ицка Козлов — Пирожкову и другие), а то и ложными до-

носами (на полицейских чинов, — даже помогавших спасти еврейское имущество) евреи платили за оказываемое им добро.

В заключение, успев припрятать свой товар, евреи умалчивали об этом на Суде, а иные не затруднялись и предъявлять о нем иски. Наряду с этим, они изобретали и такие случаи погрома, которых вовсе не было. Для полноты спектакля, некоторые евреи, — уже после погрома, собирая и перенося товары в свои магазины чрез «босяков», но под охраною военных караулов, снимали фотографии, дабы подделать самые картины погрома, — так сказать, на глазах войск, и тем ввести сенатора Турау в заблуждение (свидетель-очевидец — брандмейстер дворцового участка Трофимович).

К. Но картина все-таки не достигала той художественной законченности, на которую евреи бывают такими мастерами, когда им приходится «помогать своему счастью». И мы, действительно, видим, что, после погрома, в «избранном» народе, для апофеоза «свирепствовала» эпидемия повального банкротства, — даже, если так можно выразиться, в квадрате. Сперва не платили своих долгов отдельные евреи; затем, они соединялись в нарочитые «товарищества» и уже ничего не платили сообща. Таким образом, согласно мудрым указаниям старейшин многострадальной синагоги, в результате, пострадали от погрома почти что сами же гои — фабриканты Московского и других районов.

Отсюда понятно заявление на Суде честного караима Максимоджи: «Никто из нас не дошел до того, чтобы заниматься революциею!..»

И. Обвинительный акт и некоторые черты судебного следствия. — «Исход» представителей «еврейства» из зала Суда. — Приговор. — Заключение

I. Обвинительный акт, — в свою очередь, не давал истинного представления о ходе событий. Тому первым и лучшим доказательством служит факт, что ни один еврей не был предан Суду.

Далее мы видим следующее: «До погрома настроение в Киеве было страшное и растерянное». «Еврейское царство настало». «Это была вакханалия чего-то мрачного и зловещего»... — говорили свидетели.

Но из обвинительного акта сего отнюдь не явствовало. Там, например, не заключалось и намека на то, что раненых и убитых русских оказалось втрое больше.

Да и вообще, относительно производства настоящего дела — до открытия судебного заседания нельзя не заметить, что всем, кому сие ведать строго надлежало, по-видимому оставалось неизвестным мудрое изречение древности: «Когда политика входит в судилище, — правосудию ничего не остается, как бежать в окно!..» Тем не менее, вопреки долгим усилиям «освободительной» подготовки, на суде был отвергнут предыдущий диагноз, и уже не правосудию, а политике пришлось учинить исход... Так, говорят, и больной иногда выздоравливает, несмотря на лечение...

С другой стороны, — по указаниям обвинительного акта, если не самым важным, то наиболее сложным предметом судебного следствия явились убытки евреев: стулья — Марголина, брюки — Тарадая, сто-ра — Рацимора, окна — Шапиро; 75 р. — Моргулиеса,

грязные перчатки — Гиля, подушка и самовар — Боруха Белокопыта; танцы на рояле — Дудмана, матрац — Хаима Колина, галоши — Тумаркина; кофта — «барыни» Баси Львович, мешок с рисом — Мордуха Сахновского; горсть орехов — Мошки Котлярского, юбка жены Литвака и другие, не менее почтенные «жертвы громил».

В уголовном же направлении, дело по акту обстоило так, как бы «погромное» нападение на евреев произошло — без всякой их вины.

Иначе говоря, заключительная формула обвинительного акта изложена в таком виде, как если бы, например, русское население Москвы бросилось на евреев и начало сокрушать их — ни с того, ни с сего.

В виду указанной «директивы» процесса, — если бы, допустим, житель Ван-Дименовой Земли прочитал в «Times'e» обвинительный акт по делу о киевском погроме, то, согласно с утверждением евреев, он должен был бы заключить о беспричинности этого варварского деяния, изуверною русскою чернью направленного на добродетельных израильтян, которые были повинны разве в том, что в мрак русского деспотизма хотели внести несколько лучей свободы...

II. Ясно, что, при такой постановке вопроса по обвинительному акту, т.е. — основному и «надлежаще проверенному» документу, которым исчерпывается содержание дела, правосудию предстояло ограничиться тем, чего не было, а все, что происходило в действительности, игнорировать.

Вот куда могло привести формальное отношение к закону. Изданная в 1891 году статья 269¹ Улож. о нак. — исключительно для защиты евреев от погромов оказывалась единственным источником и для «законного» же разрешения дела — об измышленных

уже самими евреями, на погром России, тягчайших оскорблениях ее святынь, равно как о вооруженном еврейском бунте в Киеве и, наконец, о таком бездействии власти, когда доведенный до отчаяния русский народ вынужден был стать на защиту родины и действительно сокрушил революцию сынов Иуды, прямо рассчитанную на обращение русских людей в рабство. Иными словами, выходило, что данная русскою государственною властью — в 1891 году, т.е., когда октябрьских 1905 года событий не могло себе представить никакое воображение, — гарантия евреям от насилий из племенной к ним вражды обеспечивает тем же евреям безнаказанность — хотя бы и за государственную измену — и, сверх того, карает русских людей, даже когда, руководствуясь отнюдь не враждою, а крайнею необходимостью, они стали на защиту отечества и его святынь, поруганных все теми же евреями — с целью учинить разгром всей России.

III. При означенных условиях, положение защиты на суде было воистину трагическим. Невзирая на ст. 475-ю уст. уг. суд., по силе которой судебный следователь выдает обвиняемому копии своих постановлений и протоколов бесплатно, — этого, столь необходимого для защиты материала, ни у кого из подсудимых не оказывалось. Значение данного факта усугубляется тем, что, вопреки требованиям справедливости, он стал явлением обыденным. Неизменно повторяясь и по другим делам сего рода, это явление тем печальнее и унижительнее, что у «потерпевших» гражданских истцов такие копии всегда имеются, а нередко и в отпечатанных, за счет кагала, брошюрах. Всякий практический юрист поймет, какие преимущества над несчастными «погромщиками» извлекают евреи уже из одного этого. Затем, — что было еще хуже, по

неведению и даже безграмотству подсудимых, важнейшие из свидетелей оказались и вовсе не вызванными в судебное заседание, а сроки на вызов прошли.

IV. Тем не менее, — во имя правосудия и ввиду открытия новых для нее обстоятельств, защите удалось достигнуть того, что Судом были вызваны сперва одна, а затем — и другая серия, всего около 50 свидетелей, первоклассного значения.

Разумеется, и представители гражданских истцов потребовали вызова своих свидетелей. Но, преследуя политические, а отнюдь не судебные задачи, и обнаруживая стремление перенести вопрос в неподлежащую область, то есть несправедливо осложнить и замедлить производство без конца, — они, естественно, не могли встретить ничего, кроме отказа.

Дабы не сомневаться в изложенном, укажем хотя бы на то, что произошло на судебном следствии — при ходатайстве защиты о вызове второй, главной серии ее свидетелей.

После долгого совещания — с участием нарочито приглашенных корифеев иудейской адвокатуры в Киеве, представители гражданских истцов заявили ходатайство о вызове свидетелей и с их стороны: во-первых, — «всех, которых они указывают теперь же, и, во-вторых, тех, кого они назовут по окончании допроса свидетелей защиты. Что же касается, в частности, первой категории, то, по указанию названных представителей, она имеет целью: а) от посягательств защиты оградить «честь еврейства»; б) установить организацию погрома (конечно, — представителями власти), равно как попустительство и соучастие органов власти, полиции и войск, и, — наконец, в) стать

на сторону подсудимых, вовлеченных в погром единственно своим невежеством и нищетою».

Возражая от имени защиты, присяжный поверенный А.С. Шмаков представил, в существе, такие соображения:

а) Как объяснил сам присяжный поверенный Кальманович и как это еще раньше стало вполне очевидным на судебном следствии, — гражданские истцы, стесняясь формальными требованиями закона, указывали, — в своих, предшествовавших Суду, прошениях о вызове свидетелей, не на те обстоятельства, по которым действительно имели в виду допрашивать. Стало быть, обратив затем свое намерение к исполнению, поверенные истцов настигали подсудимых уликами неожиданно. Справедливость требует уравновесить средства обвинения и защиты. Посему ее нынешнее ходатайство не обусловливает, а исключает встречные требования истцов, которыми их доказательства уже использованы заранее, да еще таким способом, какого и закон не знает.

б) «Честь еврейства» отнюдь никому из поверенных истцов поручаема, *de jure*, не была. Сверх того, если бы такая «честь» и могла стать предметом гражданского иска, чего, однако, закон не допускает, то для нее нет места в настоящем деле, так как не доказано, чтобы названная «честь» кем-либо из подсудимых была похищена, да и никто из них в этом не обвиняется.

в) Обращаясь к «организации», «попустительству» и «соучастию», необходимо, прежде всего, иметь в виду изречение талмуда: «Не только решать, а и слушать одну сторону, в отсутствие другой, судья права не имеет». Принимая засим к сведению: что, — вопреки усилиям евреев, представители власти, чины полиции и войска на скамье подсудимых не находятся,

что указанные обвинения к нынешним подсудимым не относятся и что, наконец, самое стремление еврейских поверенных предъявлять новые обвинения внезапно, да еще — клицам отсутствующим, а потому беззащитным, не может быть терпимо далее, — следует признать, что и означенные домогательства поверенных не могли бы подлежать удовлетворению, разумеется, не только в Киевском, а и в Иерусалимском Окружном Суде, и

г) Сколь засим ни похвально желание обвинителей превратиться в защитников, но у поверенных гражданских истцов не имеется на это полномочия, а у представителей защиты — нет ни права передоверия, ни намерения передавать его представителям сынов Иуды.

Помимо этого, защита отвергает предлагаемый, ей союз и за его негодностью. Не могут не понимать сыны «избранного» народа, что бедность подсудимых — лучшее свидетельство их презрения к звонким аргументам кагала. Пытаясь же «невежеством» заменить доблесть и любовь к родине, — *perfidia Judaeorum* сама себя выдает головою.

— Ловит волк, — ну да ведь и волка поймают!..

Переходя ко второй категории свидетелей, присяжный поверенный А.С. Шмаков объяснил, что такая постановка проблемы: во-первых, устраняется законом и, во-вторых, могла бы повлечь за собою лишь один результат: процесс не закончился бы никогда. Действительно, если допустить сейчас упомянутую, вторую категорию свидетелей обвинения, то, — вслед за их допросом, уже нельзя было бы отказать в дополнительных контрсвидетелях и защите. А так как последнее слово принадлежит не обвинителю, а подсудимому, — домогательство же истцов, раз одобрено

ное, уже не могло бы опорочиваться впоследствии, то и «турнир» свидетелей никогда не завершился бы, а настоящее дело не могло бы прийти к какому-либо концу. Имея засим в виду, что уже предыдущими требованиями поверенных истцов, — на судебном следствии, достаточно обнаружено их стремление парализовать средства защиты обратными, хотя и столь же неопределенными, ссылками на новых свидетелей, необходимо положить таковым предел и по сему основанию.

V. Получив отказ Суда, поверенные гражданских истцов удалились из заседания. Что же касается действительного мотива этой демонстрации, то, в существе, он был ими формулирован и несколько раньше, — еще когда председатель запретил касаться деятельности властей и войск.

Уже тогда, от имени всех поверенных, г. Кальманович не затруднился объявил:

— Вы хорошо понимаете, г. председатель, что, — при этих условиях, нам здесь делать нечего!..

Таков был решительный ответ еврейства на запрещение ему дальнейшего глумления именно там, где самим же «старейшинам многострадальной синагоги» надлежало бы занимать скамью подсудимых за государственную измену.

Вдумчивая оценка «исхода» еврейских поверенных из зала Суда должна быть построена на глубоком соображении данного факта — как со всем по делу известным, так и с духом талмуда. В этом же последнем направлении, следовало бы, конечно, привести и некоторые узаконения «избранного» народа.

Но, для оценки иудейских свидетелей, теория, в данном случае, может быть заменена иудейскою практикою.

Замечено, что, жаждая мести и безнаказанности, евреи во время погромов убивают подчас и беззащитных нищих. Так, например, в местечке Смела Киевской губернии, будучи, по обыкновению, само же виновато, и, между прочим, унижая крестьян кличками: «мазепы», «свинья», «гадюка», — местное еврейство, 22 августа 1904 г., сподобилось, наконец, погрому. Среди подвигов кагала, действовавшего и чрез «самооборону», — револьверными залпами, обнаружилось, что два «благочестивых» иудея, — Фроим Пластик и Зусь Дубинский, — ломом, зверски замучили старика-солдата Козлова, побиравшегося милостыней. Затем, разумеется, они же явились и «свидетелями-очевидцами» к обвинению в погроме неповинных русских людей.

Когда же оба названные подвижника за Израиля были, увы, сами изобличены в убийстве Козлова, то начался подкуп свидетелей, а у следователя и — его письмоводителя. К полицейскому же чиновнику Любину, предлагая крупную сумму денег, несколько раз являлись «старейшины»: раввин Айзик Мен, банкир Мордух Пейсик и мишурис (фактор) Хаим Прилуцкий — с назойливыми требованиями «выручить» Пластика и Дубинского. Дело не выгорело, и Пластик бежал из Смелы, а Дубинский почему-то не успел. Тогда, в отмену всех своих прежних показаний, он заявил следующее.

Наравне с единоплеменниками своими, скрываясь во время погрому, где мог, он думал только о спасении своей жизни, а потому из громил опознать никого не имеет возможности, значит, все, о чем он говорил раньше, — ложь. По воззрению же кагала, гой должны отвечать друг за друга, — и чем больше их

погибнет от еврейских рук или же при невольном содействии русского Суда, тем лучше. Таково, в частности, было и решение еврейской общины на синагогальном собрании, в м. Смеле. Кроме того, еврейству хотелось показать, что в погроме участвовали не одни простые люди, а и образованные, имеющие хорошее положение... Сообразно с изложенным, все евреи действовали и давали показания. Он же, Зусь Дубинский, равным образом, не смел ослушаться «святого» кагала.

Дубинский, однако, не признал себя виновным в убийстве Козлова (погибшего, вдобавок, от нападения сзади). Тем не менее, виновность его не подлежит сомнению, — как по смыслу упомянутого кагального решения, так и ввиду явной беспомощности такой жертвы, как нищий, за которого и заступиться было некому. Дело же раскрылось случайно.

А что касается нового «исхода евреев», в Киеве, то это уже третий, а не первый, случай. Как только, — ввиду явного и сознательного непослушания, председатель Суда принимал решительные меры против посягательств на правительство и войска, тотчас, — жалуясь на «угнетение» и на «погибель правды», представители сынов Иуды спешили уйти.

Так было в Кишиневе и Гомеле, так произошло и в Киеве...

VI. Такова же, в общих чертах, была и вся вообще «тактика» еврейской «свободы», призванной дать ответ за ужасы, разврат и отчаяние, которыми она запятнала не один кагал, а и его «шаббесгоев» — на всем пространстве России.

Тем не менее, как и в двух прежних «исходах», правосудие в Киеве не пострадало.

Свой долг оно совершило не за страх, а за совесть. Недосыгаемым же образцом для уразумения кагальной деятельности может послужить и ее заключительная картина.

В предместье Киева, Демиевке, 19-го октября, с иконами и Царским портретом — в слезах радости, что миновала невиданная, тяжкая, вопиющая беда, русские люди, под звуки «Боже, Царя храни!» и «Спаси, Господи, люди Твоя!» идут процессиею.

Собираясь вокруг толпами, жида суют молящимся в лицо кукиши и приговаривают:

«Что они носятся с своим царем!.. Таких царей теперь можно покупать дрей на копейку!..»

VII. Страдая невыносимо, — русский народ хорошо понимал весь ужас событий, но никто не приходил к нему на помощь. Самый патриотизм, в это позорное время, осмеивался. А когда, готовое разорваться на части, русское сердце не выдерживало, тогда судебные следователи, — в «триумвирате»: Мерный, Люцидарский и сам Яценко, старались доконать его всею тяжестью «судебной» власти, какою располагали.

А власть эта не мала. Она была способна освободить Ратнера и, с одинаковою легкостью, могла посадить на скамью подсудимых как древнего старика Колесникова, так и наивного «хлопчика» Григория Дьяченко.

Этот Дьяченко, даже по обвинительному акту, «изобличался» лишь в том, что ударил палкою по шторе какой-то еврейской лавки. Пробыв, тем не менее, два года под следствием — с арестантскими ротами в перспективе, он для кагального апофеоза, явился в Суд.

Здесь судебному рассыльному вдруг показалось,

что скамья — для подсудимых, содержащихся под стражею, как будто пустовата...

Действительно, там сидело всего 6 человек, а мест было 20. И вот рассыльный, впрочем, лишь по собственному усмотрению, «пригласил» туда еще кое-кого из подсудимых, — оставленных на свободе, — в том числе и Дьяченко. Попал же «хлопчик», хотя и случайно, но, увы, на первое, т.е. на самое видное место скамьи...

А напротив, — с важным и торжествующим видом, «готовился к победе» целый сонм представителей «угнетенных» и «пострадавших» евреев.

Юная, мягкая, благородная душа хлопчика не вынесла такого унижения. И за что?!

Не прошло и нескольких минут, как, уже по открытии заседания, когда все глаза устремились на позорную «скамью» и, прежде всего, на несчастного Дьяченко, — он зарыдал, а затем, в истерике, свалился — уже под «скамью подсудимых».

Вынесли беднягу, но он не скоро оправился... Ведь то, что он увидел в зале и мгновенно вновь пережил из октябрьских событий, было лишь новым, жестоким, коварным, вопиющим посрамлением его великой родины, — милой, рыцарской, гордой и многострадальной Украины...

Благородные, горючие слезы Дьяченка прошли бесследно для «истинно-еврейских» газет... Да и стоило ли упоминать?..

В нем плакала русская печаль, — рыдала Россия...

VIII. Приговор Суда известен. Оправданы все (54 человека), обвинявшиеся собственно в погроме. Только задержанные с поличным (16 человек) осуждены, — впрочем, снисходительно. Независимо от сего, по чрез-

вычайным обстоятельствам дела, Окружный Суд признал справедливым всеподданнейше ходатайствовать пред Его Императорским Величеством о таком смягчении участи осужденных, которое выходит за пределы судебной власти.

Как все данные этого процесса, так и само предварительное содержание многих из подсудимых, в течение более или менее долгого времени, под стражею, равно оправдывают этот глубоко обдуманый приговор.

В частности, нельзя не принять во внимание и того, что, — отрицая право собственности, пропагандисты социализма, преимущественно евреи, пожали, что посеяли. Они ведь сами же учили темных людей брать чужое...

IX. Но если скамья подсудимых теперь, — после двухмесячного почти пребывания на ней «погромщиков», наконец, освободилась, то ей не следует оставаться праздною. Пора занять вакантные на ней места и таким неприкосновенным доныне подвижникам за Израиль, как другой Григорий... Бродский и его братья, «панычи Миша и Юзя», равно как сын доктора Вишнепольского и другие, им подобные. В особенности же грустит, надо полагать, означенная скамья по «народным предводителям» — Шлихтере и Ратнере... Им уж давно пора напомнить, что есть судьи в России...

Таково твердое убеждение русских людей, и оно, без сомнения, перейдет в действительность...

Могла быть революция и в России, — хотя бы с участием инородцев, поляков, чухон, армян... Нет, судьба-мачеха распорядилась иначе. Подряд на «русскую» революцию она сдала «всемирному» кагалу!.. Предва-

рительно же, расположившись «на зимних квартирах» — именно у нас и на нашей груди отогревшись, «избранный» народ из подаренных нам же, Польшею, трех миллионов особей успел размножиться до восьми миллионов...

«Не умея переносить счастья», но обладая талантом эксплуатации собственного рабства, сыны Иуды рассудили учесть, в свою пользу, и горе нашей родины, — сыграть, на политической бирже, русскою кровью...

Мать городов русских положила этой игре предел.

Разрешенный же ныне, — в самом сердце старого Киева, судебный процесс шел среди древнейших святынь России.

Десятинная церковь и храм Андрея Первозванного, Софийский и Михайловский соборы являлись как бы свидетелями-очевидцами того великого служения Отечеству, которое происходило в Суде.

И приговором указаны действительные причины «погрома»...

Непроглядною печалью, унижениями и страданиями ознакомившись, на пути веков, с прелестями талмуда, а потому хорошо разумея, какова будет «диктатура пролетариата», столь заманчиво рисуемая «избранным» народом пред скотоподобными по тому же талмуду гоями, — малороссы в Нежине сурово отвечали: «Не треба нам жидив!..»

Настанет день, когда и в Великороссии, страшным опытом, научатся понимать, что эта хохлацкая экспертиза непреложна.

Тогда, по всей России, заливаясь слезами, — как

это уже перенес Дьяченко, устыдятся нынешнего позора, с отвращением и гневом отвергнут поклонение сынам Иуды и пред заветным, родным знаменем воскликнут:

«Долой евреев!.. Да здравствует русская свобода!..»

*17 марта 1908 года,
Москва.*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЕВРЕЙСКИХ ПОГРОМАХ

«Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52).

Вожди еврейского народа тысячелетиями отдавали своих соплеменников на растерзание и истребление во имя достижения рисовавшегося их воображению «идеала», позже выразившегося в идею «всемирной социальной революции».

Принимая без оглядки «социалистическое» credo своих учителей, евреи мечтали о социалистическом переустройстве мира, которое они считали достижимым только после торжества «пролетарской» победы. Ослепленные светочем своей *idée fixe*, евреи не могли быть довольны ни одним правительством, потому что никакое правительство не могло допустить осуществления их «идеала» — рассеяния всех наций, рас и религиозных союзов в той же степени, в какой оказались в итоге их вековой борьбы рассеянными сами евреи.

Многострадальная наша Родина всегда являлась объектом особого внимания последователей учения еврея Маркса, который в сущности только систематизировал и развил все ту же известную цель иудей-

ства — создание утопического «Нового Иерусалима». И вот, когда на Руси «утлубление» социалистической революции доведено преступными маньяками до крайних пределов, иудейству, со всеми его подразделениями в политических и социальных комбинациях нанесен тяжелый, возвращающий нас к ужасам средневековья удар. Евреи кровью тысяч не повинных ни в каких революциях братьев своих, проливаемой озверевшим «пролетариатом» и «демократизированными» погромщиками, расплачиваются за потрясенное, их же стараниями перевернутое вверх дном мирозерцание народов, чуждых по существу лжеучению о «благах» социалистического переворота.

«Антисемитизм погибнет лишь в республиканском союзе, которому чуждо будет рабство человеческое. Этот республиканский союз завоевывают, под сенью красных знамен социалистической революции соединенные усилия русского, польского, армянского и других территориальных пролетариатов, между которыми бестерриториальный еврейский пролетариат, тесно сплоченный в дисциплины превосходных организаций, играет роль неутомимых дрожжей классовой борьбы, объединяющей все пролетариаты к великой общей цели... Я человек не первой молодости, а все же надеюсь не умереть прежде, чем увижу Красные знамена на развалинах Петропавловской Крепости и Зимнего Дворца. И — будет единение, и чудища классовых пережитков, привычные питаться черными предрассудками веков, станут умирать от голода и стыда. И прозревшие люди, без различия религий и национальностей, братски обнимутся в преддверии Нового Иерусалима»...

Такими словами была закончена первая лекция курса: «Еврейство и социализм», читанного весной 1906 года Александром Амфитеатовым в парижском Русском колледже.

Прошло ровно 13 лет с тех пор, как слушателям Русского колледжа усиленно старались доказать, что антисемитизм — откровенный и неразлучный спутник монархического принципа, а втайне уживается очень дружно и со всеми буржуазными республиками, исторической же причиной антисемитизма является социалистический характер «еврейского гения», проявляющийся в противогосударственности и обособленности иудейского народа. Александр Амфитеатов, развивая свою тему, отстаивал как основное положение, что еврейская буржуазия, являющаяся центром, органом и фактором всяких компромиссов, — возникла, как отрицательный плод антисемитизма же.

Большевики справили уже одну годовщину своего пребывания у власти, дарованной им «пролетарской победой», о которой мечтали все подобные Амфитеатову враги русской государственности, возлагавшие надежду на то, что «еврейская закваска разольется по всему миру, словно эфир в атмосфере, и что еврейство не для того научило людей разных стран и наций чувствовать себя гражданами мира, чтобы самому отказаться от этого гражданства и скрыться за пределами какого-нибудь нового гетто».

С первых дней «пролетарских побед» еврейство приняло торжественное участие на пиру победы, на почетном месте, как старейший из бойцов торжествующей армии. Ведь, по утверждению собственных

идеологов, евреи всегда делали революцию, делают и будут ее делать. Еще за 8 веков до Рождества Христова евреи исправляли Моисеевы законы статьями Второзакония. Евреи не могут не делать революции — активной или пассивной, потому что социальная революция — их характер, их назначение, их история среди народов. В этих бесконечных революциях они потеряли все: национальную территорию, политическую самостоятельность, все вещественное, что связывает собою народы. Революция для них стала протестом против собственной исторической судьбы.

Но вот кровавый туман окутал революционную Россию. Лозунги о самоопределении разделили народы на враждующие между собою станы, идеалы социальной революции на деле привели к ужасам братоубийственной бойни, потоками льется кровь во имя призрака: мировой революции. Красивые «революционные» слова о свободе, равенстве и братстве, слова о всеобщей любви заглушены ревом разъяренного низменного зверя большевика. «Великая», «святая», «бескровная» революция разрушила Россию, обездушила и обескровила русский народ и покрыла его тяжким позором в глазах других народов.

И спешат испуганные страшным делом рук своих «освободители» России — безнадежно бездарные доктринеры — свалить всю вину на большевика и оправдаться во мнении мира в ужасах классовой вражды, которую сами они «расширяли» и «углубляли». После упоения достигнутым успехом, одними из последних почувствовали оборотную сторону Гражданской войны евреи, отличительною политическою системою которых было всегда становиться под непосред-

ственное покровительство какой бы то ни было власти. В то время, как, по собственному их признанию, всякая государственная власть, выходящая из их среды и для их среды, глубоко противна им и вызывает ропот и протесты с первого момента своего возникновения до последнего часа своего существования, евреи обладают необыкновенной способностью влюбляться в разных стихийных людей чужой власти, — часто даже наперекор патриотизму, как понимает патриотизм арийское племя.

Чтобы не быть голословным, приведу всего два примера, разделенные между собою десятками веков. Пророк Иеремия с мистическим энтузиазмом уверовал в Навуходоносора, как в «палача Божия». Бичуя несчастья своих земляков с почти безумным злорадством отчаянья, Иеремия прямо убеждал их, что несчастьем будет и борьба с Навуходоносором: это противление каре Божией. Другой пример произошел на нашей памяти на Украине: влюбленный в вождей «трудовой республики» одесский журналист Ш. Шварц весьма откровенно заявил: «Евреи единственные на Украине выказали корректное и добрососедское отношение к украинцам, собравшимся под знаменами Петлюры; во многих случаях они заняли даже прямо благожелательную позицию по отношению к новой власти. При въезде Директории в Киев ее приветствовали только представители еврейства; своего кандидата на пост министра по национальным делам дали только еврейские социалистические партии. Прочие национальные меньшинства в крае держатся в стороне, совершенно игнорируя восторжествовавшую власть и ее представителей. Евреи же не могли позволить себе эту роскошь, ибо слишком сильно (!) чувст্বова-

ли они на себе прелести гетманской реакции¹, чтобы не желать от всей души перемен».

А вот как отблагодарили «верноподданных» евреев петлюровцы, учинившие потрясающую резню в Прогурове весной 1918 года.

В казармах, занятых гайдамацким полком запорожской бригады, атаман Семененко готовил страшный суд не над виновными, которые успели скрыться, а над всем еврейским населением. Приказ гласил: не трогать зарядов, не щадить никого, не грабить. Солдатам розданы были порции кокаину — для храбрости.

В 2 ч. пополудни четыре отряда в количестве 200 чел., под командой «инструкторов» в полном вооружении, двинулись в город. Шли по четверо в ряд, распевая солдатские песни. Потом внезапно остановились на улицах, и здесь каждый инструктор выделил по несколько человек в каждый отдельный дом.

Тихо входили в дома. И через минуту оттуда раздавались спазматичные рыдания, ужасный вопль, немедленно заглушаемые умелой рукой палачей, отрывистые стоны, а окровавленные солдатские фигуры выходили из дома.

— Покончили, батко... — Всех? А как же! — Ладно.

И страшное шествие продолжалось систематично из дома в дом. Не во всех домах еврейского квартала жили евреи, но ошибок не делалось...

¹ Насколько плохо жилось евреям при гетмане, можно судить по тому, что при нем именно евреи, пользуясь тем благоприятным для них обстоятельством, что во главе министерств и торговли стоял их соплеменник Гутник, развили спекуляцию до чудовищных, небывалых размеров и были в некоторых отношениях господами положения, пока гетман был «украинцем».

Позднее некоторые евреи, только раненные штыками и оставленные так в уверенности, что они уже мертвы, рассказывали нам, как происходила эта страшная церемония. Обычно у стола сидела, сплотившись, еврейская семья, предчувствуя несчастье. Старики надевали молитвенные облачения, зажигали свечи и погружались в молитву. Ни одна слеза не падала с лица, дух замирал, и фатум покорности овладевал всеми. Вдруг раздавался стук прикладов в дверь. Входят палачи.

— Попрощайтесь между собой!

И через полминуты начинается работа, короткая и тихая, чтобы в квартире соседней не было слышно. Под ударами прикладов или штыков падали старцы, женщины и дети. Больше всего инстинкт самосохранения оставался в детях, многим из которых удалось спастись, укрывшись под кроватями и в шкафах.

Деньги, предлагаемые за пощаду, не помогали. Брели их, а потом делали свое. Случалось, однако, что и денег не хотели брать. Рассказывают, что, когда палачи вошли в дом богача Шильмана и тот предложил им полпуда спрятанного у него золота, он услышал перед смертью ответ:

— Не нужно нам твоих денег, нам душа твоя нужна...

Уже начинались сумерки, а резня не прерывалась. Инструкторы бегали по улице, торопя солдат. Случилось, что на Каменецкой улице дорогу палачам преградил православный дьякон.

— Люди добрые, що робыте, ради Христа!

Но ему не удалось даже докончить своей проповеди; он пал под штыками не слушавших увещаний солдат.

Вечерний мрак набросил свое покрывало на кро-

вавый эпилог. Со стороны дворца показалась кавалькада: впереди ехало двое казаков, один держал украинское знамя, затем карета с атаманом Симененко, производившим смотр своим молодцам, пионерам «свободной Украины»; далее двое казаков освещали факелами дорогу.

— Батько наш!

— Слава! Слава!

Резня окончилась. Начался грабеж.

«Перемены», ради которых евреи перешли на сторону Петлюры и Винниченко, не заставили себя ждать...

Но не главенство в штабах, комиссариатах, трибуналах и прочих учреждениях выпало на долю евреев на Украине, а ужасная, отвратительная погромная волна, вспыхнувшая на Подолии и на Волыни и распространившаяся по всему югу России, за исключением областей, занятых Добровольческой Армией и, слава Богу, ультрамонархическими румынскими войсками, а затем перебросившаяся и в Галицию, и в республиканскую Польшу. Европа, к своему изумлению, могла убедиться, насколько «антисемитизм — болезнь монархическая, — даже не специально самодержавная, но общемонархическая, против которой бессильны конституционные паллиативы».

Не знаю, читали ли члены комиссии американского сенатора Моргентау, ген. Джадвин и прочие расследователи республиканско-социалистических «petits jeux», возмущивших весь цивилизованный мир, брошюру идеолога иудаизма Амфитеатрова «Еврейство — как дух революции»; но я твердо убежден, что г. Гроссман и г. Коральник, едущие в Лондон с трагической миссией сообщить о 35 000 жертв еврейских

погромов в Украине, хорошо знакомы с литературой, посвященной происхождению антисемитизма. Однако г. Мейер Гроссман, член еврейского национального собрания в Украине и украинской центральной организации помощи жертвам погромов, в интервью с иностранными журналистами главной причиной обрушившегося на еврейство ужасного бедствия признал Гражданскую войну, вызвавшую небывалую национальную ненависть к евреям, «историческим жертвам анархии». Вся беда в том, что евреи не знают, кто завтра будет у власти. С одной стороны, их громят большевики, как «буржуев», с другой — избивают украинские повстанцы за «коммунизм». Главными погромщиками, по словам Мейера Гроссмана, являются руководимые левыми эсерами повстанцы крестьяне, идущие с лозунгом: «Долой комиссаров из прожорливой Москвы, долой жидов, распявших Христа!» Я позволю себе привести дословный перевод с помещенного в еврействующей датской газете «Politiken» заявления Мейера Гроссмана относительно погромов, переданного в упомянутой газете датским евреем Пером Кимером:

«Слабый еврейский народ с самого начала стал, при посредстве всех еврейских политических партий и в лице своих национальных представителей, на сторону украинского национального движения; но был ужасно разочарован. Когда Петлюра взял Киев, евреи ликовали по поводу победы Директории, которая обещала им национальную автономию. Но именно в это время, в ноябре 1918 года, начались погромы, которые не прекращаются и по сие время.

«Особенно страдает малозажиточное население городов, а главную роль в погромах играют «инструк-

тора» национальных украинских войск — особенно Петлюры и Григорьева. Но и большевистские полки часто устраивают погромы и грабежи.

«— Вы говорите, что погромы продолжаются с ноября. Нужно ли понимать это в смысле «непрерывного действия»?

— Собственно говоря, да! можно указать на три периода, из ряда вон выходящие по своим ужасам. Первый период захватывает собою ноябрь 1918 г. и январь 1919, второй продолжался с февраля по апрель. Во время этого периода произошла зверская двухдневная бойня в Проскурове (14—15 февраля). Она была организована атаманом Симоненко и стоила жизни 1700 евреям. Были поголовно истреблены целые семьи, истреблено население целых улиц. Маленькие дети — по 2 по 3 сразу — брались на штыки. Убийцы запасались саблями, ручными гранатами и винтовками. В маленьком местечке по соседству, Фельштинне, было убито 400 евреев и сожжено множество домов. Части отступавшей в то время петлюровской армии рассеялись по губернии и уничтожали еврейские местечки. С парохода, шедшего по Днепру из Киева в Межигорье, было снято 103 еврея, которых связали и утопили...

Самое ужасное время началось однако в апреле и продолжается и по сие время. Жертвы исчисляются тысячами, уничтожаются сотни населенных мест. Во время этих погромов проявляется всюду одна и та же кошмарная картина: зверская жажда крови и неслыханная страсть к разрушению. Все громилось в щепки и на куски. В некоторых местечках было истреблено все мужское население.

Еврейский национальный секретариат составил

на основании достоверных сведений подробный перечень всех погромов. По этим данным, с конца ноября 1918 года по 20 мая этого года произошли погромы и кровавые эксцессы не менее чем в 175 местах. Какие размеры приняли эти эксцессы в других 40—50 местах, невозможно установить, так как сообщение с ними прервано. Можно пока считать установленным факт, что за этот период времени убито зверским образом 30—35 тысяч евреев. А к этому числу необходимо прибавить еще раненых. У меня имеется подробный список убитых, а национальный секретариат установит, вероятно, все имена. Я подчеркиваю, что указанные мною цифры не преувеличены, — скорее даже они меньше действительных.

— Неужели евреи совсем беззащитны?

— Да! Слабые попытки организовать для самозащиты были уничтожены большевистскими властями. Они указали евреям, что для спасения своей жизни они должны вступить в ряды Красной Армии. Этому указанию смогли последовать только очень немногие, так как евреи не разделяли (!) убеждений (!) большевиков. Даже сбор в пользу жертв погромов был запрещен большевиками — одним словом: всякая попытка организовать самопомощь терпела крушение из-за классовой точки зрения большевистского правительства.

Как видите, — закончил свое повествование Мейер Гроссман, — страна находится в состоянии полного развала. Голод, нужда и болезни свирепствуют с неслыханной силой. Еврейское население обречено погибнуть без сопротивления. Оно жаждет получить возможность покинуть ужасный край и эмигрировать. С особой надеждою обращает оно свои взоры

на Палестину — но, к сожалению, врата Палестины все еще закрыты».

Итак, нужно было погибнуть 35-ти тысячам евреев, чтобы вожди их воочию убедились в прелестях Гражданской войны и классовых воззрений большевиков. И из революционной, социалистической федеративной Совдепии и советской и несоветской Украины еврейство обращает взоры к закрытым (?) вратам Палестины. Правда, такого числа жертв не давала ни одна еврейская революция в Европе. Только всеиудейское восстание 116-го года по Р.Х. стоило евреям 220 000 человек в Африке и 240 000 в Месопотамии и на Кипре.

Тысячу восемьсот лет продолжалась борьба евреев за «мирное сожительство» с другими народами, которое они считали возможным только после «пролетарской победы». В России евреи сделали все, чтобы превратить русского человека, так горячо любившего свою Родину и Царя, в интернационалиста, социалиста, изменника и преступника.

Только когда эти преступники взяли штык и дубину, и, не имея под рукою других «буржуев», обрушились на еврейство, евреи закричали об «анархии», хотя сами же раньше неправдой и подкупом, лестью и нахальством подтачивали алтарь нашего Отечества.

В заключение я приведу два исторических документа, показывающих, насколько прозорливы были люди, стоявшие на защите достоинства и славы России, когда они пытались освободить нашу страну от «дрожджей», причинивших гибель и позор Руси, увы, не испившей еще до дна всю горечь революционной отравы.

Еще два столетия тому назад, 20-го апреля 1727 го-

да, Императрица Екатерина I подписала следующий указ:

«О высылке евреев из России: Сего апреля 20 дня Ее Императорское Величество указала — евреев как мужеского так и женского полу, которые обретаются на Украине и в других российских городах, тех всех выслать вон из России за рубеж немедленно и затем впредь их ни под каким видом в Россию не впускать, и того предостерегать во всех местах накрепко. А при отпуске их смотреть накрепко, чтобы они из России за рубеж червонных, золотых и никаких российских серебряных монет и ефимок отнюдь не вывезли, а буде у них червонные и ефимки, или какая российская монета, явится, за оные дать им медными деньгами.

Дан в Верховном Тайном Совете».

Через пятнадцать лет Императрица Елизавета Петровна заметила, что вышеприведенный указ нарушается, и вновь категорически запретила евреям жить в России.

Вот Ее указ Правительствующему Сенату от 2-го декабря 1742 года:

«Евреи в нашей империи под разными видами жительство свое продолжают, отчего не иного какого плода, но токмо, яко от таковых имени Христа Спасителя ненавистников, нашим верноподданным крайнего вреда ожидать должно. Ввиду сего повелеваем: всех евреев мужского и женского пола, какого бы кто и звания и достоинства ни был, с объявлением указа, со всем их имением, немедленно выслать за границу, и впредь оных — ни под каким видом в нашу империю не впускать (разве кто из них захочет быть в христианской вере греческого исповедания; то, таковых

крестя, жить им позволить, только из государства уже не выпускать)».

К несчастью, для процветания и славы России мудрые указы Державных Хозяев Руси не были соблюдены. Благодаря соединенным усилиям семи с половиной миллионов евреев, населяющих земной шар, не были осуществлены и последующие проекты объявления евреев в России иностранными подданными.

Но верится, что близится счастливая пора Возрождения России. Окрепнут когти двуглавого орла, подымутся его широкие крылья. Тогда он разорвет и сбросит с себя позорные цепи еврейского засилия и воспрянет к жизни, полный сил и веры в светлое будущее.

Народ русский останется до конца великодушным и не будет мстить евреям за бесчисленные старые обиды, но твердо выскажет свою волю, что в его среде евреям места нет.

Каждый свой новый год евреи встречают друг друга традиционным пожеланием: «Дай Бог следующий год нам встретиться уже в Иерусалиме».

Если только настанет благословенный момент такого «великого похода» евреев из России, с какою радостью каждый русский человек выскажет им свое сердечное напутственное пожелание:

— Счастливого пути! Честь и место вам в Палестине. России же вы не нужны!..

Э. Г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Глава 1

Еврейство. — Подавляющая часть евреев жила в России. — Враждебность к русской цивилизации. — Буржуазный дух. — Еврейское засилье. — Еврейский капитал	9
---	---

Глава 2

Усиление иудейского наступления на Россию. — Крупные еврейские капиталы. — Засилье евреев в банковской и биржевой деятельности. — Скупка русских земель. — Русские мыслители о евреях. — «Жид идет!»	22
--	----

Глава 3

Вытеснение и искоренение христианства иудаизмом. — Проклятия Христу. — Святотатства. — Запрещение изучения Закона Божия и установки распятия в государственных школах. — Расправы с крещеными евреями. — Ритуальные убийства. — Преследования христиан	33
--	----

Глава 4

Ритуальное убийство Андрея Ющинского. — Дело Бейлиса. — Моральный и физический террор еврейских кругов в отношении суда и свидетелей по делу. — Уничтожение улик и очевидцев. — «Доказанность убийства со всеми признаками ритуальности». — Преследования православных. — Попытки убить И. Лютостанского. — «Еврейское нашествие»	53
---	----

Глава 5

Секта жидовствующих. — Ее антирусская, антихристианская направленность. — Молитвы об избавлении от «русского ига» и водворении в «землю обетованную». — Указ Синода о борьбе с жидовствующими еретиками	70
---	----

Глава 6

Еврейские погромы начала XX века как сионистская провокация. — «Отряды самообороны» для убийств русских людей. — Еврейские беспорядки в Кишиневе, Гомеле и Пинске. — Погромы в других странах 82

Глава 7

Создание сионистского движения и антирусских партий. — Убийства евреями русских политических деятелей 101

Глава 8

Антирусское восстание. — Создание антирусских «республик». — Расцвет политического бандитизма. — Массовые убийства русских людей. — Попытки запугать народ 115

Глава 9

Еврейские партии. — Организаторы бандгрупп. — Погромы и террор против русского населения 136

Глава 10

Отечественная война против еврейских погромщиков. — Народный подъем. — Русские против организаторов погромов. — Ужас преступного сообщества 154

Глава 11

«Победа Израиля». — Евреи спасли советскую власть. — Еврейские погромы в советский период 173

Глава 12

Еврейский погром русского народа. — Неслыханные зверства. — Массовые убийства русских 180

Приложения:

1. Алексей Шмаков. Погром евреев в Киеве 207
2. Э.Г. Несколько слов о еврейских погромах 336

Платонов Олег Анатольевич
МИФЫ И ПРАВДА О ПОГРОМАХ

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *С. Кладов*
Корректор *О. Степанова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к. 5
тел.: (095) 745-58-23

ООО «Пресском»
107140, Москва, Леснорядский пер., 18, стр. 19а.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 08.06.2005.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 7100 экз. Заказ № 7379

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ОЛЕГ ПЛАТОНОВ

**МИФЫ
И ПРАВДА
О ПОГРОМАХ**

100 лет назад в России началась Отечественная война.

После того как иудейская «пятая колонна», опираясь на «мировую закулису», развязала в России Первую анти-Русскую революцию 1904 – 1905 гг.; после того как по Империи прокатилась волна революционного террора, унесшая десятки тысяч жизней, – русские люди ответили на революционное насилие – насилием, на еврейский террор – русской самообороной.

Сто лет назад враги России получили достойный отпор.

Теперь они называют это «погромами».

Но то было началом Русского Сопротивления.

Читайте новую книгу Олега Платонова, разоблачающую иудейский миф о «погромах» и неопровержимо доказывающую, что в большинстве случаев евреи были не «невинными жертвами», а зачинщиками и главными виновниками этих событий, которые заслуживают названия Отечественной войны за освобождение от иудейского ига.

ISBN 5-98083-047-2

9 785980 830472